

Ismail Kadare
GJENERALI I USHTRISË SË VDEKUR

ИСМАИЛЬ КАДАРЭ

ГЕНЕРАЛ МЕРТВОЙ АРМИИ

*Примите, я принес это вам!
Земля была тяжелой,
и все время стояла ужасная погода.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На чужую землю падал дождь вперемешку со снегом. Из-за слякоти мокрым было все: бетонное поле аэродрома, крыши зданий, охранники. Она покрывала поле и холмы, блестела на черном асфальте автострады. Как будто и не начало осени; монотонный дождь показался бы печальным кому угодно, что уж говорить о генерале, только что прибывшем в Албанию, чтобы собрать разбросанные по разным ее уголкам останки солдат, погибших во время последней мировой войны. Переговоры между двумя правительствами начались еще весной, но заключительные договоры были подписаны только в начале августа, когда начинаются первые затяжные дожди. И вот уже осень – время безраздельного господства дождя. Генералу было об этом известно. Перед поездкой он, среди прочего, узнал кое-что и о климате Албании. Генерал узнал, что осень здесь сырая и дождливая. Но даже если бы в прочитанных им книгах было написано, что осень в Албании сухая и солнечная, дождь не стал бы для него неожиданностью. Отнюдь нет. Причина была проста – ему всегда казалось, что подобная миссия может быть выполнена только под проливным дождем. Он долго не мог оторваться от иллюминатора, разглядывая угрожающую панораму гор. Их острые вершины, казалось, вот-вот проткнут брюхо самолета. Земля, вставшая на дыбы. Быстро скользящие внизу темные плоскогорья были укутаны туманом. В глубине пропастей и на горных склонах, во всех концах ледяного плоскогорья покоилась под дождем целая армия, и он летел, чтобы поднять ее из могил. Теперь, когда он впервые увидел внизу чужую землю, он гораздо более отчетливо ощутил тот смутный страх, который он испытывал вот уже несколько месяцев, и который был вызван ощущением беспомощности, связанным с его миссией. Армия была там, внизу, вне времени, окаменевшая, застывшая под ледяной землей. На него была возложена обязанность извлечь из грязи эту армию. И необходимость эта вызывала у него страх. В его миссии было что-то противоестественное, он должен был погрузиться в непроглядный мрак, в абсолютную тишину, в небытие. Последствия могли быть самыми неожиданными.

Вид земли, показавшейся, наконец, там, внизу, вместо того, чтобы вернуть ему уверенность в себе, напротив, еще более усилил его страх. К спокойному безразличию мертвых добавилось равнодушное презрение пролетавшей внизу земли. Но не только равнодушные. Было еще что-то. Этот сумасшедший бег земли сквозь

туман, эти изломанные, словно в приступе боли, горные склоны явно излучали враждебность.

На мгновение задача показалась ему невыполнимой. Но он, хотя и с трудом, все же постарался взять себя в руки. Тягостному чувству, вызванному угрожающим и враждебным видом гор, он попытался противопоставить чувство гордости за свою миссию. Фразы из речей и газетных статей, обрывки разговоров, гимны, кадры из фильмов, торжественные церемонии, страницы воспоминаний, звон колоколов; все, что было погружено в глубины подсознания, медленно поднималось на поверхность. Тысячи матерей там, на родине, ждут, когда он привезет им останки их сыновей. И он их им привезет. Он с честью выполнит свою великую и святую задачу. Он сделает все возможное. Ни один погибший не должен быть забыт, ни один не должен остаться в чужой земле. О, это воистину великая миссия! Во время полета он вновь и вновь повторял про себя слова, сказанные ему перед отъездом одной почтенной высокопоставленной дамой: «Словно гордая одинокая птица, полетишь ты над этими трагичными горами, и вырвешь из цепких когтей их ущелий наших несчастных сыновей».

И вот теперь полет подходил к концу. Когда горы остались позади, и они полетели над долинами, а затем над равниной, генерал вздохнул с облегчением.

Самолет покатил по мокрой посадочной полосе. Слева и справа мелькали, удаляясь, красные и фиолетовые огоньки. Голые деревья, военный в шинели, другой военный, еще более неподвижный, чем первый – все улетало назад и исчезало, словно испугавшись чего-то. И только те, кто их встречал, плотной группой приближались к самолету.

Генерал сошел с трапа первым. За ним – сопровождавший его священник. Мокрый ветер с силой хлестнул им в лица, и они подняли воротники.

Через полчаса их машины уже мчались в сторону Тираны.

Генерал повернулся к священнику, молча глядевшему в окно. На лице у него застыло безразличие. Генерал понял, что говорить им, собственно, не о чем, и закурил сигарету. Снова посмотрел вдаль. Контурсы чужой земли казались искаженными и разорванными на части стекавшими по стеклу струями воды.

Издали донесся паровозный гудок. Генерал попробовал угадать, с какой стороны появится поезд, с его стороны, или со стороны священника. Поезд появился с его стороны. Генерал проводил его взглядом, пока поезд не растворился в тумане. Он снова повернулся к священнику, но лицо у того все так же ничего не выражало. Генерал вновь почувствовал, что им совершенно не о чем говорить. Более того, он вдруг понял, что ему даже думать ни о чем не хочется. Он все уже обдумал во время перелета. А сейчас он устал. Лучше вообще больше ни о чем не думать. Хватит. Лучше посмотреть в маленькое зеркальце, в порядке ли у него мундир.

Когда они приехали в Тирану, уже вечерело. Сквозь туман, висевший над землей, проглядывали огоньки, угадывались очертания дворцов, силуэты облетевших деревьев в городских парках. Генерал оживился. Через окно машины он разглядывал многочисленных пешеходов, спешивших под дождем. Здесь очень

много зонтиков, подумал он. Он хотел заговорить со священником, молчание уже наскучило ему, но не знал, что сказать. Из своего окна он увидел церковь, чуть дальше – мечеть. Со стороны священника высились недостроенные дворцы, одетые в строительные леса. Подъемные краны шевелились в тумане, словно фантастические чудовища с красными светящимися глазами. Генерал обратил внимание священника на церковь и мечеть, но тот не проявил к ним ни малейшего интереса. Значит, его трудно заинтересовать чем-то посторонним, подумал генерал. Настроение у него вроде бы улучшилось, вот только поговорить было не с кем. Сопровождавший их албанец сидел впереди, а депутат Народного собрания и представитель министерства, встречавшие их в аэропорту, ехали сзади в другой машине.

В отеле «Дайти» генерал, уже в хорошем расположении духа, поднялся в свой номер, побрился и переоделся. Затем спустился в холл и заказал телефонный разговор с домом.

Генерал, священник и три албанца ужинали вместе. Они разговаривали о разных пустяках, старательно избегая политических тем. Генерал был вежлив и чрезвычайно серьезен. Священник в основном молчал. Генерал дал понять, что главный здесь он, а не молчаливый священник. Он рассуждал о прекрасных традициях, созданных человечеством в связи с погребением воинов. Упомянул о греках и троянцах, хоронивших убитых с невероятной пышностью в перерывах между боями. Он был очень воодушевлен своей миссией. Он во что бы то ни стало выполнит свой нелегкий, но святой долг. Тысячи матерей ждут своих сыновей. Вот уже двадцать с лишним лет длится это ожидание. Да, конечно, сейчас они ждут не так, как они ждали, когда надеялись, что их сыновья вернутся домой живыми, но ведь и мертвых тоже ждут. Он вернет матерям останки их сыновей, которыми генералы бездарно командовали во время войны. Он гордился, что это поручили именно ему. Он сделает все, даже невозможное.

- Господин генерал, телефон...

Генерал энергично поднялся.

- Прошу прощения, господа, - и широкими шагами он направился к стойке портье.

Вернулся он столь же величественным. Он весь сиял. За столом пили коньяк и кофе. Разговор понемногу оживился. Генерал снова дал понять, что именно он возглавляет эту миссию, поскольку священник, хотя и имеет звание полковника, в данном случае всего лишь представитель церкви. Он был главным и мог начать разговор на любую тему: о коньяках, столицах, сигаретах. Он чувствовал себя превосходно, ему все нравилось – этот зал гостиницы, эти тяжелые портьеры, эта чужая, даже слишком чужая музыка. Ему и самому стало странно, отчего вдруг он почувствовал такую любовь ко всему, что его тут окружало – от мягких кресел до автомата для приготовления кофе-эспрессо, издававшего приятный звук. Даже больше, чем любовь, возможно, это было преждевременная тоска о том, с чем ему, как он чувствовал, придется надолго расстаться.

Генералу было весело. Очень весело. Он и сам не знал, отчего его вдруг захлестнула волна радости. Это была радость путника, обретшего пристанище после долгой опасной дороги, да еще в плохую погоду. Маленькая рюмка коньяку все дальше отгоняла от него угрюмую, угрожающую панораму темных гор, даже здесь, за столом, все еще возникавшую перед ним тревожным видением. «Словно гордая одинокая птица...» Он вдруг почувствовал себя всемогущим. Тела десятков тысяч солдат столько лет ждали его в земле, и вот он явился, чтобы они восстали из грязи и вернулись к родным и близким. Он явился, как новый Христос, но вооруженный картами, списками и точными данными. Другие генералы вели бесконечные колонны солдат к неудачам и гибели, а он явился, чтобы вырвать у смерти и забвения их останки. Он будет идти от могилы к могиле, по всем бывшим полям сражений, чтобы найти всех забытых. В своей битве с цепкой глиной он не будет знать поражений, ведь он вооружен магической силой точных, тщательно проверенных данных.

Он представляет здесь великую цивилизованную державу, и миссия его воистину величественна. В ней есть что-то от величия греков и троянцев, что-то от воспетых Гомером погребальных церемоний. Они просто откроют рты от изумления, - албанцы, не выпускающие из рук зонтиков!

Генерал выпил еще рюмку. С этой самой ночи, каждый день, каждый вечер, там далеко, на его родине, все, кто ждут, будут говорить о нем: он сейчас ищет. Мы ходим в кино, в рестораны, гуляем, а он бредет по чужой земле и ищет наших несчастных сыновей. Ищет и раскапывает могилы. Ох, и тяжелая у него работа, но он справится. Не зря мы послали его. Да поможет ему бог!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эксгумация армии началась 29 октября в 14.00.

Кирка издала глухой звук. Священник перекрестился. Генерал отдал честь. Старый рабочий высоко поднял кирку и снова вонзил ее в землю.

Ну вот и началось, с волнением подумал генерал, наблюдая, как первые влажные комья земли отлетают к их ногам. Это была первая могила, которую они вскрывали. Все замерли вокруг в ожидании. Албанский эксперт, стройный светловолосый юноша с худощавым лицом, что-то помечал в своем блокноте. Двое рабочих курили сигареты, третий сосал трубку, а самый молодой из них стоял и задумчиво наблюдал за происходящим, облокотившись на ручку кирки. Они внимательно следили за вскрытием первой могилы, поскольку должны были ознакомиться с процедурой, которую нужно было соблюдать при проведении раскопок. Все детали были оговорены в пунктах 7 и 8 четвертого приложения к договору.

Генерал не мог отвести взгляд от горки земли, которая понемногу росла под ногами у рабочего. Комья были черные, мягкие, от них шел пар.

Вот она, чужая земля, сказал он себе. Земля как земля. Та же черная грязь, что и везде, те же камешки в ней, те же корни и такой же пар. И тем не менее чужая.

У них за спиной, на шоссе, время от времени быстро проносились машины. Кладбище было рядом с шоссе, как и большинство солдатских кладбищ. По ту сторону дороги паслись коровы, их мычание время от времени нарушало тишину долины.

Генерал слегка нервничал. Груда земли все росла, через четверть часа рабочий стоял в яме уже по колено. Потом он вылез и несколько минут отдыхал, пока другой рабочий выгробал лопатой разрыхленную землю.

Высоко в небе летела стая диких гусей.

По шоссе неспешно шел крестьянин, ведя лошадь под уздцы.

- Бог в помощь! – сказал крестьянин, который, кажется, не понял, чем они занимаются. Никто из стоявших вокруг могилы не ответил ему, и крестьянин пошел дальше.

Генерал смотрел то на разрытую могилу, то на лица рабочих-албанцев. Они были спокойны и серьезные.

О чем, интересно, они думают? – задал он себе вопрос. Эти пятеро должны извлечь из земли целую армию.

Но по их лицам ничего нельзя было понять. Двое из них снова закурили, третий все еще сосал свою трубку, а самый молодой продолжал стоять, опершись на ручку кирки, и мысли его, похоже, были далеко отсюда.

Старый рабочий теперь уже был по пояс в яме, и эксперт что-то объяснял ему. Они о чем-то переговорили, и рабочий снова принялся копать.

- Что он говорит? – спросил генерал.

- Я не расслышал, – ответил священник.

Остальные стояли молча, как на похоронах.

- Хорошо еще, что дождя нет! – сказал священник.

Генерал поднял глаза. Горизонт был затянут туманом, и далеко, очень далеко, вверх вздымались не то горные вершины, не то клочья тумана.

Рабочий копал все глубже. Генерал смотрел на его седую голову, двигавшуюся в такт ударам кирки. Видно, опытный рабочий, подумал генерал. Не зря его назначили бригадиром. Генералу хотелось, чтобы рабочий копал быстрее, чтобы все могилы были раскопаны как можно скорее, и как можно скорее были найдены все павшие. Ему не терпелось, чтобы остальные рабочие тоже принялись за раскопки. Тогда он достанет списки, и в списках будет появляться все больше крестиков, и каждый крестик будет обозначать найденного солдата.

Удары кирки теперь доносились издали, словно с того света, и генерал всем своим существом вдруг ощутил тревогу.

А вдруг мы не найдем там солдата? – подумал он. А вдруг карты неточны, и мы вынуждены будем копать в двух местах, в трех, в десяти – чтобы найти единственный скелет?

- А если мы здесь ничего не найдем? – спросил он священника.

- Будем копать снова. Заплатим вдвое.

- Дело не в деньгах. Главное – найти.

- Должны найти, – сказал священник. – Не можем не найти.

Генерал с беспокойством заглянул ему в глаза.

- Такое впечатление, что тут никогда и не было войны, – сказал он, – а эти быстрые спокойные коровы пасутся здесь с незапамятных времен.

- Так всегда кажется по прошествии времени, – сказал священник, – после войны прошло уже двадцать лет.

- Это верно, уже много времени прошло. Поэтому я и беспокоюсь.

- Не стоит беспокоиться, – сказал священник. – Земля тут надежная, что в нее попало, она хранит долгие годы.

- Это правда. Сам не знаю, почему мне не верится, что они где-то здесь рядом, на глубине всего двух метров, под нашими ногами.

- Это потому, что вы не были тут во время войны, – сказал священник.

- Это было ужасно?

Священник кивнул.

Теперь старый рабочий почти целиком скрылся в яме. Все еще теснее сгрудились вокруг него. Эксперт, склонившись над ямой, все время что-то говорил ему, показывая куда-то рукой.

В земле было много маленьких камешков, глухо скрежетавших о железо лопаты. Генералу вспоминались обрывки историй, рассказанных ему ветеранами войны – они часто приходили к нему домой перед его отъездом, чтобы узнать о могилах своих друзей, разбросанных по всей Албании.

Кинжал натыкался на мелкие камни, царапал их с ужасным скрежетом. Я долбил землю изо всех сил, но почва была глинистая, и от кинжала было мало проку. Я с трудом выковыривал им горсть грязи и говорил себе: ах, если бы я был сапером, и у меня была бы лопата – я копал бы быстро, быстро, быстро. Потому что рядом со мной лежал – ногами в канаве с водой – мой самый близкий друг. Я и у него снял кинжал с пояса и стал копать сразу двумя руками. Я хотел выкопать ему глубокую могилу, как он и хотел. Если я погибну, часто говорил он мне, закопай меня поглубже, я боюсь, вдруг меня раскопают собаки, как тогда в Тепелене. Помнишь, что натворили собаки в Тепелене? Помню, говорил я, затагиваясь сигаретой. А теперь, когда его убили, я бормотал, взгрызаясь в землю: не бойся, я вырою глубокую могилу, очень глубокую. Когда я все закончил, то разровнял как мог землю и не оставил сверху никакой отметки, никакого камня, ведь он не хотел никаких отметок, он боялся, что его найдут и выколют из земли. Я ушел в ночь, в ту сторону, где не слышно было пулеметной стрельбы, и, пока шел, оглядывался во мрак, в котором я оставил своего друга, и думал: не бойся, тебя ни за что не найдут.

- Мне кажется, здесь мы ничего не найдем, - сказал генерал, пытаясь скрыть тревогу.

- Неизвестно, - ответил священник. – Надежда еще есть.

- Во время войны не хоронили так глубоко.

- Может быть, его потом перезахоронили, - сказал священник. – Часто случалось, что хоронили во второй раз, а то и в третий.

- Возможно. Но если могилы будут такими глубокими, мы никогда не закончим.

- Будем нанимать иногда еще и временных рабочих, - сказал священник.

- Возможно. Ну, что они там делают? – спросил генерал. – Все еще ничего нет?

- Это уже максимальная глубина, - ответил священник. – Сейчас должны найти, если там вообще хоть что-то есть.

- Похоже, рассчитывать на удачу нам сегодня не приходится.

- Может, почва сдвинулась, - проговорил священник. – Возможно, на карте не обозначена сейсмичная зона.

Эксперт еще ниже склонился над ямой, а остальные подошли поближе.

- Нашел, - сказал старый рабочий, голос его доносился глухо и еле слышно, потому что говорил он, низко опустив голову к самому дну ямы.

- Нашел, - сказал священник.

Генерал с облегчением вздохнул. Рабочие зашевелились. Самый молодой, тот, что стоял, опершись на ручку кирки, попросил у товарища сигарету и закурил.

Старый рабочий начал поднимать на лопате кости. В них не было ничего пугающего. Они были облеплены мягкими комьями глины и походили на кусочки сухого дерева. Вокруг приятно пахло свежевскопанной землей.

- Дезинфектант! – крикнул эксперт. – Принесите дезинфектант!

Двое рабочих бросились к грузовику.

Среди костей эксперт обнаружил какой-то небольшой предмет.

- Вот медальон, - сказал он и, захватив пинцетом, показал его генералу. – Не прикасайтесь к нему, пожалуйста.

Генерал нагнулся, всматриваясь, и с трудом различил изображение Святой Марии.

- Медальон наших солдат, - медленно проговорил он.

- Ты знаешь, зачем у нас этот медальон? – спросил он меня однажды. Чтобы опознать наши трупы, если нас убьют. И усмехнулся. Ты думаешь, они и в самом деле будут искать наши кости? Ну хорошо, предположим даже, что будут. Думаешь, для меня это большое утешение? Нет хуже лицемерия, чем искать кости после того, как закончилась война. Для себя лично я не желал бы подобной привилегии. Лучше пусть оставят меня в покое там, где я погибну. Этот паршивый медальон я в конце концов выкину. И однажды он его действительно выбросил.

После дезинфекции эксперт измерил по очереди несколько костей и принялся что-то высчитывать в своем блокноте, криво держа авторучку в своих тонких пальцах.

- Рост – метр семьдесят три, - сказал он наконец.

- Точно, - подтвердил генерал, сверившись со списком.

- Упакуйте кости, - велел эксперт рабочим.

Генерал не сводил глаз со старого рабочего – тот отошел на обочину, уселся на камень, достал кисет с табаком и принялся неторопливо сворачивать сигарету. Вид у него был усталый.

- Интересно, почему этот человек так на меня смотрит? – пробормотал про себя генерал.

Через несколько минут рабочие принялись копать в пяти местах одновременно

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА

Генерал потер лоб рукой.

- Тут какая-то ошибка, - сказал он, – мы зашли в тупик.

- Надо еще раз посмотреть карты.

- Ничего не могу понять. Перепутаны обозначения высот.

- А чего еще ждать от плана расположения могил, набросанного наспех, в самый разгар отступления.

- Естественно.

- Попробуем еще раз, немного правее. Куда ведет проселочная дорога?

- На территорию соседней фермы.

- Попробуем еще раз, вон там.

- Бесполезно.

- Ну и грязь!

- Все равно нужно попробовать еще раз, правее.

- Этот проселок никуда нас не приведет.

- Это уже не поиски, а паника.

- Что?

- Чертова грязь!

- Топчемся на месте.

Их шаги и обеспокоенные голоса стихли в поле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Через три недели они вернулись. Был вечер. Их защитного цвета автомобиль остановился у входа в отель «Дайти», под высокими елями. Генерал вышел первым. Вид у него был усталый, измученный. У него даже заострились черты лица. Его взгляд упал на машину. Хотя бы грязь стерли, с неудовольствием подумал он. Он знал, что шофер не был виноват, но не мог сдержать раздражения.

Генерал быстро взбежал по ступенькам, взял письма, пришедшие на его имя, заказал телефонный разговор с домом и направился в свой номер.

Священник тоже пошел к себе.

Через час они сидели за столом в зале на первом этаже. Оба приняли ванну и переделись.

Генерал заказал ракию. Священник попросил какао. Была суббота. Снизу, из таверны, доносилась музыка. Время от времени в конце зала показывались юноши и девушки, проходившие через зал в таверну и обратно. В холле тоже былолюдно. Темные шторы и массивные кресла с высокими спинками придавали залу солидность.

- Вот и завершился наш первый маршрут, - сказал генерал.

Они говорили все о том же, о чем уже говорили десятки раз во время утомительной многодневной поездки. Гадали, успеют ли закончить все за год, как было запланировано, обсуждали неожиданно возникавшие проблемы, неприятные сюрпризы, которые готовила им погода.

- В горах нам придется туго.

- Это верно.

- Завтра я снова займусь картами и составлю план нашего второго маршрута.

- Лишь бы погода не испортилась!

- Ничего не поделаешь. Осень.

Священник неторопливо пил какао, держа чашечку двумя длинными пальцами.

А он красив, подумал генерал, украдкой разглядывая чеканный профиль священника. Затем, совершенно неожиданно, ему в голову пришла мысль: интересно, было ли у него что-то с вдовой полковника? Между ними наверняка что-то было. Она была красива, а на пляже казалась просто ослепительной. Когда он упомянул имя священника, она покраснела и опустила глаза. Что же, черт возьми, между ними было? Снова спросил себя генерал, не отводя взгляда от лица священника.

- А ведь полковника Z. мы так и не нашли, - сказал он беспокойством.
- Может, еще найдем, - сказал священник и потупился. – Я верю, мы найдем его.

- Это будет трудно, как и всегда, когда обстоятельства исчезновения так и остались невыясненными.

- Конечно, трудно, - сухо согласился священник, - но мы ведь только начали. У нас еще достаточно времени.

Что же него было с вдовой полковника? - подумал генерал. Любопытно, насколько далеко может зайти этот святой отец в отношениях с женщиной.

- Мы должны найти останки полковника во что бы то ни стало, - сказал генерал. – Он единственный из старших офицеров, чей прах еще не перевезен на родину. Остальных уже нашли. Его семья так переживает, особенно супруга.

- Да, - сказал священник, - она очень переживает.

- Вы видели прекрасное надгробье из мрамора, которое приготовила для полковника его семья?

- Да, - сказал священник, - мне показали его перед нашим отъездом.

- Величественный памятник, вокруг красные и белые розы, - сказал генерал. – Только в могиле ничего нет.

Довольно долго они молчали. Генерал пил ракию и смотрел на бурлившую вокруг чужую жизнь. Он вдруг почувствовал себя одиноким. Одиноким среди солдатских могил. Хотя как раз о братских могилах-то он и не хотел вспоминать. Ни за что. Довольно они со священником насмотрелись на них за эти три недели. Три недели подряд, днем и ночью, ежечасно, ежесекундно, наедине с могилами. Теперь ему хотелось забыть о них, освободиться. Он едва дождался дня отдыха. Была суббота. Ему хотелось расслабиться, развлечься. Он оживился. Это, в конце концов, его естественное право.

Снизу доносились приглушенные звуки музыки. Там, внизу, пили и танцевали.

- Нам нужно хорошенько развлечься, - медленно проговорил он, после некоторого раздумья заменив словом «развлечься» слово «повеселиться».

Священник поднял на него глаза. Нет.

Да, верно. Ведь он – генерал иностранной армии, и, кроме того, выполняет возложенную на него правительственную миссию. И какую скорбную миссию! Кроме того, вокруг был тот самый народ, с которым его солдаты бились насмерть.

Генерал посмотрел на пепельницу, наполненную сигаретными окурками. Он вдруг четко осознал, что впереди у него много недель и месяцев утомительных скитаний, и он больше не повторит этих слов. Попытка восстания была немедленно подавлена. Отныне и навсегда он будет вместе с ними. Все время.

Да, он очень устал. От всех этих разбитых, ужасных дорог, от залитых водой могил – то одиноких, то образовавших целые кладбища, от всей этой осточертевшей грязи, от полуразрушенных укреплений (от дотов, как и от солдат, остались только скелеты). Вдобавок путаница с могилами солдат других армий, протоколы, бесконечные никому не нужные бумаги, утомительное хождение по кабинетам

местных бюрократов. Как все перемешалось! Особенно трудно было различить убитых из разных армий. Свидетели часто противоречили друг другу; старики путали события разных войн. Наверняка ничего известно не было. Только земля знала правду.

Генерал опрокинул еще рюмку.

- А этот сарай, там, в поле, - пробормотал он про себя. – И мрачный кладовщик...

Перед тем, как въехать в Тирану, они прошли процедуру капитуляции, где-то на окраине города сдавая своих солдат на сборный пункт, в барак, построенный специально для этой цели на территории какого-то предприятия.

- Барак, охранник... и собака у ворот...

Священник промолчал.

Во время предварительных переговоров с албанскими чиновниками одним из самых сложных при обсуждении вопросов было то, что им не разрешали провозить найденные останки через города. Они так и не поняли причины, по которой албанцы так категорически настаивали на этом, но в конце концов были вынуждены уступить. И теперь каждый раз, когда они собирались въехать в какой-нибудь город, они должны были делать крюк и искать этот унылый барак, стоявший посреди каменистой пустыни.

Даже сейчас, вспомнив об этом, генерал глубоко вздохнул и с ненавистью что-то пробормотал сквозь зубы.

В зале, как всегда, было тихо. Только в дальнем углу несколько молодых парней о чем-то оживленно беседовали, время от времени взрываясь смехом. Видны были только их спины. Напротив сидела парочка – похоже, жених с невестой. Они больше смотрели друг на друга, чем разговаривали. У юноши был череп правильной формы, большой выпуклый лоб и довольно массивная нижняя челюсть. Альпийский тип, подумал генерал.

За стойкой стоял официант. Его круглая голова, казалось, застыла между двумя блюдами с апельсинами и яблоками.

Вошел невысокий мужчина с портфелем в руках и сел за столик рядом с радиоприемником.

- Как всегда, - сказал он официанту.

Пока официант варил кофе, невысокий мужчина достал из портфеля толстую тетрадь и принялся писать. У него была небольшая челюсть, скулы почти не выдавались. Когда он затягивался сигаретой, щеки у него западали, четко обрисовывая строение челюстей.

- Да, вот они, албанцы! – сказал генерал, словно продолжая прерванный на полуслове разговор. – Совершенно обычные люди. Даже трудно представить, что во время войны они становились похожи на диких зверей.

- О, видели бы вы их, когда у них в руках оружие!

- Подумать только – ведь их так мало!

- Не так уж и мало, - сказал священник.

Вошел еще один человек с выпуклым лбом.

- Что за чертова работа выпала на нашу долю? – проговорил генерал. – Когда я смотрю на человеческое лицо на улице или в кафе, то невольно представляю себе не головы, а черепа.

- Простите, но мне кажется, вы пьете несколько больше, чем нужно, - участливо сказал священник и посмотрел на него. В это мгновение генералу показалось, что серые глаза священника цветом похожи на экран телевизора, стоявшего в конце зала. Словно телевизор, который никогда не включают, подумал генерал. Или вернее, телевизор, который все время показывает одну и ту же программу, и совершенно непонятно, что происходит на экране.

Он принялся разглядывать прозрачную рюмку, вертя ее в руках.

- А что мне прикажете делать? – спросил он нервно. – Что посоветуете? Может, мне взять фотоаппарат и начать перед ним позировать, чтобы потом, когда вернусь, показывать жене фотографии? Или завести дневник и записывать любопытные случаи? А? Что скажете?

- Я не говорил ничего подобного. Я только сказал, что вы пьете немного больше, чем нужно.

- А мне удивительно, почему вы не пьете. Это просто странно.

- Я вообще непьющий, - сказал священник.

- Удивительно, почему не начали пить сейчас. Пить каждую ночь, как я, чтобы забыть увиденное днем.

- А зачем мне забывать то, что я вижу днем? – спросил священник.

- Потому что у нас одна родина с этими несчастными, - генерал ткнул пальцем в свой портфель. – Вам их не жалко?

- Не пытайтесь меня оскорбить, - сказал священник. – Я тоже патриот.

Генерал улыбнулся.

- А знаете что? – сказал он, - последние три дня я заметил, что наши разговоры напоминают скучные диалоги современных драм.

Священник тоже улыбнулся.

- Ничего не поделаешь. Так или иначе любые разговоры напоминают отрывки из драм или комедий.

- Вам нравится современный театр?

- В общем, да.

Генерал посмотрел ему в глаза, но тут же отвел взгляд.

- Бедные солдаты, - сказал он неожиданно, словно проснувшись. – У меня болит душа за них. Словно я подобрал чужих брошенных детей. Таких детей иногда любят сильнее, чем своих собственных. Что я могу для них сделать?

- И у меня болит душа, - сказал священник. – Она просто отравлена ядом ненависти.

- На самом деле мы совершенно бессильны, со всеми нашими списками и протоколами. Мы бредем, бредем вслед за их смертью. Выискиваем их поодиночке. Как мы дошли до этого?

- Судьба!

Генерал кивнул.

Опять словно в драме, подумал он.

Это священник, похоже, сделан из металла. А все-таки очень любопытно было бы знать, насколько холоден он был с очаровательной вдовой полковника Z., пробормотал он про себя, не сводя глаз с его лица. Он попытался представить, как мог себя вести священник с такой женщиной, как она, как он снимал свое черное одеяние, перед тем, как склониться к ее коленям... Интересно, священник ей действительно нравился, или... Если, конечно, между ними действительно что-то было... А какое ему до этого дело, в конце концов?

Он прислушался к звукам огромного радиоприемника, стоявшего в зале. Албанский язык казался ему грубым. Он часто прислушивался, как говорили между собой крестьяне, помогавшие им вскрывать могилы. И все эти убитые наверняка слышали этот роковой язык, подумал он. Теперь, похоже, передавали новости, потому что диктор повторяла знакомые слова: Тель-Авив, Бонн, Лаос.

Много на свете разных городов, подумал он, и снова ему вспомнились солдаты разных армий, воевавших в Албании. Дощечки, проржавевшие жестянки, кресты, камни, криво начарапанные имена. Многие могилы были без табличек. У большинства вообще не было могил. Их сваливали в общие ямы, прямо в грязь. Порой неизвестно было даже, где эти ямы находятся, убитые значились только в списках.

Останки одного солдата они обнаружили в музее крошечного городка на юге страны. Музей организовали несколько местных энтузиастов. В древней городской крепости, в глубоком подземелье, они нашли, помимо прочего, останки человека. Несколько недель подряд в городской кофейне доморощенные археологи выдвигали самые разнообразные гипотезы по этому поводу. Двое из них даже написали довольно смелую, хотя и путаную, статью, и собирались опубликовать ее в каком-нибудь журнале, когда в городок прибыла группа, занимавшаяся поисками останков военнослужащих. Эксперт случайно заглянул в музей и сразу опознал скелет по медальону. (В статье археологов-любителей об этом медальоне высказывались две гипотезы: медальон – либо иллирийское украшение, либо монета римских времен). Визит эксперта в музей положил конец всем дискуссиям. Одно было непонятно: как умудрился солдат забраться в нехоженые подземные лабиринты крепости и зачем?

Он спросил об этом священника, но тот с трудом припомнил всю эту историю.

- Ты прав, - сказал генерал. – Столько было всяких историй, и большинство из них удивительно похожи. Как похожи имена. Списки, и в самом деле, просто бесконечные, и иногда мне кажется, что я вообще ничего не смогу запомнить.

- Обычный солдат, как и все остальные, - сказал священник.

- К чему теперь все эти имена и прозвища? – спросил генерал. – Да и, в конце концов, какое может быть имя у груды костей?

Священник покачал головой, словно говоря: «что ж тут поделаешь».

- У них и имена должны быть одинаковыми, как и медальоны, которые они носили на шее, - продолжал генерал.

Священник не ответил. Из таверны доносилась музыка; генерал курил, не переставая.

- Они убили немало наших, - сказал генерал словно сквозь сон.

- Это верно.

- Но и мы тоже много убили.

Священник промолчал.

- Мы тоже убили их немало, - повторил генерал. – Их могилы повсюду. Если бы тут были могилы только наших солдат, какой это был бы ужасный позор для нас.

Священник покачал головой, и трудно было понять, согласен он или нет.

- Хоть какое-то утешение, - сказал генерал.

Священник снова покачал головой, словно говоря «ну что ж тут поделаешь».

- Я не понял, вы согласны или нет? – переспросил генерал. – Ведь это утешение для нас, разве нет?

Священник развел руками.

- Я верующий, - сказал он, - я не могу одобрить убийство.

- О, - воскликнул генерал.

Двое влюбленных встали из-за стола и вышли.

- Мы дрались с ними насмерть, - продолжал генерал. – Им прямо не терпелось броситься в кровавую схватку.

- Это вполне объяснимо, - сказал священник. – Это вовсе не сознательная храбрость. Все дело в их психике.

- Не понял, - переспросил генерал.

- Очень просто, - продолжал священник. – На войне одни повинуются разуму, в большей или меньшей степени, а другие – примитивным инстинктам.

- Продолжайте, - сказал генерал, когда ему показалось, что священник колеблется, стоит ли обсуждать это дальше.

- Албанцы – отсталый и дикий народ. Новорожденному кладут в колыбель ружье, так что оружие со дня рождения становится неотъемлемой частью их бытия.

- Похоже, - сказал генерал, - что они и зонтики носят, словно винтовки.

- Оружие с самого детства – часть их бытия, - продолжал священник, - и в качестве основного элемента их жизни оно оказывает прямое влияние на формирование психики албанца.

- Надо же.

- И естественно, что человек, который всей душой любит какую-то вещь, хочет употребить ее в дело. А для чего лучше всего можно использовать винтовку?

- Ну, это понятно, - чтобы убивать людей, - сказал генерал.

- Вот именно. Албанцы всегда испытывали удовольствие, убивая кого-нибудь, или когда убивали их самих. Когда им не с кем было воевать, они убивали друг друга. Вы слышали про их обычай кровной мести?

- Да.

- Воевать их заставляет древний инстинкт. Это необходимость, обусловленная их природой. В мирное время они становятся вялыми и сонными, словно змеи зимой. Только на войне они реализуют себя в полной мере.

Генерал кивнул.

- Война – нормальное состояние для этой страны. Албанцы на войне злобны, агрессивны и чрезвычайно опасны.

- Другими словами, этот народ, со своей жадой уничтожения или самоуничтожения, обречен на исчезновение, - сказал генерал.

- Разумеется.

Генерал выпил еще. Язык у него заплетался.

- Вы ненавидите албанцев? – вдруг спросил он.

Священник печально улыбнулся.

- Нет. Почему вы так решили?

Генерал наклонился к нему. Священник слегка поморщился, почувствовав запах спиртного.

- Как это почему? – тихо проговорил генерал, словно делился какой-то тайной. – Мы оба их ненавидим, но помалкиваем до поры до времени, вот так вот...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и генерал, закрыв дверь своего номера, уселся возле торшера. Ему не спалось, хотя было уже поздно. На столе лежал портфель. Генерал протянул руку и взял его. Достал списки с именами солдат и стал перелистывать. Это была внушительная стопка бумаги, состоявшая из сшитых по четыре, пять или десять листов вместе. Он перелистывал их, бегло просматривая, уже, наверное, в сотый раз, написанные наверху большими буквами названия: «Полк «Слава»», «Вторая дивизия», «Железная дивизия», «Батальон горных стрелков», «Четвертый гвардейский полк», «Третий горнострелковый батальон», «Дивизия «Победа»», «Седьмая пехотная дивизия», «Голубой батальон (карательный)»... Последнее название привлекло его внимание. В самом начале списка он видел имя полковника Z. и ниже – перечисленные по алфавиту имена солдат, разбитые по ротам и взводам. «Голубой батальон» - красивое название, подумал он.

Списки начали печатать весной. В длинных кабинетах министерства, возле больших окон сидели молоденькие машинистки, одетые и причесанные по последней моде, и барабанили своими тонкими пальчиками по клавишам пишущих машинок. Тра-та-та-та-та. Они словно строчили из пулеметов, презрительно прищурившись покрашенными глазами.

Он отложил в сторону основные списки и достал другие, испещренные пометками и крестиками на полях. Это были рабочие списки, для поисков останков. Имена в них были сгруппированы не по воинским частям, а по месту гибели, и рядом с именем солдата были указаны рост и характерные особенности зубов. Уже найденные были помечены крестиками. Но крестиков пока было мало.

Он вспомнил, что ему нужно перенести крестики в основные списки. Но было уже поздно.

Не зная, чем бы еще заняться, он вновь принялся перечитывать бумаги. В рабочих списках географическим названиям давался перевод в скобках, и все эти названия долин, ущелий, плоскогорий, рек, городов звучали странно и пугающе. Долина Глухого. Ручей Невесты. Пять Колодцев. Церковь Псалма. Могила Матери Шеро. Провал Филина. Пустоши Насе Гики. Ложбина Кукушки. Ему казалось,

что все они поделили между собой его солдат, кому-то досталось больше, кому-то меньше. А теперь пришел он, чтобы отобрать у них добычу.

Взгляд его снова остановился на списке «пропавших без вести», его тоже возглавляло имя полковника Z. Полковник Z., метр восемьдесят два, на первом зубе справа золотая коронка, прочитал он, затем просмотрел весь список. Метр семьдесят четыре, отсутствуют два передних зуба; метр шестьдесят пять, удалены верхние коренные зубы; метр девяносто, металлический мост на передних зубах; метр семьдесят один, зубы все; два метра десять. Это наверняка самый высокий в этом списке, подумал он. Интересно, какой рост у самого высокого из всех списков? А вот какой рост у самого маленького, известно точно: по уставу, метр пятьдесят один. Самые высокие обычно были из Четвертого гвардейского полка, а самые маленькие – горные стрелки. На какую ерунду он тратил время!

Он погасил свет и лег. Заснуть, однако, никак не удавалось. Не надо было пить этот чертов кофе на ночь, пробормотал он.

Он разглядывал противоположную стену, по которой время от времени скользили отсветы фар проезжавших по бульвару машин. Свет проходил узкими полосками сквозь щели жалюзи, и генералу казалось, что перед ним рентгеновский аппарат, где просвечивают каких-то людей, и они сразу уходят, уступая место следующим.

Там на столе разбросаны списки, подумал он, и мурашки пошли у него по коже. Была бы сейчас рядом с ним жена. Они лежали бы рядом в темноте и тихо разговаривали, и он рассказал бы ей все. Она, правда, испугалась бы, как тогда, в последние дни перед его отъездом в Албанию.

Какие это были необычные дни, что-то новое, неведомое вторгалось в его жизнь. Как только начались первые осенние дожди, и он вернулся с курорта, к нему пришел первый посетитель. Генерал работал в своем кабинете, когда служанка сообщила, что кто-то дожидается его в гостиной.

Незнакомец стоял возле окна. Уже смеркалось, и в воздухе дрожали смутные тени самых причудливых форм. Когда скрипнула дверь, он повернулся и глухо произнес: «Добрый вечер».

- Простите, что я вас беспокою, - голос у него был низкий, с хрипотцой. - Я узнал, что вы скоро отправляетесь в Албанию, чтобы вернуть на родину останки наших солдат.

- Да, - подтвердил генерал. - Через две недели.

- У меня к вам просьба, - продолжал незнакомец, достав из кармана пиджака потрепанную, затертую карту Албании. - Я был в армии и воевал там два года.

- В какой части? - спросил генерал.

- Железная дивизия, пятый батальон, пулеметная рота.

- Продолжайте, - сказал генерал.

Незнакомец склонился над старой картой и указал пальцем какое-то место.

- Вот здесь во время крупной зимней операции наш батальон был разбит, и мы, те, кому удалось спастись, рассеялись ночью в разных направлениях. Со мной был раненый товарищ, и к рассвету он умер на окраине брошенного села, куда я

его доволоч. Я похоронил его как смог за маленькой церковью и ушел. Так получилось. Никто не знает, где он похоронен, поэтому я и пришел к вам, чтобы вы, когда будете проезжать через те места, нашли бы и его, и привезли сюда, как и всех остальных.

- Его имя наверняка должно быть в списках пропавших без вести, - сказал генерал. - Списки очень точные, но, разумеется, вы правильно сделали, что пришли, потому что найти пропавших без вести почти невозможно, разве что случайно.

- Я сделал набросок, как сумел, - сказал незнакомец и достал листок бумаги, на котором было изображено нечто напоминающее церковь, от нее отходили две стрелки, указывавшие на пометку с красной надписью «могила». - Тут рядом источник, - продолжал он, - а дальше, справа, два кипариса, вот тут. - И он сделал еще одну пометку рядом с церковью.

- Хорошо, - сказал генерал. - Благодарю вас.

- Это мне нужно вас благодарить, - ответил посетитель. - Он был моим лучшим другом. - Он хотел еще что-то добавить, может быть, вспомнил какие-то подробности или хотел рассказать какой-то эпизод, но строгий, официальный тон генерала остановил его, и он прервал фразу на полуслове.

Незнакомец ушел, и генерал даже не узнал, кто он, чем занимается, и как его зовут. Но это было только начало. Каждый вечер, когда он возвращался домой, в гостиной его дожидалось множество незнакомых людей. Это были самые разные люди: вдовы, старики родители, ветераны - все они робко сидели с одним и тем же выражением на лице. Потом стали приезжать люди и из других городов и регионов страны, они еще больше волновались, сидя в гостиной, и генералу еще труднее было с ними объясняться, потому что их сведения о погибших в Албании родственниках были еще более туманными и приблизительными.

Генерал все тщательно записывал и всем повторял одно и то же:

- Не беспокойтесь, списки, составленные военным министерством, очень точны. Тем не менее я записал ваши сведения, может быть, они нам помогут.

Они благодарили его и уходили, а на следующий день приходили новые, в промокнутой одежде, с опаской ступавшие на толстый ковер, на котором оставались их мокрые следы. Они беспокоились, внесены ли в списки, не забыты ли их погибшие родственники, были и такие, что показывали телеграммы, полученные во время войны от командования, и в телеграммах были дата и место, где солдат «пал за родину», а некоторые не верили, что их погибших родственников найдут по каким-то спискам, и уходили в отчаянии.

Каждый посетитель приходил со своей историей, и генерал был вынужден выслушивать их всех по очереди - от женщин, повторно вышедших замуж и теперь втайне интересовавшихся своими первыми мужьями, до модно одетых двадцатилетних парней, никогда не видевших своих отцов-солдат.

В последнюю неделю посетителей стало еще больше. Теперь, когда он возвращался из министерства, гостиная была уже заполнена людьми, они напоминали ему больных, терпеливо ждущих своей очереди в приемном покое поликлиники.

ки, только здесь было намного тише. Люди молча сидели, часами разглядывая узоры на ковре.

У крестьян, приехавших издалека, были с собой торбы, которые они ставили у ног; а первое, что бросалось в глаза генералу снаружи, у ворот, когда он парковал машину, были прислоненные к железной ограде велосипеды и очень редко – стоявший у тротуара автомобиль. Генерал сразу входил в гостиную, пропахшую тяжелым запахом промокшей одежды, к которому примешивался порой аромат духов какой-нибудь элегантной дамы, и все почтительно вставали, не нарушая молчания, да и непонятно было, что нужно говорить в такой ситуации.

Потом, пообедав, он шел в гостиную и выслушивал всех по очереди. Как похожи были их рассказы. И истории погибших солдат были настолько похожи одна на другую, что генералу порой казалось, что вчерашний день повторяется заново в кошмарном сне. Женщины, потерявшие мужей ли сыновей, не могли сдержать рыданий. Нервы у генерала стали сдавать.

- Перестаньте плакать! - накричал он как-то на одну женщину. – Здесь вам не похоронное бюро. Хватит. Ваш сын пал на поле боя, там, куда его послала родина.

В другой раз высокий мужчина, едва перешагнув порог, громко заявил:

- Вся эта ваша миссия – сплошное лицемерие.

Генерал побледнел от гнева.

- Так могут говорить только продажные твари. Вон отсюда!

Как-то раз среди других посетителей он увидел старую женщину с маленькой девочкой. Старушка была совершенно дряхлой.

- У меня там сын, - произнесла старушка слабым голосом, - единственный сын. Она достала платок и стала разворачивать его трясущимися руками. Развернув, она протянула генералу пожелтевшую от времени телеграмму. Он прочитал стандартное извещение командования, сообщавшего о смерти ее сына, и взгляд его задержался на последней фразе: «пал за родину под Сталинградом».

- Уважаемая, - стал медленно объяснять ей он, - я еду в Албанию, а не в Россию.

Старуха посмотрела на него тусклыми глазами, но, похоже, ничего не поняла.

- Я тебя вот о чем попрошу, - сказала она, - ты уж узнай, где и как он был убит, кто был рядом с ним и подал ему воды, когда он отдавал богу душу, и что он завещал, умирая.

Генерал попытался было еще раз объяснить ей, куда он едет, но старуха ничего не поняла и повторяла одно и то же. Сидевшие в гостиной молча переглядывались между собой.

- Идите, матушка, - наконец сказал ей ласково какой-то мужчина, - господин генерал все сделает так, как вы сказали.

Старуха поблагодарила и ушла, опираясь на палку и держась другой рукой за девочку.

На следующий день мрачного вида мужчина дождался, пока уйдут все остальные.

- Я был генералом, - произнес он с вызовом, - и воевал в Албании.

Они смотрели друг на друга с явной неприязнью. Один – потому что видел перед собой бывшего генерала разгромленной армии, другой – потому что перед ним был генерал, получивший это звание в мирное время.

- Что вам угодно? – холодно спросил генерал.

- Собственно говоря, ничего, - ответил тот. – На самом деле я и не жду от вас ничего особенного. Сказать по правде, я не верю в эту затею. В конце концов все это просто смешно. Но раз уж вы взялись за это, доведите все до конца, черт побери.

- Говорите яснее, - сказал генерал.

- Мне больше нечего вам сказать. Я только хотел бы предупредить, чтобы вы были осторожны. И не забывали про гордость. Не склонили бы головы перед ними. Они будут провоцировать вас, может быть, даже издеваться над вами, но вы должны суметь дать им достойный ответ. Вы должны быть бдительны. Они попытаются осквернить прах наших солдат. Уж я-то их знаю. Они часто насмехались над нами. Даже тогда насмехались. Представьте, что будет теперь!

- Я ни в коем случае не допущу ничего подобного, - ответил генерал.

Гость посмотрел на него с сожалением, словно хотел сказать «бедняга», и ушел не попрощавшись.

Три следующих дня, последних, в гостинной было не протолкнуться. Генерал устал, он хотел уехать как можно скорее. У его жены совершенно сдали нервы.

- Отказался бы ты от всего этого, - сказала она ему однажды ночью, когда они лежали без сна, - мне кажется, что в наш дом вошла смерть.

Он успокоил ее как мог и спал этой ночью очень плохо. Ему казалось, что он завтра отправляется на войну.

Последних посетителей он встретил утром в день отъезда. В аэропорт нужно было приехать рано, и генерал, выйдя в сад, чтобы открыть ворота гаража, увидел двух человек, спавших у ограды, завернувшись в домотканые одеяла. Это были дед с внуком, приехавшие с другого конца страны. Добирались они очень долго, и, приехав на последнем, ночном поезде, уже после полуночи, не осмелились стучать в ворота в такое время, и улеглись спать прямо на тротуаре, чтобы дожидаться утра.

В последний раз генерал повторил свое обычное: «Списки тщательно проверены, не беспокойтесь, мы его найдем», и старик крестьянин благодарно кивал. Одеяла их валялись у ограды – они не успели их убрать, когда неожиданно были разбужены скрипом ворот.

Это было все – закончились, наконец, последние две недели перед поездкой в Албанию.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они снова были в пути. Шел мелкий дождь. Уже неделю они колесили по суровой малонаселенной местности. Легковая машина ехала впереди, за ней – грузовик с вещами и рабочими из министерства коммунального хозяйства. На шоссе им попадались крестьяне в черной одежде из толстого домотканого сукна. Они шли пешком, ехали верхом или тряслись в кузовах грузовиков. Генерал внимательно рассматривал рельеф местности. Он пытался представить, как проходили сражения в этих местах, какой тактики придерживались противники в прошедших войнах, и как вообще воевали албанцы.

В деревянном ларьке в центре селения продавались газеты. У маленького окошечка толпились люди. Кто-то читал, стоя рядом с ларьком, кто-то разворачивал газету на ходу.

- Албанцы очень любят читать газеты, - сказал генерал.

Священник шевельнулся в своем углу.

- Это потому, что они стараются быть в курсе политических новостей. После разрыва с Советским Союзом они остались в Европе совершенно изолированными.

- Как и всегда.

- Сейчас они живут в условиях блокады.

- Такая маленькая и бедная страна, да еще и блокада... Удивительно!

- Тяжело им будет это выдержать.

- Что за народ! – сказал генерал. – Мне кажется, такой народ легче покорить не насилием, а красотой.

Священник рассмеялся.

- Почему вы смеетесь?

Священник снова рассмеялся, но ничего не ответил.

Генерал разглядывал угрюмый пейзаж, укутанный туманом. Голое, ровное плоскогорье, множество мелких и больших камней, ковром устилающих землю. Он почувствовал, что в душу к нему закрадывается тоска. Вот уже две недели он не видел ничего, кроме этих усыпанных камнями плоскогорий. В их суровой обнаженности ему мерещилась какая-то мрачная тайна.

- Трагическая страна, - сказал он. – Даже одежда у них траурная. Эти черные джокэ, эти юбки. Посмотрите!

- Вижу.

- Разве все это не трагично?

- А вы послушайте, какие у них песни! Тоскливые, мрачные! Это связано с судьбой этой страны. В течение многих веков она была очень тяжелой.

Машина спускалась вниз по горной дороге. Похолодало. Время от времени наверх, им навстречу, с гудением проносились грузовики. На склоне горы шло строительство. Место было пустынное, и в тумане строительная площадка казалась гигантской.

- Медеплавильный завод, - сказал священник.

Периодически на перекрестках снова стали появляться доты. Амбразуры смотрели прямо на дорогу. Каждый раз, когда машина сворачивала, на какое-то время она попадала в зону обстрела, и генерал не отрывал глаз от узких амбразур, из которых по капле сочилась вода.

Проехали, говорил он себе, когда машина выходила из сектора обстрела, но на следующем повороте из-под земли выростал новый дот, и опять автомобиль на несколько секунд попадал под обстрел. Генерал смотрел на воду, струившуюся по стеклу, и время от времени, стоило ему только задремать, ему казалось, что стекла разлетаются на тысячи осколков, и он открывал глаза. Но заброшенные доты безмолвствовали. Если внимательно присмотреться, издали они были похожи на египетские изваяния с загадочным или презрительным выражением лица, в зависимости от расположения амбразур. Если амбразура была вертикальной, у дота был суровый и угрожающий вид, как у злого духа. Дот с горизонтальной амбразурой выглядел безразлично-пренебрежительным.

К обеду они спустились в долину, в расположенное возле шоссе село. Дождь прекратился. Как обычно, машину тут же окружили дети. Громко переключаясь, они сбегались к машине из всех переулков. Чуть дальше становился грузовик с рабочими, и те, прыгнув на землю, принялись разминать онемевшие руки и ноги.

Крестьяне замедляли шаг и разглядывали иностранцев. Похоже, они знали, зачем те приехали. Это было видно по их лицам. Особенно по лицам женщин. Генерал теперь хорошо знал это холодное выражение глаз местных жителей. При виде нас они вспоминают оккупацию, подумал он. И чем кровопролитнее были бои в этих краях, тем враждебнее их лица.

Возле села, на пустыре было множество могил. Они были окружены низкой, кое-где обвалившейся стеной. Генерал плотнее закутался в длинный плащ. Священник издали походил на большой черный крест. Совершенно ясно, как они попали в окружение, подумал генерал. Наверняка они пытались прорваться через мост, там их всех и уложили. Как звали того идиота офицера, который их сюда завел?

Эксперт-албанец заполнял свои обычные бумажки. Чуть дальше было еще несколько могил. Они были совсем рядом с селом, и их венчали красные звезды. Генерал сразу узнал могилы «павших героев», как здесь называли партизанские могилы. Там, вместе с албанцами были похоронены семеро его соотечественников. На табличках с красными звездами были написаны, со множеством ошибок, имена солдат, национальность и дата смерти, у всех одна и та же. А на каменной плите было высечено: «Эти иностранные солдаты героически сражались на сторо-

не албанских партизан и пали в бою с «Голубым батальоном» 17 марта 1943 года».

- Опять «Голубой батальон», - сказал генерал, пробираясь между могилами. – Уже второй раз мы выходим на след полковника Z. В этом селе, судя по спискам, похоронены два солдата из его батальона.

- Нужно будет расспросить о полковнике, - сказал священник.

Тем временем к кладбищу подошли несколько крестьян. Потом к ним присоединились женщины в национальной одежде. И те и другие смотрели с подозрением. Дети о чем-то шептались друг с другом, покачивая светловолосыми головками. В полной тишине все следили за действиями людей за оградой.

Подошла старая женщина с бочонком на спине.

- Они их заберут? – тихо спросила она.

- Заберут, - шепотом ответили ей сразу несколько человек.

Старуха стояла, не снимая бочонка со спины, и вместе со всеми следила за действиями рабочих. Затем подошла поближе и обратилась к ним.

- Скажите им, чтобы они не смешивали этих со всеми остальными, - сказала старуха. – Мы оплакали их как положено, как своих собственных сыновей.

Генерал и священник осмотрели на женщину, но она повернулась и пошла прочь; какое-то время видно еще было, как покачивается у нее на спине бочонок, потом она скрылась в переулке.

Крестьяне стояли возле кладбища неподвижно и в полном молчании, словно их там и не было. Они сосредоточенно следили за всеми движениями людей, ходившими взад-вперед внутри ограды, подняв от холода воротники, и словно искавшими что-то, что никак не могли найти.

- Раскопки на обоих кладбищах начнем завтра, - сказал генерал. – Сегодня попробуем найти двух солдат «Голубого батальона» и сбитого летчика.

О летчике знали все. Обломки сбитого самолета до сих пор виднелись в поле, с другой стороны села, а летчика крестьяне сами похоронили возле самолета. Но никаких следов захоронения не осталось, кроме большого камня, обозначившего, скорее всего, то место, где находилась голова, а самолет превратился в груды ржавых железяк. Один крестьянин рассказал, что они потихоньку сняли с самолета все мало-мальски ценное, начиная с резиновых шин, использовавшихся во время войны для освещения, и кончая тяжелыми металлическими деталями.

Двое рабочих остались копать, а остальная группа вернулась обратно в село.

Дождь какое-то время назад прекратился, но на разбитых телегами улицах села было полно луж. То тут, то там стояли наполовину уже скормленные скоту мокрые стога сена. Вдали, между кипарисами, виднелась колокольня старой церкви. Откуда-то доносился грохот трактора.

Пообедали они в машине, а затем пошли выпить кофе в клуб кооператива. В клубе было сильно накурено. Маленький радиоприемник был включен на полную громкость. Крестьяне громко разговаривали. Видно было, что это жители долины. Выгоревшие на солнце волосы, обветренная кожа. И речь их звучала по-другому: более мягко, мелодично.

Генерал пил кофе и рассматривал лозунги, написанные на стене красными буквами. Можно было понять такие слова, как «ревизионизм» и «пленум», а также имя Энвера Ходжи под какой-то цитатой.

Последним в клубе появился эксперт, сопровождаемый молодым юношей в коричневом пиджаке. Они подошли к столу, за которым сидели генерал и священник, и эксперт представил их друг другу.

Юноша внимательно, и казалось, с некоторым удивлением, оглядел иностранцев и посмотрел на эксперта.

- Дело вот в чем, - сказал эксперт, - на этой неделе мы будем проводить раскопки двух солдатских кладбищ возле вашего села. У нас есть свои рабочие, но все-таки, чтобы ускорить дело, было бы неплохо, если бы вы нам, по возможности, помогли.

Юноша замялся.

- Мы сейчас очень заняты, - сказал он. - У нас вспашка, да и с табаком еще не управились. Так что...

- Это займет всего несколько дней, - заверил эксперт. - К тому же учтите, что членам кооператива будут платить. Они (эксперт кивнул в сторону генерала и священника) платят по тридцать новых леков за каждую вскрытую могилу и по пятьдесят леков за каждую могилу, где будут найдены останки.

- Мы хорошо платим, - вмешался генерал.

- Не в том дело, - сказал председатель. - Вопрос в том, одобрит ли правительство такую работу, вот что я хочу сказать...

- Об этом не беспокойтесь, - сказал эксперт. - У меня есть бумага из Совета Министров. Вот.

Председатель прочитал документ и задумался.

- Я могу вам дать десять человек на три-четыре дня, не больше.

Генерал поблагодарил его, и они поднялись.

О двух солдатах «Голубого батальона», убитых и похороненных здесь, никто ничего не знал.

Больше часа они с албанским экспертом искали, сверяясь с пометками на топографической карте, точное место захоронения. Оно оказалось под кооперативным телятником, и после того, как оттуда выгнали телят, рабочие начали раскопки. Телята смотрели на посторонних спокойными красивыми глазами. В телятнике вкусно пахло сухим сеном.

Еще до наступления вечера нашли и летчика, и двух солдат. Летчика нашли почти сразу, а из-за солдат пришлось перекопать весь телятник, и после того, как останки, наконец-то, извлекли, телятник выглядел так, словно подвергся интенсивной бомбардировке.

Рабочие принялись закапывать ямы. Они не спешили. Ночевать они должны были в селе, а генерал, священник и эксперт решили отправиться в небольшой городок по соседству, чтобы переночевать там.

Когда они выехали, был уже вечер. Автомобиль медленно ехал по главной улице села, выхватывая фарами из темноты тополя вдоль дороги, возвращавшиеся с поля телеги, обнесенные плетнями дворы.

- Остановите машину, - сказал неожиданно священник, когда они проезжали мимо захоронения.

Водитель затормозил.

- В чем дело? – спросил эксперт.

Священник показал рукой на стену, огораживавшую кладбище.

Он открыл дверцу и вышел. Генерал вышел за ним, с силой захлопнув дверцу. Вышел и эксперт.

- Что все это значит? – громко спросил генерал, показывая рукой на стену. На ней куском угля большими кривыми буквами было написано: «Враги получили свое».

Эксперт пожал плечами.

- Кто-то написал после обеда, - сказал он. – Утром этого не было.

- Это мы и сами могли заметить, - сказал генерал, - нам хотелось бы знать, кто и с какими целями устраивает подобные... провокации. Это просто позор, что...

- Не вижу ничего позорного, - спокойно возразил эксперт.

Священник достал блокнот и, похоже, принялся переписывать в него фразу со стены.

- Как это не видите ничего позорного? – воскликнул генерал. – Подобная фраза на ограде кладбища, где похоронены павшие во время войны. Я этого так не оставлю. Это грубое оскорбление. Безобразная выходка.

Эксперт резко повернулся к нему.

- Двадцать лет назад вы писали фашистские лозунги на груди наших повешенных товарищей, а теперь вас возмущает невинная фраза, написанная наверняка каким-нибудь школьником.

- Мы говорим не о том, что было двадцать лет назад, - перебил его генерал.

- В конце концов это общеизвестно.

- Мы говорим не о том, что было двадцать лет назад.

- Вы часто рассуждаете о грехах и троянках. Почему бы нам не поговорить о том, что было двадцать лет назад?

- Это бесконечный разговор, - сказал генерал. – И здесь совершенно не место для этого.

Все трое быстро направились к машине. Дверцы захлопнулись одна за другой с резким стуком, словно налетел порыв града, и шофер рванул с места. Но они не проехали и пяти минут, как у выезда из села, на деревянном мосту, дорогу им загородила телега, у которой отвалилось колесо. Возле нее суетились два крестьянина.

Пока они пытались приделать на место колесо, крестьянин спросил эксперта:

- А сам-то откуда будешь?

Эксперт ответил.

- Мы уже слышали, зачем вы приехали, - сказал крестьянин, - сегодня бабы в селе только об этом и болтают. Только машины увидели, и началось.

- Толкай давай, черт бы его побрал, - проговорил второй, насаживая колесо.

- Говорили, что они выкопают их могил своих солдат, иностранцев, и отправят их на родину, - спокойно продолжал крестьянин. – А вместе с ними вытащат на свет божий и убитых баллистов, и их тоже отправят за границу. Это правда?

Эксперт засмеялся.

- Мы так слышали, - сказал крестьянин. – Чтобы они и после смерти были неразлучны. В те времена союзники, и сейчас тоже. Так говорили.

Эксперт снова засмеялся.

- Это неправда, - сказал он. – Никто и не собирается заниматься убитыми баллистами.

- Ну толкай же, черт возьми! – снова воскликнул второй крестьянин. Колесо никак не поддавалось.

Вдали лаяли собаки. Кто-то шел со стороны поля с фонарем в руке. Свет фонаря беспокойно мелькал во мраке.

- Что, колесо соскочило? – спросил подошедший, высоко поднимая фонарь и с удивлением разглядывая машину и иностранцев.

Он постоял еще немного, потом пожелал им спокойной ночи и ушел. Отсветы его фонаря мелькали еще какое-то время на стогах, стоявших возле дороги. Продолжали лаять собаки.

- Ты постоянно этим занимаешься? – спросил крестьянин эксперта.

- Да, уже какое-то время.

Крестьянин глубоко вздохнул.

- Тяжелое это дело.

Шофер насвистывал недавно ставшую популярной песенку. Колесо наконец встало на место.

- Добрый вечер! – поздоровались с ними крестьяне, возвращавшиеся с поля с мотыгами в руках.

Телега наконец освободила дорогу, и автомобиль рванул с места.

Октябрьская ночь опустилась на долину. Луна, до того безуспешно пытавшаяся пробиться сквозь тучи, пропитала своим светом пористую пелену облаков и тумана, и те, размягченные и насыщенные лунным светом, не могли уже больше его удерживать внутри себя и засветились сами спокойным и равномерным светом, заливая им всю бескрайнюю равнину. Небо теперь жирно блестело, и от этого уходящая за горизонт долина и шоссе казались залитыми молоком.

Осенью бывали такие ночи, когда все небо заливал странный, печально-равнодушный, сводящий с ума свет луны. Мы лежали на земле, и каждый из нас наверняка думал: мамочка моя, что же это за небо здесь такое?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Машина остановилась перед «Албтуристом». На мокрых улицах в свете витрин видны были одинокие прохожие. Ночной ветер обжигал, и генерал со священником поспешили войти в гостиничный холл. Туристский сезон уже закончился, и свободных комнат было много, даже с видом на озеро.

Генерал подошел к окну и отдернул занавеску. Озера не было видно. Вдали над равниной разливалась все та же тревожная белизна лунного света. Генерал сел возле кровати и закурил.

Вскоре в дверь постучал священник.

- Внизу, в ресторане, ужинает тот самый генерал-лейтенант, которого мы встретили две недели назад в горах, - сказал он.

Эксперт, ожидавший их внизу, поделился той же новостью.

- Они, похоже, ищут своих в этом городе.

Две недели назад, когда их машина ехала по шоссе, пересекавшему широкое плоскогорье, генерал, сидевший неподвижно и периодически погружавшийся в полудремоту, увидел вдруг нечто совершенно невообразимое.

На равнине несколько рабочих, точно таких же, как и их собственные, раскапывали землю в четырех-пяти местах одновременно. Чуть дальше стоял легкой автомобиль, и за ним – крытый грузовик. Автомобиль и грузовик были точь-в-точь такие же, как и их автомобиль и грузовик. Возле машины стоял военный в плаще, а спиной к шоссе стоял еще один человек, одетый в черное.

- Что это? - подумал генерал, оцепенев. Уж не сон ли? Ему показалось, что он увидел на плоскогорье самого себя, священника и рабочих. На мгновение он зажмурил глаза, затем протер рукой запотевшее стекло. То, что он видел, было явью.

- Взгляните туда, - тихо сказал он священнику. Тот повернулся и не сохранил удивления.

- Остановите, пожалуйста, - попросил генерал шофера.

Водитель остановил машину. Генерал показал рукой направо.

- Посмотрите туда, - сказал он эксперту.

Тот повернулся и слегка прищурился, словно для того, чтобы лучше рассмотреть.

- Кто это такие? Что они делают? – спросил генерал.

- Мне кажется, то же самое, что и мы: проводят раскопки.

- Как это так? Как они могут проводить раскопки без нашего ведома?

- Они ищут своих, - ответил эксперт.

- О Боже, мне показалось, у меня галлюцинация.

- Наше правительство заключило с договор с их страной на год раньше, но они сильно запоздали с подготовкой и начали только этим летом, - продолжал эксперт.

- Понятно. Он генерал?

- Генерал-лейтенант. И с ним глава муниципалитета.

Генерал улыбнулся.

- Не хватает только генерала с муллой, - сказал он.

- А что тут удивительного? – улыбнулся эксперт. – Однажды и турки могут здесь появиться.

Пока они разговаривали, те, двое, стоявшие у шоссе, повернулись в их сторону и с любопытством стали их разглядывать.

- Выйдем, - сказал генерал, открывая дверцу машины. – Это наши коллеги. Было бы неплохо с ними познакомиться.

- А зачем? – спросил священник.

- Можем обменяться опытом, - ответил, смеясь, генерал.

Когда они подошли, генерал заметил, что у генерал-лейтенанта нет правой руки. В левой он держал толстую черную трубку. Штатский оказался здоровяком, с большой лысиной.

Они познакомились и поговорили немного на плохом английском, пока водители грузовиков что-то оживленно обсуждали и рылись в инструментах.

Через десять минут они распрощались и уехали.

До сегодняшнего дня они с ними больше не сталкивались.

- Вон они где, - сказал генерал, входя в ресторан. Генерал-лейтенант и мэр тоже кивнули им в знак приветствия.

Ужинали они почти в полном молчании. Эксперт со священником еще перебрасывались время от времени ничего не значащими фразами, а генерал сидел мрачный, словно его кто-то обидел.

После ужина эксперт пошел вверх в свой номер, а генерал и священник вернулись в холл гостиницы. Там, в дальнем углу сидели и курили генерал-лейтенант и мэр.

- Каждый вечер тут сидим, - сказал мэр. – Уже целую неделю торчим в этом городе, и по вечерам делать совершенно нечего. Куда тут пойдешь? Летом, говорят, здесь красиво. Можно пойти на озеро, даже танцплощадка есть, а сейчас иностранных туристов нет, а с озера днем и ночью дует ледяной ветер.

- Мы могли бы прибыть в этот город намного раньше, - сказал генерал-лейтенант, - но еще продолжались футбольные матчи, и нам не разрешали проводить раскопки на стадионе, пока не закончится чемпионат.

- Подумать только, какое странное препятствие! – воскликнул штатский.

- Они были правы, - сказал генерал-лейтенант. – Хотя, конечно, мы могли начать вскрывать могилы по краям стадиона, а не на футбольном поле, но все равно, нам вряд ли было бы приятно слушать вопли болельщиков во время вскрытия захоронений.

- Да и им, я думаю, вряд ли было бы приятно, если бы у них перед глазами раскапывали могилы, - сказал генерал.

- Как раз наоборот, - сказал штатский. – Думаю, они получили бы от этого большое удовольствие.

- Может, и получили бы, - сказал генерал-лейтенант. – И все же я не дал бы на руку на отсечение, что так оно и есть.

Генерал взглянул на его единственную руку, в которой он держал трубку, и на пустой рукав кителя, заправленный в карман. Наверняка ампутирована выше локтя, подумал он. Мысль об этом почему-то беспокоила его уже некоторое время.

- Я не понимаю, как они вообще могли построить стадион на могилах! – воскликнул священник. – Это запрещено международным правом. Вы должны были выразить протест.

- Мы выразили, - сказал генерал-лейтенант, - но оказалось, что наших солдат хоронили не они, а наши собственные войска, и что самое скверное, хоронили ночью; никто об этом и не знал.

- Я не верю, что такое возможно, - сказал штатский.

- Я тоже сначала не верил, но не могу дать руку на отсечение, что это ложь, - сказал генерал-лейтенант.

Взгляд генерала снова упал на его пустой рукав.

- С нами ничего подобного не случилось, - сказал он.

- Где вы сейчас проводите раскопки? – спросил штатский.

Генерал назвал место.

- Похоже, у вас есть точные списки. А у нас они составлены на основании устных показаний.

- Можно сказать, ищем в тумане, - добавил штатский.

- Вам, должно быть, трудно.

- Чрезвычайно, - подтвердил генерал-лейтенант. – Наверняка мы найдем всего несколько сот солдат, да и то личность большинства из них установить не сможем.

- Да, очень трудно установить личность, если нет точных списков.

- Вам, конечно, известен рост каждого солдата, и есть данные о зубах?

- Да, - подтвердил священник.

- Кроме того, у всех ваших солдат был, насколько мне известно, специальный медальон.

- Верно.

- А в наших списках не у всех даже рост отмечен, это сильно затрудняет работу.

- Слава Богу, нам часто помогает пряжка от ремня, - сказал штатский.

В холл вошли два молодых человека и опустились в кресла возле больших стеклянных дверей, ведущих в сад, за которым начиналось озеро.

- Каким дезинфектантом вы обрабатываете останки? – спросил штатский.

- «Универсальный – 62».

- Хороший дезинфектант. Но самый лучший, как известно, только один: земля.

- Это верно. Но бывает, что и земля не справляется с этим.

- Вам случалось находить неразложившиеся трупы?

- Конечно.

- И нам тоже.

- Они представляют большую опасность.

- Опасность заражения всегда есть. Иногда микробы много лет сохраняют жизнеспособность, а во время эксгумации активизируются.

- У вас не было несчастных случаев?

- Пока нет.

- Хотите кофе? – спросил генерал-лейтенант.

- Я – нет, благодарю вас, - сказал священник. – Я пойду спать.

- И я пойду наверх, - сказал мэр. – Мне еще нужно написать письмо.

Священник и мэр пожелали спокойной ночи генералам, и пошли наверх по застеленной красным ковром лестнице. В холле было тихо. Только в противоположном углу о чем-то беседовали двое молодых людей, изредка долетали отдельные слова.

Генерал смотрел на стеклянные двери, за которыми теперь простирался мрак.

- Мы устали, - сказал он, - и кто знает, как нам еще предстоит устать.

- Ужасная местность.

- Просто ужасная. Раз уж мне довелось руководить такой работой, я решил попутно изучить вопросы тактики ведения современного боя в горных районах. Однако, не очень пока продвигается. Такая уж местность...

Его собеседник делал вид, что слушает, но мысли его, похоже, были далеко.

- Вот что занятно, - сказал генерал-лейтенант. – На стадион, где мы сейчас копаем, регулярно приходит красивая девушка и ждет, пока у ее жениха закончится тренировка. В дождь она надевает голубой плащ и сидит в уголке под опорами трибуны, молча наблюдая за игроками. Пустой стадион кажется угрюмым. Бетонные трибуны блестят под дождем. По краям поля – зияющие ямы. И только она прекрасна – в своем прозрачном голубом плаще. Пока она там, я стою и смотрю на нее, а в это время рабочие совсем рядом раскапывают могилы. Здесь, в этом городе, для меня это единственное развлечение.

- Она не испугалась, когда увидела, как извлекают кости? – спросил генерал.

- Ничуть, - ответил тот. – Она смотрела в другую сторону, туда, где ее жених гонял по полю мяч.

Довольно долго они молчали; курили, развалившись в тяжелых креслах.

- Мы лучшие в мире эксгуматоры, - сказал, усмехнувшись, генерал. – Где бы ни были спрятаны наши мертвые солдаты, мы их найдем. Им от нас не скрыться.

Генерал-лейтенант пристально посмотрел на него.

- Знаете, - сказал он, - вот уже много ночей подряд мне снится один и тот же сон.

- Мне тоже снятся кошмары.

- Мне снится, что я на стадионе, где продолжают раскопки, - продолжал генерал-лейтенант. – Только стадион будто бы гораздо больше, а на трибунах полно людей. Среди них и девушка в голубом плаще. Как только мы вскрываем очередную могилу, толпа взрывается бурными овациями, весь стадион встает и хором выкрикивает имя убитого. Я пытаюсь разобрать имя, но не могу расслышать, потому что гул толпы доносится глухо, как раскаты грома. Представьте себе только – мне это снится почти каждую ночь.

- Такое бывает, когда человек постоянно думает об одном и том же, - сказал генерал.

- Да, да, верно. Идентификация останков остается нашей главной проблемой.

Генералу вспомнился его собственный сон, в чем-то похожий. Ему приснилось, что он состарился, и его назначили сторожем на кладбище, охранять «братские могилы», как раз те, где были перезахоронены солдаты, найденные им в Албании. Кладбище было огромным, просто бесконечным, и между могилами бродили тысячи людей со странными телеграммами в руках, и искали своих близких. Но, похоже, они никак не могли найти нужные могилы, и тогда она начинали угрожать ему – тысячи и тысячи людей – и его охватывал ужас. Но именно в этот момент священник ударял в колокол, все они исчезали, и он просыпался.

Генерал хотел было пересказать свой сон, но передумал, поскольку побоялся, что тот сочтет его надуманным.

- Тяжелая у нас впереди работа, - сказал он.

- Да, - ответил ему генерал-лейтенант. – То, что мы делаем, это своего рода продолжение войны.

- А может, еще хуже, чем война.

Они помолчали.

- Вы сталкивались с провокациями? – спросил генерал.

- Нет, не доводилось, за исключением одного случая, когда мальчишки закидали нас камнями.

- Закидали вас камнями? – генерал засмеялся, наклонился к его уху и спросил с плохо скрытой иронией: - что же такое ужасное вы натворили?

- Ну, дело было довольно запутанное, - ответил тот. – Мы по ошибке вскрыли несколько могил албанцев, которые приняли за свои.

- Неужели?

- Идиотский случай. Даже вспоминать не хочется. Выпьем еще кофе?

- Мы до утра не сможем заснуть.

- Велика беда – не будут сниться кошмары. В конце концов, когда что-то повторяется и повторяется, это просто отвратительно.

Генерал кивнул.

- Это верно.

Они заказали кофе.

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА

Ну что еще тебе написать? Все остальное – монотонные будни. Дождь и грязь и списки, протоколы, разные вычисления и догадки, целая мрачная технология. Кроме того, в последнее время со мной происходит что-то странное. Стоит мне увидеть кого-нибудь, как сразу, совершенно произвольно, начинаю мысленно убирать сначала волосы, потом щеки, веки, глаза, как что-то ненужное, что-то мешающее мне проникнуть в суть человека; и я представляю его без всего этого, только с черепом и зубами (лишь они неизменны, от лица остаются лишь они). Понимаешь меня? Мне кажется, будто я оказался в царстве кальция.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

- Это случилось в начале войны, - начал на ломаном английском кафеджи. Когда-то он работал в баре в Нью-Йорке и, казалось, что весь гомон и утомление ночного бара навсегда впитались в его речь. Генерал попросил, чтобы историю проститутки ему рассказал кто-нибудь из жителей этого затерянного в горах, древнего каменного города. Все сошлись во мнении, что никто не расскажет об этом лучше кафеджи, хотя он и заикается, и по-английски говорит плохо.

Неважно, что он заикается, сказал себе генерал, и неважно, что говорит он на уродливом английском. Разве все, чем мы занимаемся, не столь же уродливо?

На имя проститутки они наткнулись утром на военном кладбище на городской окраине. Она была единственной женщиной среди найденных до сих пор погибших, и генерал захотел услышать ее историю, когда ему сказали, что со смертью этой женщины связана целая история.

Генерал еще издали заметил белую плиту. Она резко выделялась среди гнивших и почерневших крестов, казавшихся еще более покосившимися на ее фоне, как казались еще сильнее проржавевшими каски.

- Мраморная плита, - сказал генерал. – Старший офицер? Может быть, полковник Z.?

Они подошли к могиле и прочли высеченную надпись: «Пала за Родину». На плите были написаны имя, фамилия и место рождения какой-то женщины. Генерал никому не сказал, что она родом из его мест.

- Это случилось в самом начале, - сказал кафеджи таким голосом, словно обращался к большой толпе. Поскольку он уже рассказывал эту историю множество раз, у него выработался уже определенный стиль изложения, с многочисленными отступлениями, в которых он высказывал свое мнение о событиях. Риторика его, однако, не достигала высот настоящего драматического искусства. – Я одним из первых услышал эту новость, - продолжал он, - не то чтобы я уж очень интересовался подобными вещами, просто я работаю в кофейне и всегда раньше всех узнаю о любом событии в городе. Так случилось и в тот день. В кофейне было полно народу, когда разнеслась эта весть, неизвестно даже, кто ее принес. Одни

говорили, что солдат, отправлявшийся на греческий фронт, - ночь он провел в городской гостинице и напился там до бесчувствия. Другие говорили, что Ляме Спири, этот разгильдяй только о таких вещах и думал. Но это было неважно. Мы были так удивлены и потрясены этим известием, что даже не задумались о том, пьяный ли солдат его принес или этот балаболка Ляме Спири.

Нас, правда, в то время трудно было чем-нибудь удивить, время было военное, и о каких только безобразиях нам не доводилось слышать. Мы думали, что нас уже ничем нельзя изумить с того самого дня, когда впервые увидели на улочках нашего города пушки с длинными стволами, проехавшие по мостовой с таким грохотом, что казалось, вот-вот весь наш город рухнет. А потом и того хуже: мы видели воздушный бой, происходивший прямо над нашими головами, и много еще чего после этого.

А одно время только и было разговоров что о сбитом на окраине города английском летчике. Я собственными глазами видел руку пилота – единственное, что от него осталось. Ее показывали народу на площади перед муниципалитетом, вместе с обгоревшим куском рубашки. Рука была похожа на желтую деревяшку, а на среднем пальце было кольцо, которое еще не успели снять.

Так что мы действительно всякого наслышались, и привыкли к неожиданностям, и все же слух о том, что у нас откроют публичный дом, потряс всех. Мы ждали чего угодно, но только не этого. Это было настолько неожиданно, что большинство даже и не поверили сначала. Город наш очень старый, видел всякие времена и разные обычаи, но к такому он не был готов. И как мог, достигнув почтенной старости, стерпеть такой позор наш древний город, проживший с честью всю свою жизнь? Как? Все были совершенно растеряны. Что-то неведомое, страшное вырвалось в нашу жизнь, словно мало нам было оккупации, казарм с чужими солдатами, бомбежек, голода. Мы не понимали, что это тоже было частью войны, как были частью войны бомбежки, казармы и голод.

На следующий день после того, как разнесся слух, делегация стариков отправилась в муниципалитет, и той же ночью другая группа собралась в кафе, чтобы составить письмо наместнику короля в Тиране. Они просидели несколько часов, вон за тем самым столом, непрерывно писали что-то, зачеркивали, снова писали, а все остальные, столпившись вокруг, заказывали кофе, курили, уходили по своим делам, снова возвращались и спрашивали, как продвигается работа над письмом. Это непростое дело – написать такое письмо. У многих дома уже забеспокоились и посылали детей посмотреть, не перепились ли мужчины в кафе, потому что мало кто думал, что написать письмо, пусть даже и самому наместнику короля, окажется настолько тяжело.

Никогда я еще не закрывал кофейню так поздно, как той ночью. В конце концов письмо было написано, и кто-то прочитал его вслух. Я плохо помню, что именно было в этом письме. Знаю только, что перечислялось по порядку множество причин, по которым уважаемые граждане города просили наместника отменить решение об открытии публичного дома, дабы спасти честь нашего города,

настолько древнего, что история его терялась в глубине веков, и при этом сохранившего незапятнанную репутацию.

На следующий день письмо было отправлено.

Надо сказать, были люди, которые выступали против этого письма и вообще против каких бы то ни было писем и прошений оккупантам. Но мы их не послушались, надеялись, что письмо поможет. Было самое начало войны, и мы еще многого не понимали, или понимали неправильно, да и все вокруг было неправильно.

Нашу просьбу не приняли во внимание. Через несколько дней пришла телеграмма: «Публичный дом будет открыт поскольку имеет стратегический характер точка». Старик телеграфист, прочитавший телеграмму первым, сначала вообще ничего не понял. Некоторые уверяли, что это какой-то секретный военный код из тех, где сам черт не сможет ничего расшифровать. К примеру, читаешь в телеграмме слова «этническая Албания», а за ними скрывается толстая жена мэра, ну и так далее. Следуя этой логике, кто-то сказал, что мы вообще зря беспокоились все это время, потому что якобы на самом деле речь шла об открытии вовсе не публичного дома, а второго фронта!

Однако успокаиваться нам не стоило. Очень быстро выяснилось: будет открыт действительно бордель, а не второй фронт.

Через несколько дней мы узнали и подробности. Публичный дом откроют оккупационные власти, а девушек привезут из-за границы.

В те дни в городе ни о чем другом не говорили. Те немногие из мужчин, кто побывал на заработках в других странах, рассказывали прелюбопытные вещи. Сразу было понятно, что рассказывают они откровенные небылицы. Они рассуждали о японских гейшах и португальских проститутках так, словно и страны эти знали как свои пять пальцев, и со всеми шлюхами в мире были знакомы лично.

Слушатели осуждающе покачивали головами, они беспокоились о своих сыновьях, ну и конечно, зятях. А дома наверняка жены беспокоились еще сильнее, и трудно сказать, за кого они больше волновались – за сыновей или за мужей. Старики видели в происходящем мрачное предзнаменование и с тяжелым сердцем ждали от всевышнего еще более суровых испытаний. Впрочем, наверняка кто-то и радовался, люди-то всякие бывают, но никто не осмелился открыто показать свою радость. Конечно, некоторые мужчины не ладили со своими женами, как это бывает, но были и откровенные бабники, особенно молодые парни, читавшие целыми днями романы про любовь, а вечерами не знавшие, чем себя занять. Кто-то пытался утешить себя и других тем, что хоть теперь оккупанты не будут приставать к нашим девушкам, потому что теперь у них будут свои собственные. Но это было слабым утешением.

Наконец прибыли *они*. Их привезли на зеленом военном грузовике. Как сейчас помню. Уже смеркалось, и в кофейне было полно народу. Сначала я не понял, почему вдруг все вскочили и столпились у окон, выходящих на площадь. Потом некоторые выбежали на улицу, а оставшиеся недоумевали, что происходит. Многие столики опустели. И из другой кофейни, напротив, посетители тоже высыпали

на тротуар и стояли смотрели. Машина стояла у единственного в нашем городе памятника, *они* выбрались из кузова и с удивлением оглядывались вокруг. Может быть, они изумлялись, как это они вдруг оказались в таком странном каменном городе, потому что в сумерках наш город действительно кажется сказочным – крепостные башни и молчаливые, вздымающиеся ввысь минареты, металлические шпили которых сверкали в последних лучах заходящего солнца.

Тем временем на площади уже было полно народу. Кто-то обращался к ним с иностранными словами, которым научился у солдат. Остальные молчали. Трудно было понять, что творилось в наших душах в тот момент. Но одно только мы отлично поняли в тот вечер. Мы поняли, что все эти рассказы о шлюхах из Токио или Гонолулу не имели никакого отношения к тому, что мы видели перед собой, что тут было нечто совершенно другое, гораздо более сложное и печальное.

Их небольшая группа, сопровождаемая несколькими иностранцами и сотрудником мэрии, словно покорное стадо, направилась к городской гостинице. Там и провели первую ночь диковинные гости нашего города.

На следующий день их разместили в двухэтажном доме с садом, в самом центре города. У ворот вывесили небольшую табличку с расписанием - для гражданских и для военных. Эту табличку мы все только потом разглядели, потому что в первые дни улица опустела, словно во время эпидемии холеры. Особенно тяжело пришлось жителям переулка. Те, кто могли, переехали, те, у кого дворы были огорожены, через задние калитки выходили в соседний переулок. Остальным, хочешь не хочешь, пришлось примириться с неизбежным. Только упрямые старики, а в особенности старухи, перестали выходить из домов. Велели передать своим подружкам: и я не выйду, и вы ко мне не приходите, и поклялись, что и носа из дома больше не покажут, разве что их в гробу вынесут на кладбище. Ну, так оно и было бы, потому что наших старух никто переупрямить не смог бы, да, так оно и было бы, если бы из-за другого гроба все бы не переменялось. Но потеряйте немного.

А вот переулок этот в наших глазах стал словно зачумленным. Все испытывали к нему такое отвращение, что даже потом, когда вся эта история закончилась, каждый раз, когда нам доводилось пройти по нему, он казался нам каким-то совершенно чужим, опозоренным, словно изнасилованная женщина, на которой надолго остается отпечаток перенесенного ею позора.

И действительно, для всех нас это были самые мрачные и беспокойные дни. В нашем городе никогда не было женщин легкого поведения, а семейные скандалы на почве ревности или измены случались крайне редко. И вот теперь, совершенно неожиданно, такое ужасное заведение в самом центре города. То беспокойство, которое охватило всех, когда еще только пришла об этом весть, и сравнить даже нельзя было с тем, что они испытывали теперь, когда публичный дом и в самом деле открыли. Мужчины теперь расходились по домам рано, и кофейня быстро пустела. Женщины просто с ума сходили от подозрений, стоило только мужьям где-то задержаться. *Они* были словно опухоль в самом центре города. Все

нервничали, а взоры многих мужчин и молодых парней, казалось, периодически затуманивались.

Понятно, что сначала туда никто не ходил, и наверняка *они* были очень удивлены и обсуждали между собой, что это за странный народ, который совершенно не интересуется женщинами. А может быть, они и сами поняли, что в этой стране они чужие, что они – всего лишь часть оккупационных войск.

Как и следовало ожидать, первым, кто посетил публичный дом, был этот охламон Ляме Карецо Спири. Он зашел туда после обеда, и известие об этом мгновенно облетело весь город, так что, когда он оттуда вышел, из всех окон на него уже тарасились, словно на воскресшего Христа. Ляме Карецо Спири гордо шествовал по улице, нимало не смущаясь. Уходя, он даже помахал на прощанье рукой одной из *них*, сидевшей у окна. И как раз в этот момент какая-то старуха выплеснула на него из своего окна ведро воды. А проститутки вышли на крыльцо и наблюдали, посмеиваясь, за множеством людей, собравшихся у окон в домах напротив. Старухи аж в лице переменялись, они проклинали *их*, отчаянно жестикулируя (у нас в городе обычно трясут раскрытой пятерней в сторону того, кого проклинают). Но *они*, похоже, ничего не понимали и смеялись.

Вот как оно поначалу было. А потом и к этому все привыкли. Были даже такие, что ходили туда тайком, воровским манером, как у нас говорят, чтобы провести с ними ночь. Прошло еще какое-то время, и *они* вошли, если можно так выразиться, в нашу жизнь.

По вечерам они часто выходили на крыльцо, курили, потерянно глядя на возвышающиеся со всех сторон горы, и наверняка вспоминали свою далекую родину. Они подолгу сидели так в полумраке, пока муэдзин с минарета монотонно тянул призыв к вечерней молитве, а горожане возвращались с базара домой.

Прошло какое-то время, и мы уже не испытывали к *ним* никакой ненависти. Некоторые их даже жалели.

Казалось, в городе начали понемногу привыкать к их присутствию. Теперь уже не закипали страсти, если кто-нибудь встречал их случайно в лавке или по воскресеньям в церкви, только старухи молились день и ночь, чтобы на этот проклятый дом упала «англицкая бомба». Думаю, что порой и *они* сами хотели того же.

Совсем недалеко отсюда проходил итало-греческий фронт, и по ночам до нас доносился грохот пушек. Наш город был перевалочным пунктом, где останавливались и свежие войска, направлявшиеся на фронт, и возвращавшиеся с фронта.

Часто на воротах публичного дома появлялось объявление: «Завтра гражданские не обслуживаются», и все знали, что на следующий день на фронте будет передвижение войск. Объявление, понятное дело, вешали совершенно напрасно, потому что никто туда и не ходил, если там были солдаты, один Ляме Карецо Спири, этот бездельник, приходил в любое время, когда ему только на ум взбредет.

В такие дни мы ходили туда, чтобы посмотреть на вернувшихся с передовой солдат, выстроившихся в длинную очередь перед воротами, грязных и небритых,

в давно не стираной одежде. Они терпеливо стояли в очереди, даже если шел дождь, и наверняка их легче было выбить из траншей, чем из этой длинной, кривой и тоскливой очереди, казавшейся просто бесконечной. Пока они так мокли под дождем, они отпускали похабные шуточки, вычесывали вшей, грязно ругались и ссорились, спорили, кто сколько времени проведет там, внутри. Можно представить, насколько тяжело было *им*, но *они* должны были подчиняться, ведь в конце концов *они* состояли на службе в армии.

Обычно к вечеру очередь заметно уменьшалась, а когда наконец уходил последний солдат, ворота закрывались, и все затихало. Назавтра, после таких изматывающих дней, *они* выглядели совершенно изможденными – желто-серые лица, растерянные как никогда глаза. Казалось, что вернувшиеся с фронта солдаты всю свою тоску, и дождь и окопную грязь, и горечь отступления оставляли у несчастных женщин и шли дальше уже налегке, довольные, сбросившие с плеч тяжесть, а *они* оставались здесь, в нашем городе, вблизи фронта, и ожидали следующую партию солдат, чтобы до конца испытать горький яд поражения.

Может, так оно и продолжалось бы, и не случилось бы ничего особенного, потому что жизнь есть жизнь, в конце концов. Может, они прожили бы всю войну в нашем городе, проводя унылые дни, принимая бесконечные очереди солдат, неизвестно откуда заброшенных к ним судьбой. Может, так оно все и было бы, если бы однажды сын Рамиза Курти не отказался от невесты.

Город у нас маленький, и подобные события – нечто из ряда вон выходящее. Особенно если принять во внимание, что вряд ли можно найти такой город, где было бы меньше разводов, чем у нас. Из-за разрыва сына Рамиза с невестой произошел настоящий скандал. Много ночей подряд в доме Рамиза Курти собиралась вся его родня, старики обсуждали случившееся, угрозами пытались заставить парня вернуться к невесте. Но тот уперся и ничего не хотел даже слышать. Самое скверное было то, что он даже и не пытался как-либо объяснить причину такого резкого охлаждения. Он сидел целыми днями мрачный как ворон, и чем дальше, тем больше худел и бледнел, словно на него напустили порчу.

Между тем семья девушки дважды послала людей к Рамизу Курти, чтобы добиться объяснений. И какие бы объяснения им не давали, уходили они озлобленными, и угрозы их становились все более недвусмысленными. Это означало одно: после слов заговорит оружие, и оружие заговорило, но не так, как все ожидали.

Именно в те дни, когда обе семьи завершали последние переговоры, и стало ясно, что их старая дружба, рожденная при помолвке мальчика и девочки, когда те еще были в колыбели, вот-вот перейдет во вражду, во вражду долгую и смертельную, все узнали подлинную причину разрыва. Причину очень простую и столь же постыдную: сын Рамиза Курти ходил в публичный дом. Ходил он всегда к одной и той же.

Позднее мы часто ломали голову и пытались понять, что за отношения у него были с этой иностранкой. Может, он ее на самом деле любил? А может, и она его

любила? Никто так и не узнал, что между ними было. Правду так никто и не узнал.

В тот день, когда об этом стало известно, сразу после захода солнца, Рамиз Курти, желтый как воск, без шапки, с палкой в руках, спустился из верхнего квартала и направился к публичному дому. Глаза его словно остекленели, и двигался он как замороженный. Вы только представьте, как, должно быть, удивились *они*, когда увидели бледного старика, который распахнул палкой железные ворота. Когда старик поднялся по ступенькам, одна из них захихикала было, но смех от чего-то застыл у всех на губах, и в гостиной воцарилось гробовое молчание. Старик указал палкой на *ту*, к которой ходил его сын (говорят, он узнал ее по волосам), и девушка покорно направилась в свою комнату, подумав, что он обычный посетитель. Старик пошел за ней. Затем, собираясь уже раздеваться, она подняла голову и увидела его похожее на маску лицо, с застывшим на нем ужасным выражением. Она закричала от ужаса. Может, старик и не выстрелил бы из своего револьвера, если бы она не закричала. Крик словно вывел его из оцепенения. Старик трижды выстрелил, бросил револьвер и, шатаясь, словно пьяный, вышел под визг женщин.

Рамиза Курти повесили через три дня. Сын его скрылся.

Случилось это все в октябре, и из горных ущелий и днем и ночью непрерывно дул ледяной ветер. Тем не менее убитой устроили пышные похороны – с венками, музыкой и ружейным салютом. Фашисты согнали целую толпу – всех, кто оказался в тот момент на улице и в кофейнях – и заставили их сопровождать процессию до кладбища. Мы шли молча, и ветер обжигал наши лица. Ее везли на военной машине, в красивом гробу, отделанном красной тканью. Оркестр играл похоронный марш, и ее подруги плакали.

Никогда еще наш город не провожал гроб с иностранкой, тем более с женщиной подобного сорта. Мы словно онемели, окаменели. В душах у нас была пустота. Кто знает, какие беды заставили несчастную забраться так далеко, вслед за солдатами в касках, бравшими одну линию обороны за другой, пока она не попала в наш город, где ей суждено было погибнуть, принеся и другим множество несчастий. Может быть, и она мечтала как-то устроить свою жизнь, потому что каждый задумывается о своей жизни, какой бы жалкой она ни была.

Ее похоронили на военном кладбище, и на могилу положили ту мраморную плиту, которую вы видели утром, с обычными словами «пала за родину», точно такую же, как и у всех солдат.

Через несколько дней пришел приказ, и публичный дом закрыли. Как сейчас, помню то холодное утро, когда *они* с чемоданами в руках стояли на площади перед муниципалитетом и ждали военную машину, которая должна была их отвезти. Прохожие останавливались на тротуаре и смотрели на них. *Они* стояли, прижимаясь друг к дружке и дрожа от холода.

Когда они забрались в кузов, и машина тронулась, кое-кто помахал им на прощание рукой, так, вроде бы нехотя. И они тоже помахали, но не так, как обычно машут руками подобные женщины, совсем по-другому, устало, с отчаянием.

Мы смотрели им вслед, пока они не скрылись вдали, но не чувствовали никакого облегчения оттого, что *они* уехали. Ведь мы всегда думали: вот уедут *они*, и это будет такой праздник для нас, мы такой пир закатим. Но получилось все совсем по-другому. Они-то уехали, это верно, но все остальное осталось.

Кто знает, куда их отправили, наверняка в какой-нибудь богом забытый городок, где останавливались на ночь войска, идущие на передовую, и войска, возвращавшиеся оттуда. И наверняка жизнь их снова наполнилась бесконечными очередями усталых и грязных солдат, оставлявших им всю скорбь и грязь войны.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Генерал стоял у входа в палатку и то смотрел на рабочих, вскрывавших могилы, то наблюдал за туманом, опускавшимся на плоскогорье. Иногда туман опускался так низко, что казалось, он касается верха палатки.

У кладбища не было четких границ. Ручьи, словно змеи, извивались вокруг него, старясь откусить побольше земли и унести ее с собой вниз, в долину. Благодаря воткнутому в землю флажкам издали было видно, где проводились раскопки. Время от времени все собирались вокруг одной из ям, и генерал знал – найден еще один солдат. Кто-нибудь из рабочих, обычно самый молодой, бежал за дезинфектантом, а еще один направлялся к грузовику за мешком. Генерал ясно представлял, как эксперт, склонившись сейчас над костями, измеряет их, а священник отмечает крестиком имя солдата в списке. Если результаты измерений не совпали с данными, указанными в списке, возле крестика появлялся знак вопроса.

Если группа, собравшаяся вокруг останков, сразу не расходилась, у генерала появлялось ощущение сосущей пустоты под ложечкой. Это означало, что они измеряют останки еще раз. Значит, в списке появится еще один знак вопроса.

Затем рабочий, бегавший к грузовику, возвращался с прозрачным мешком, голубым нейлоновым мешком с белыми полосками и черной лентой, производства фирмы «Олимпия», изготовленным по специальному заказу. Эксперт, зажав в длинных пальцах пинцет, опускал медальон в металлическую коробку.

Однажды нас проверили – у всех ли целы медальоны. Кто-то донес, что он выкинул свой медальон. Где у тебя медальон? – спросил его лейтенант, когда он растегнул гимнастерку и обнажил грудь. Не знаю, ответил он, потерялся. Потерялся? А мне сказали, что ты сам его выкинул. Сволочь. Сдохнешь, как собака, и никто даже твой труп не опознает. А отвечать за все нам. Марш в карцер, заорал он. Через два дня ему выдали новый медальон.

Когда толпа расходилась, это означало, что останки уже покоятся в нейлоновом мешке, на котором написано имя солдата и порядковый номер по списку. Рабочий, принеший мешок, уносил его обратно в грузовик, теперь уже наполненным.

Издали вновь доносились удары по влажной земле – ритмичные, утомительные. От этих звуков генерала клонило в сон. Интересно, кто он этот солдат, которого сейчас нашли? – спрашивал себя генерал каждый раз, когда все собирались у одной из могил. И каждый раз ему вспоминалось множество мрачных лиц, там, далеко, у него дома, в гостиной в те дождливые дни после его возвращения с курорта. Все посетители рассказывали о своих родственниках, кто-то вкратце, кто-то более подробно. Некоторые приносили с собой кипы фотографий, совершенно ненужных, детских, свадебных, или фотографии с друзьями в таверне. Другие приносили пачки писем, а у кого-то не было ничего кроме короткой телеграммы военного министерства.

Генерал плотнее запахнул шинель и посмотрел на северо-восток. Памятник стоит там, сказал он себе, да, как раз там, у развалин, на перекрестке двух дорог, где журчит поток воды, падающей с запруды заброшенной мельницы.

Когда туман начал рассеиваться, ему показалось, что памятник вот-вот откроется, высокий и узкий, облицованный плитками белого камня, а за ним – стены разрушенного дома, развалины, груды черных камней и дальше, на околице села, сгоревшая, заброшенная мельница с журчащим ручьем – только его нельзя было сжечь и уничтожить. На фронте памятника было высечено неровными буквами: «Здесь прошел недоброй памяти «Голубой батальон», который сжег и утопил в крови это село, убил женщин и детей, а мужчин повесил на телеграфных столбах. Народ воздвиг этот памятник, чтобы увековечить память о погибших». Новое село отстроили ниже, и только столбы, старые, снизу вымазанные смолой, некоторые – с дополнительными опорами снизу, те самые столбы, на которых полковник Z. собственноручно, как рассказывали, вешал людей, стояли на прежних местах, одни выше, другие ниже, и провода уходили в бесконечность.

Но и телеграфные столбы покрывала белая пелена тумана, и в той стороне ничего не было видно. Казалось, на памятник, на телеграфные столбы, на старую мельницу и на полуразрушенные стены кем-то наброшено белое полотно, словно скрывающее памятник перед торжественным открытием.

- Вы простудитесь, - сказал священник, входя в палатку. – Воздух очень сырой.

Генерал зашел внутрь. Пора было обедать.

- Ну, как дела?

- Хорошо, - сказал священник. – Если завтра придут еще наемные из заречного села, то думаю, через четыре дня мы отправимся дальше.

- Наверняка придут все, кроме женщин, которые считают грехом раскапывать могилы.

- Может быть, и женщины тоже придут. Возможно, такая работа приносит им тайное удовлетворение.

- Не думаю, - сказал генерал. – Кто может испытывать удовольствие, раскапывая могилы?

- Для них это своего рода запоздалая месть.

Генерал пожал плечами.

- Кроме того, это выгодная работа, - продолжал священник, - мы хорошо платим, и всего за несколько дней работы крестьянин может купить небольшой радиоприемник. Они очень любят слушать радио.

- Я это заметил, - сказал генерал, зевнув. – Палатка эта уже опостылела, - добавил он через некоторое время.

- С каждым днем становится все холоднее. Надеюсь, мы в последний раз ставим палатку в такой местности.

- По-моему, есть еще одно место, высоко в горах, возле стратегического шоссе, теперь заброшенного.

- Да?

- Там похоронены солдаты, охранявшие дорогу или мост, не помню точно, - сказал генерал. – Я подумываю, не оставить ли их на следующее лето. Кто же суется в горы в это время!

Снаружи послышался шум мотора. Священник вышел посмотреть

- Что там? – спросил генерал, когда священник вернулся.

- Ничего, - сказал тот. – Привезли новые баллоны с дезинфектантом.

Генерал достал термос. В молчании они пообедали сухим пайком, и генерал улегся на раскладушку. Священник открыл книгу и стал читать.

Книга, пробормотал генерал, словно увидел что-то необычное. Он и сам предпринимал попытки читать, но это оказалось просто невозможно. Возьми с собой несколько книг, предложила ему жена в последний день. Только что-нибудь развлекательное, несерьезное. Любовные истории? – спросил он со смехом. А почему бы и нет, ответила она. Мрачного у тебя и так будет сколько хочешь.

Что же, черт побери, было у него со вдовой полковника, спросил он себя, разглядывая профиль священника и его мягкие, без малейших признаков седины, волосы.

И красotka же она была! - подумал он, заложив руки за голову и разглядывая наклонную крышу палатки, по которой снова забарабанили капли дождя.

Небо было голубым-голубым, подумал он, и она была так прекрасна под этим небом, что хотелось спросить с невольным раздражением: ну для чего нужны такие красивые женщины?

Ему казалось, что все это было давным-давно, а вовсе не в августе этого года, в один из тех чудесных вечеров, когда солнце краснеет, как огромный усталый глаз, и над горизонтом начинают дрожать первые вечерние тени, легкие и неясные. Набережная была полна гуляющими. Вся их компания сидела на террасе большого отеля и любовалась заходящим солнцем, лодками и парусными яхтами, скользящими по морю. Вечером, когда вспыхивали огромные неоновые вывески отеля и дансингов, они вставали и шли гулять по берегу вместе с детьми, или сидели на скамейки у самой воды.

В тот день на террасе было много народа, бутылки, пронизанные лучами солнца, сверкали и переливались пурпурным цветом. О чем они говорили? Он уже не мог вспомнить, о чем они тогда говорили. Это был один из тех разговоров, что начинаются с утра и продолжаются до ночи, и после которых не остается ничего, кроме пустых бокалов на столе.

Когда они вот так сидели и разговаривали, он почувствовал, что за соседним столиком кто-то его упорно разглядывает. Он медленно повернулся и впервые увидел ее глаза, затем заметил глаза какой-то старухи и еще чьи-то. Они, кажется, что-то сказали в его адрес, покивали и снова уставились на него в упор, а женщина слегка улыбнулась. Затем неожиданно один из мужчин встал и подошел, явно волнуясь.

- Господин генерал!

Так он впервые познакомился с семьей полковника Z. Они приехали на курорт специально, чтобы встретиться с ним. Молодая красивая вдова, мать-старушка и два кузена.

- Мы узнали, что именно вам поручили эту деликатную и святую миссию, - сказала старая дама, - и мы счастливы, что познакомимся с вами.

- Мы специально для этого приехали.

- Мы искали его всю войну, - продолжала старуха, - Трижды мы посылали людей, чтобы его найти, и трижды они возвращались с пустыми руками. Четвертый нас обманул, взял деньги и скрылся. Когда мы услышали, что туда поедете вы, у нас снова затеплилась надежда. О, мы очень надеемся, сын мой, мы очень на вас надеемся.

- Я постараюсь. Я сделаю все возможное.

- Он был такой молодой, такой замечательный, - сказала старуха, и глаза ее наполнились слезами. - Все говорили, что он станет гением в военной области. Это же повторил и военный министр, когда приехал к нам в дом с соболезнованиями. Он сказал, что это большая потеря, очень тяжелая для всех потеря. Но он был моим сыном, и больше всех горевала я, прости, Бети. Ты тоже, конечно, дорогая. Ты сохранила ему верность, ты оказалась достойной его. Ты помнишь, когда он приехал из Албании в двухнедельный отпуск? Всего на две недели, и вашу свадьбу пришлось справить второпях, потому что времени совершенно не было. У него было такое важное задание, что он не мог уезжать больше, чем на две недели из этой проклятой страны. Ты помнишь, Бети?

- Да, матушка, помню.

- Ты помнишь, как ты стояла у лестницы и плакала, пока он надевал мундир, а я пыталась успокоить тебя, да себя саму тоже, и вдруг позвонили из военного министерства? Самолет вылетал через полчаса, и он сбежал по ступенькам, поцеловал тебя и меня и исчез. Ох, простите, - сказала старуха, - простите, что я все болтаю, я так сентиментальна, - и смахнула слезу. - Я всегда была такой.

В последующие дни они еще больше сдружились, и семья полковника присоединилась к их компании. Они ходили вместе играть в теннис, купаться, кататься на лодках, по вечерам вместе танцевали в дансингах на берегу. Жене генерала не

понравилось новое знакомство, но виду она не подавала. Ей не нравилось, что он часто прогуливался с Бети вдоль берега моря, не нравилось, как он вел себя в ее присутствии. Хотела бы я знать, о чем ты с ней так долго разговариваешь? О полковнике? А почему бы и нет? Когда старуха целыми днями только о нем и говорит, это я еще могу понять, а она... Нехорошо так говорить. У них общая беда. Они попросили меня оказать им услугу. Нужно отнестись к этому по-человечески. Ах, по-человечески... Я не понимаю твоей иронии. И вообще, я считаю иронию совершенно неуместной, когда речь идет о таких вещах, о смерти. Ну довольно. Всей этой чрезмерной страсти к погибшему двадцать лет назад мужу, с которым она жила всего две недели, есть одно простое объяснение... Да ладно, знаю я, что ты хочешь сказать: богатство старухи-графини, наследство. Хватит, я не хочу больше это слушать. Мой долг – найти и привезти останки полковника. Ни о чем другом я и знать не хочу.

Затем, неожиданно, Бети исчезла на пару дней, а когда она вернулась, он заметил, что взгляд ее стал холодным и усталым.

- Где вы были? – спросил он ее, встретив возле отеля. Она была в купальнике и в темных очках от солнца, закрывающих пол-лица. Он заметил, несмотря на ее загар, что она покраснела, когда назвала имя священника.

Она стала рассказывать, что свекровь хотела непременно лично попросить у своего сына, и как она нашла, наконец, его по его домашнему адресу, и свекровь успокоилась и...

Он ее не слушал. Словно оцепенев, он смотрел на ее почти обнаженное тело, и именно тогда он впервые спросил себя: что себе позволял с ней священник?

Затем пролетело еще много солнечных дней, и старая мать полковника по-прежнему рассказывала о добродетелях своего сына, который был надеждой всего военного министерства, и о древности своего рода, а Бети время от времени исчезала с курорта и, когда возвращалась, выглядела усталой и холодной, и он опять задавал себе все тот же вопрос.

Компания их по-прежнему сидела днем на просторной террасе отеля, они пили прохладительные напитки, а киноактриса, их недавняя знакомая, часто говорила ему:

- Вы, господин генерал, кажетесь мне самым странным человеком на всем курорте. На вас словно накинута таинственный покров, и, стоит мне только представить, что после всех этих чудесных дней вы поедете туда, в Албании, собирать убитых, у меня от ужаса мурашки по спине пробегают. Вы мне кажетесь героем баллады одного немецкого поэта, которого мы проходили в школе, я, правда, не помню его имени. Вы точь-в-точь как герой этой баллады, который встает из могилы и скачет при лунном свете. Иногда я боюсь, что вы ночью постучите мне в окно. Нет, это просто ужасно!

И он смеялся, думая в это время о своем, остальные восхищались закатом, а старуха, мать полковника, повторяла одно и то же:

- Как он любил все прекрасное в этом мире! – и утирала слезы.

А Бети была все такой же прекрасной и загадочной, как и раньше, а небо – таким же голубым, и только на горизонте время от времени стали появляться тучи, черные дождевые тучи, направлявшиеся на восток, в сторону Албании...

Генерал встал. В палатке никого не было. Дождь больше не стучал по крыше, и, похоже, снаружи снова возобновились раскопки. Он вышел из палатки и увидел, что вокруг был все тот же сырой туман, покрывавший каменные склоны. Он понаблюда за воробьями, порхавшими у самой земли, затем ему показалось, что туман стал сползать на северо-восток, туда, где должен был стоять памятник и старые телеграфные столбы с исчезающими в бесконечности пространства проводами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Священник зажег керосиновую лампу и повесил ее над столиком. Их тени задрожали, переламываясь надвое наверху, там, где сходились крутые плоскости крыши палатки.

- Холодно, – сказал генерал, – проклятая сырость до костей пронизывает.

Священник принялся вскрывать консервную банку.

- Придется терпеть до завтра, - сказал он.

- Жду не дожусь, когда мы отправимся дальше. Я сам себе кажусь дикарем, и кроме того, мы просто заросли грязью.

- Было бы хоть чуть-чуть потеплее.

- Такую работу нужно начинать летом, - сказал генерал.

Он знал, что летом это было невозможно, но ему казалось, что он получает облегчение, выпуская пар таким образом.

- Погода действительно неподходящая, - сказал священник. – Переговоры тогда слишком уж затянулись. Дипломатические проблемы.

- Чертовы проблемы, - сказал генерал.

Он развернул на столе подробный топографический план кладбища и делал на нем пометки.

- Где сейчас, интересно, те двое, наши коллеги? Может, все еще раскапывают тот стадион?

- Тяжело им, - сказал священник. – У них полная неразбериха.

- А у нас кругом полный порядок. Мы самые современные в мире могилокопатели.

Священник промолчал.

- Только вот грязью заросли по уши, - добавил генерал.

Снаружи, из ночной тьмы, донеслась песня. Начавшись медленно, еле слышно, рожденная низкими, приглушенными голосами, песня все больше и больше набирала силу, и вот она уже взлетела и разбилась о палатку, как разбивается дождь или ветер в такие осенние ночи, и показалось, что палатка вздрогнула под ее тяжестью.

- Это поют рабочие, - сказал генерал, оторвавшись от карты.

Оба прислушались.

- У албанцев в некоторых районах есть такой обычай, - сказал священник. – Если трое-четверо мужчин собираются вместе, они всегда поют. Древний обычай.

- Может, это потому что сегодня субботний вечер.

- Может быть. Кроме того, они получили сегодня деньги и наверняка купили у какого-нибудь прохожего бутылку ракии.

- Я тоже заметил, что они не прочь пропустить время от времени по стаканчику, - сказал генерал. – Похоже, и их тоска взяла от такой работы.

- Когда выпьют, они обычно начинают рассказывать всякие истории, - сказал священник. – Самый старый из них рассказывает о войне.

- Он был партизаном?

- Похоже, да.

- Тогда эта работа неизбежно должна напоминать ему о годах войны.

- Разумеется, - сказал священник. – И песня для него в такой момент – потребность души. Может ли испытывать большую радость старый воин, чем в тот момент, чем в тот момент, когда извлекает из могилы останки своих бывших врагов? Это своего рода продолжение войны.

Мелодия лилась медленная и протяжная, хор голосов словно окутывал ее со всех сторон теплой мягкой гуной¹, защищая от мрака и ночной сырости. Затем хор медленно растаял, и теперь звучал только один голос.

- Он, - сказал генерал. – Слышите? О чем говорится в этой песне?

- Это старинная солдатская песня.

- Мрачная песня. Вы можете разобрать слова?

- Конечно. В ней говорится об албанском солдате, убитом в арабской пустыне. Когда Албания была под турками, албанцев посылали на военную службу в самые далекие края.

- Ах, да. Вы мне говорили.

- Если хотите, я вам переведу слова.

- Будьте любезны.

Священник прислушался.

- Довольно трудно перевести точно, но говорится в ней примерно следующее: я погиб и останусь здесь, о мои *камарადы*, останусь здесь, на безымянной высоте за мостом Кябэ.

- Значит, это песня о пустыне, - проговорил, словно сквозь сон, генерал, и перед его мысленным взором ослепительным ковром расстелилась бесконечная пустыня. И вновь он мучительно брел по этому ковру, как и многие годы тому назад, и вновь на нем была форма лейтенанта.

- Пожелайте от моего имени здоровья моей матушке, - продолжал переводить священник, - скажите ей, чтобы продала черного вола.

---

¹ Длинная бурка с капюшоном

Мелодия замирала, казалось, она вот-вот оборвется, затем оживала, поддерживаемая мощным хором, - под напором песни прогибались покатые стенки палатки.

- Если моя мать спросит вас обо мне.

- Ха, - сказал генерал, - интересно, что они скажут матери?

Священник снова вслушался.

- Смысл примерно такой, - продолжал священник, - если моя мать спросит вас обо мне, скажите ей, твой сын, мол, взял в жены трех женщин, то есть в него попали три пули, и что на свадьбу его пришло много родственников и знакомых, то есть ворон и галок, которые начали клевать жениха.

- Ужас какой! – воскликнул генерал.

- Я же вам говорил.

Мелодия, набирая силу, взмывала все выше и выше, словно стремилась достичь последнего предела, и вдруг неожиданно оборвалась.

- Сейчас снова запоют, - сказал священник. – Если уж начали петь, конца тому не будет.

Он оказался прав. Сначала зазвучал один-единственный голос – высокий, проникновенный голос старого рабочего, затем к нему присоединился еще один, и наконец, на плечи песни хор накинул гуно, и она взметнулась высоко над ночью.

Какое-то время они слушали молча.

- А эта? – спросил генерал. – А о чем эта песня?

- О прошедшей войне, - сказал священник.

- Просто о войне?

- Нет. Насколько можно разобрать слова, коммунист погибает, окруженный нашими войсками. Песня о нем.

- Может, это тот, который бросился на танк, памятники ему мы видели в двух-трех местах?

- Не думаю. Иначе в песне так и было бы сказано.

В соседней палатке затянули новую песню.

- Есть что-то рвущее душу в этих заунывных протяжных песнях, - сказал генерал.

- Вот именно – рвущее душу. Примитивные напевы.

- У меня от них мороз по коже. Вернее, они нагоняют на меня ужас.

- У них весь фольклор такой, - сказал священник.

- Один черт разберет, какой смысл народы вкладывают в свои песни, - проговорил генерал. – Можно раскопать их землю без особого труда, а вот углубиться в их душу не получится, ни за что.

Священник не ответил, и они довольно долго молчали. Песня, все такая же заунывная, не смолкала, и генералу казалось, что они окружены ею со всех сторон.

- И долго они будут так петь? - спросил генерал.

- Не знаю, - ответил священник. – Может быть, до утра.

- Послушайте, - сказал генерал, - если они в какой-нибудь из своих песен будут намекать на нас, обязательно обратите внимание.

- Разумеется, - пообещал священник и взглянул на часы. – Уже поздно.

- Мне не спится, - сказал генерал. – Давайте выпьем, может, тогда и нам захочется спеть, - добавил он со смехом.

Священник пожал плечами, словно говоря: вы же знаете, что я не пью.

Генерал мрачно кивнул.

- Самое подходящее время начать пить, - сказал он. – Зима. Палатка в горах. Одиночество.

Песня то затихала, то снова взмывала под небеса, и он достал из большой сумки бутылку.

- Ничего не поделаешь, - продолжал он, - буду пить один, - и его огромная тень скользила по стене палатки, пока он наполнял рюмку.

Священник лег спать.

Генерал выпил две рюмки, затем встал, разжег примус и поставил на него кофейник. Он давно уже привык сам варить себе кофе, когда оставался один. Кофе показался ему горьким.

Он посидел немного, скрестив руки на груди, абсолютно ни о чем не думая, потом вышел из палатки. Продолжал накрапывать мелкий дождь, и ночь была такой непроглядно-черной, что генералу показалось, будто время и пространство исчезли. К его удивлению, рабочие прервали пение, однако, неизвестно почему, он со страхом ждал, что они вот-вот начнут петь снова.

И в самом деле, немного погодя песня вознеслась над мраком, словно неприступная башня. Голос старого рабочего поднимался над остальными, все выше и выше, пока не повис на какое-то мгновение в воздухе, а потом, неожиданно, оборвался и упал, затерявшись среди других голосов, как искра, упавшая обратно в очаг.

Где-то вдали сверкнула молния, и на мгновение генерал увидел **вдалеке** белую палатку и, рядом с ней, огромный грузовик, который стоял, накренившись на неровной почве, и казалось, что он вот-вот сползет вниз по крутому склону. Затем все вновь поглотил мрак.

Он слушал песню и пытался понять, о чем она. Это была протяжная и печальная песня. Она тянулась и тянулась.

Может быть, он вспоминает своих погибших товарищей, подумал генерал. Один из посетителей, тогда, в гостиной, сказал ему, что они часто в своих песнях вспоминали погибших товарищей. Кто знает, что в голове у этого старого землекопа, подумал генерал. Раскапывает могилу за могилой и воскрешает свои военные воспоминания, одно за другим.

Наверняка он его ненавидел. Он видел ненависть в его глазах. Да по-другому и не могло быть. Они оба были смертельными врагами, которых эта работа сковала вместе, словно двух быков, впряженных в одно ярмо. Черный бык, и еще один черный бык. То, что было радостью для одного, наводило тоску на другого. Землекоп, раскапывающий могилы шесть дней, а в седьмой день поющий песни. Ге-

нерал, который шесть дней делает то же самое, и у которого нет ни умения, ни желания петь в седьмой.

Он попробовал представить, какой могла бы быть его собственная песня о солдатах, которых он собирал, и с горечью покачал головой. Похоронный вопль, не иначе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Немногие оставшиеся ночные часы генерал провел в беспокойном сне.

Утром его разбудили голоса рабочих, которые извлекали из промерзшей земли костыли для растяжек и укладывали палатку в кузов грузовика, поверх ящиков с останками. Водители прогревали моторы машин.

Священник поднялся раньше и варил кофе. Отсветы маленького голубого пламени дрожали на его лице. Сквозь щель в палатку пробивался слабый утренний свет.

Генерал ощутил вдруг приступ ностальгии.

- Доброе утро, - сказал он.

- Доброе утро, - ответил священник. – Как спалось?

- Плохо. Было очень холодно, особенно ближе к утру.

- Хотите кофе? Можете не вставать.

- Да. Спасибо.

Священник протянул ему чашку с горячим кофе, и генерал поблагодарил его еще раз.

Вскоре они вышли, и рабочие принялись сворачивать их палатку. Дождя не было, но земля была мокрой, и ямы на кладбище были наполовину заполнены водой.

На востоке, за высокой пеленой облаков, над горизонтом поднималось мутное пятно солнца, то ярко вспыхивая, то вновь заволакиваясь туманом.

В машине было жарко, и генерал задремал.

Они ехали уже больше двух часов, когда шофер неожиданно затормозил.

Генерал протер запотевшее стекло и увидел стоявшего посреди дороги мальчика в черной тесной одежде, жестом просившего машину остановиться. Грузовик с визгом затормозил в двух шагах от него.

Водитель легковушки высунул голову из окна.

- Паренек, у нас нет места, - сказал он.

Но тот стал что-то быстро объяснять, показывая рукой в сторону от дороги.

- Кто это? – спросил священник.

Генерал приподнялся, чтобы лучше видеть. Возле шоссе, на большом камне, сидел старик-крестьянин в накинута на плечи черной гуне. Рядом лежал деревянный ящик. Чуть дальше, у самой дороги, неподвижно стоял осел, весь забрызганный грязью.

- Что все это значит? – спросил генерал.

- Кто его знает. Сейчас разберемся, - ответил священник.

Эксперт вылез из грузовика и разговаривал с крестьянами. Старик с большим трудом встал. Эксперт вернулся к машине.

- Ну? – спросил генерал.

- Солдат, - сказал эксперт.

- Наш?

- Да, – сказал эксперт и показал рукой на ящик. – Он работал у этого крестьянина, а потом его убили.

Генерал вылез из машины. За ним вышел священник

- Я не совсем понял, - сказал священник, который первым подошел к крестьянину.

- Солдат служил на мельнице у этого крестьянина, - повторил эксперт. – Затем его убили.

- А-а, - кивнул священник, - наверное, это дезертир.

Эксперт спросил крестьянина, тот ответил.

- Дезертир, - подтвердил эксперт.

Генерал, не слышавший их разговора, медленно и с важным видом подошел к ним. Он всегда старался напустить на себя важный вид, когда ему приходилось общаться с албанскими крестьянами в одежде из домотканого сукна и в опингах.

- В чем дело? – спросил генерал. Теперь, когда тоскливые, холодные дни в горах остались позади, и он был в новом мундире, он вновь держал себя величественно.

У крестьянина было худое лицо и серые глаза. Он спокойно достал кiset, набил табаком трубку и высек кремнем огонь. Генерал заметил, что пальцы у него были сухие и морщинистые. Мальчик застыл с вытаращенными от удивления глазами прямо перед генералом.

- Мы уже три часа ждем здесь, - сказал крестьянин. – Из села мы еще до рассвета вышли. Вчера мне сказали, что машины здесь проедут, и я решил прийти сюда вместе с внуком, дожидаться вас. Мы уже остановили много машин, но все водители говорили нам, что это не они перевозят мертвых. Некоторые решили, что я сумасшедший.

- Вы его хоронили? – спросил генерал.

- Да, - ответил старик. – Кто же еще стал бы его хоронить. Он жил у нас.

- Значит, жил у вас, - сказал генерал. – Но мне, если позволите, хотелось бы знать, в каких отношениях вы с ним находились. Что общего мог иметь с вами солдат большой регулярной армии; я хочу сказать, что ему было от вас нужно, и

как могло случиться, что он добровольно находился среди вас? Вы ведь крестьянин, не так ли?

Эксперт постарался перевести его слова как можно проще и понятнее.

Крестьянин вынул трубку изо рта и посмотрел генералу в глаза.

- Он был моим батраком, - сказал он. - Об этом знает все село.

Генерал изменился в лице и покраснел от гнева. Только сейчас до него дошло, в чем дело. Он исподлобья взглянул на крестьянина, мол, говори, что же ты замолчал, и закурил сигарету, сломав при этом несколько спичек.

- Это дезертир, - объяснил священник, - из тех, что работали... работали помощниками, если не сказать батраками, у албанцев.

Генерал поморщился.

- Как его звали? - спросил эксперт.

- Не знаю, - сказал крестьянин. - Мы звали его «солдатом» до самого конца.

- Когда вы извлекли останки? - спросил эксперт.

- Позавчера, - ответил крестьянин. - Я услышал, что вы их собираете, и решил откопать и вручить вам. Пусть он, бедняга, покоится на своей родине, решил я.

- Не находили ли вы на его теле медальон?

- Медаль? - удивленно переспросил мельник. - Нет, сынок, он был не из тех, что получают медали. Для работы он еще годился, а уж для войны совсем никудышный был.

- Нет, папаша, не медаль, - перебил его с улыбкой эксперт, - медальон. Круглая штука такая, вроде монеты, с лицом святой Марии.

Крестьянин пожал плечами.

- Нет, ничего такого я не находил. Кости собрал все до одной, но больше ничего не было.

- Вы поступили достойно, - произнес священник. - Вы исполнили свой христианский долг.

- А кто бы еще это сделал? - сказал крестьянин. - Тут и говорить не о чем, это выпало на мою долю.

- Мы благодарим вас, - сказал священник, - от имени матери этого солдата.

Старик подошел к священнику, похоже, тот показался ему приятным и вежливым человеком, и стал что-то объяснять, показывая время от времени на гроб, грубо сколоченный из толстых дубовых досок.

- Гроб я сделал вчера, а сегодня, еще до рассвета, мы вместе с внуком отправились в путь. Еле добрались от мельницы сюда. Грязь непролазная повсюду. Осел два раза падал в грязь, посмотри, на что он теперь похож.

Священник внимательно его слушал.

- А солдата вы убили? - неожиданно спросил он спокойным голосом, глядя тому прямо в глаза.

Крестьянин от удивления вынул трубку изо рта, словно она ему мешала говорить. Затем принужденно рассмеялся.

- Ты в себе? Зачем же мне его убивать?

Священник тоже улыбнулся, словно говоря: «всякое бывало».

Мельник, не обращая ни к кому конкретно, принялся было рассказывать о том, как солдата убили каратели из «Голубого батальона» той памятной осенью. Затем, вспомнив, похоже, вопрос священника, задумался.

- Зачем они так говорят, сынок? – тихо спросил он эксперта.

- Они иностранцы, отец, у них другие обычаи.

- Человек надрывается, такой путь проделывает, а они...

- Да-а, забота на тебя свалилась, папаша, - сказал один из рабочих выпрыгнувших из кузова, чтобы погрузить гроб. – Ну а теперь будь здоров, нам пора ехать.

Пока старик крестьянин разговаривал с экспертом, а рабочие поднимали гроб в машину, генерал, который собирался уже сесть в машину, неожиданно вернулся.

- Он требует вознаграждения? – спросил он эксперта.

Тот покраснел.

- Нет.

- Он имеет полное право, - сказал генерал. – Мы готовы заплатить.

- Он не требует никакого вознаграждения, - повторил эксперт.

Генерал, который решил, что он нашел способ хоть как-то отомстить за оскорбление, нанесенное ему крестьянином, настаивал.

- Тем не менее скажите ему, что мы хотим его вознаградить.

Эксперт замялся.

- Мы хотели бы вознаградить вас за труды, - мягко сказал священник мельнику. – Сколько вы хотите получить?

Мельник нахмурился и покачал головой.

- Ничего, - коротко сказал он.

- Как бы то ни было, вы трудились, потратили несколько часов, не говоря уже о досках для гроба...

- Ничего, - повторил мельник.

- Но вы столько времени содержали этого солдата. Мы можем произвести расчет.

Мельник сердито выбил трубку.

- Я сам остался ему должен, - сказал он, - я ведь не заплатил ему за работу. Хотите, вам отдам?

Мельник повернулся и направился к своему ослу.

Когда машина уже трогалась, мальчик что-то шепнул деду, и старик махнул рукой в сторону машины.

- Подождите, черти, чуть не забыл. У меня ведь кое-что от него осталось, я хочу вам отдать, - и засунул руку под гуну.

- Требуется денег, - сказал генерал, увидев, что старик машет ему, - видите? Я так и знал.

- Что еще? – спросил вышедший из машины эксперт.

- Тетрадка, - ответил старик. – Он иногда писал в ней что-то. Вот она.

Эксперт протянул руку и взял тетрадь. Это была обычная школьная тетрадь, исписанная мелким почерком.

- Там, должно быть, его завещание, - сказал старик, - иначе я вам и не отдал бы ее. Кто знает, что бедняга в ней нацарапал! Может, он кому завещал овец и коз. Мне не довелось его расспросить. Хотя, если у него и был скот, его давно уже сожрали волки.

- Спасибо! – сказал эксперт. – Здесь наверняка есть его имя.

- Мы звали его «солдат», - сказал старик. – Никто и не подумал спросить у него имя.

Эксперт сел в машину.

- Счастливого пути! – сказал старик эксперту. – Будьте здоровы.

- Опять дневник, - сказал генерал, перелистывая тетрадь, врученную ему экспертом. – Какой это по счету найденный нами дневник?

- Шестой, - ответил священник.

Машины тронулись одна за другой. Повернув назад голову, генерал увидел, что старик постоял немного, глядя им вслед потом, потом повернулся, потянул за собой осла и отправился с внуком в обратный путь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Генерал устроился в машине поудобнее и от нечего делать открыл дневник. Первой страницы не было (у большинства найденных ими дневников не было первых страниц). Однако, начав читать, генерал понял, что не хватает всего нескольких фраз. Похоже, на большей части первой страницы неизвестный указал свои данные, а затем, пожалев об этом, вырвал страницу.

Генерал принялся читать:

главное, чтобы тетрадку никто не нашел. Риск здесь невелик: во-первых, в семье мельника никто не умеет читать, а во-вторых, это для них чужой язык.

Вчера вечером, когда мельник увидел, что я пишу, он открыл глаза от удивления и спросил меня:

- Что это ты пишешь, солдат?

Все здесь меня зовут «солдат». Никто даже не спросил, как меня на самом деле зовут. «Солдатом» меня называет и жена мельника, и их единственная дочь, Кристина. Мне даже кажется, что именно Кристина первой стала меня так звать. Это случилось в тот самый день, когда наш батальон разгромили партизаны. Я, в разгар отступления, забросил винтовку в кусты и рванул по заросшей поляне. Шел я, стараясь держаться берега ручья, потому что знал: вода всегда приведет к жилью. Я не ошибся. Этот ручей вытекал из мельничной запруды. Когда я подошел к воротам, молодая албанка, с трудом удерживая огромную собаку, удивленно крикнула: «Отец, здесь какой-то солдат».

С того самого дня началась для меня жизнь батрака. Иногда мне и самому кажется странным, как получилось, что я, солдат «Железной дивизии», стал батраком у албанского мельника, и на голове у меня такая же белая телешэ², как и у местных крестьян.

- Я тебя укрою и буду кормить, - сказал мне мельник, - если ты сможешь помогать мне по хозяйству. Паренек, который до недавнего времени мне помогал, ушел в партизаны. Смотри только, не вздумай тут шашни крутить, - продолжал он, - черт бы тебя побрал, если что узнаю, повешу под стрехой.

Так мы заключили договор.

С тех пор прошел месяц. Чем я только ни занимаюсь: рублю дрова в лесу, чищу мельничный ручей, отбиваю жернова, чищу амбары, наполняю и таскаю мешки.

Товарищи по батальону и моя семья наверняка считают меня убитым. Если бы они увидели меня, каков я теперь, бывший «железный» солдат, весь обсыпан-

---

² Круглая шапочка, албанский национальный убор.

ный мукой с головы до ног, с албанской телешэ на голове, они лопнули бы от смеха.

25 февраля

Ужасно холодный день. Ветер дует просто сумасшедший, кажется, что он вот-вот снесет мельницу до основания. Работы у нас нет. Мало кто из крестьян рискнет этой зимой отправиться на мельницу только для того, чтобы смолоть какой-нибудь мешок кукурузы. Поля в этом году совсем заброшены. Многие из них превратились в каменную пустыню. Те, кто приезжают на мельницу, рассказывают ужасные вещи.

Вой ветра. Днем и ночью. Кажется, во всем мире не осталось ничего, кроме ветра.

март 1943

Мельник относится ко мне совсем неплохо. Вчера я починил кусок крыши, сорванной ветром. Он остался доволен.

- Ты, солдат, мастер на все руки, - сказал он мне. Затем с усмешкой оглядел меня с ног до головы и добавил: - Только для войны, сдаётся мне, ты не годишься. Я покраснел. В первый раз мне напомнили о моем дезертирстве.

Он потрепал меня по плечу.

- Я не хотел тебя обидеть, - сказал он с улыбкой. - Это я так просто сказал.

Этот разговор не выходил у меня из головы весь день.

Я заметил, что тут очень уважают храбрость. Он, похоже, счел меня трусом. Такой дылда, метр восемьдесят два ростом, - и дезертир.

Досадно, если они и в самом деле считают меня трусом. Как стыдно, особенно перед Кристиной! Ей семнадцать лет. Всякий раз, когда я на нее смотрю, у меня вот тут в груди возникает пустота, такое ощущение, словно неожиданно спустила велосипедная шина.

вечером

Чрезвычайное событие. Я уходил в лес рубить дрова. Когда вернулся, увидел, что у порога мельницы сидит человек. Я замедлил шаги. Человек насвистывал одну из наших песен. Когда я подошел ближе, я заметил на нем обноски мундира.

- Эй, приятель, - позвал я его.

Он перестал свистеть и вскочил на ноги. Мы обнялись, хотя раньше и в глаза друг друга не видели. Потом уселись у порога.

В двух словах мы рассказали друг другу обо всем: из каких мы дивизий, когда сбежали, какую работу выполняем. Он приехал со своим «хозяином», крестьянином из соседнего села, чтобы смолоть два мешка кукурузы. Он сказал мне, что

«все это кино» (то есть война), по всем приметам, скоро кончится, и тогда никто не осмелится предъявить нам счет за то, что мы смылись, а как раз наоборот, мы предъявим счет тем, кто нас сюда послал. Потом он сказал, что таких как мы солдат здесь очень много, тех, кто работает на албанских крестьян. Мы повеселились вовсю, когда обсуждали, чем они занимаются: и коров пасут, и даже сидят в няньках у маленьких детей.

- Вот только с женским полом здесь тяжело, - сказал он. - У албанцев боже упаси что будет, если речь идет о чести. Тронул женщину, и тебе конец, как у них обычай велит. Хотя у тебя, приятель, похоже, тут все в порядке, - он хитро мне подмигнул. - Видел я дочку твоего хозяина. Хороша девочка!

- Ты в себе? - сказал я ему. - Я даже и думать не смею. Ты сам сказал, что за это бывает.

- Сказал, сказал, но здесь-то все по-другому. Тихое, красивое место, куда там Швейцарии.

Изнутри доносился монотонный стук жерновов.

Он свернул самокрутку, как это делают албанские крестьяне.

- Послушай, - сказал он, - ты ничего не слышал о «Голубом батальоне»?

У меня екнуло сердце.

- Нет, - сказал я, - а что?

Стоило только упомянуть это название, и все недавнее веселье исчезло без остатка. Похоже, я испортил тебе настроение, сказал он, да ты не бери в голову. Они рыщут где-то там, в центральной Албании, и где ни появятся, устраивают резню, но ты не бери в голову. А могут они сюда забрести? Все возможно. Особенно они охотятся за дезертирами, но ты... Я встал, чтобы больше не слышать этого «не бери в голову», после которого он беззаботно норовил добавить еще что-нибудь ужасное. Наши хозяева, мой мельник и его крестьянин, степенно беседовали внутри. Когда кукуруза смололась, гости ввалили себе на плечи по мешку и отправились обратно, крестьянин впереди, солдат за ним.

2 апреля, воскресенье

Каждый раз, заслышав звон колокольчика, я радуюсь. В одиночестве я помираю от скуки.

Мельник – человек справедливый, но есть у него одна дурная особенность, слова лишнего от него не дождешься. И вообще я заметил, что албанцы очень неразговорчивы, особенно мужчины. Мельник весь день не выпускает трубку изо рта. Я чаще разговариваю с его женой, «тетей Фросей». Она меня спрашивает о самых разных вещах, особенно о моих близких. Я говорю ей, что очень по ним тоскую. Она с сочувствием смотрит на меня. Покачивает головой.

- А теперь, когда тебя там нет, - спросила она меня как-то, - кто ухаживает за твоими овцами и козами?

Я рассмеялся.

- Но у нас нет ни овец, ни коз. Мы живем в городе.

- Да если бы и были, теперь, когда тебя там нет, их бы волки сожрали. Эх, сынок, теперь и люди-то грызут друг друга, как дикие звери.

Я не знал, что ей ответить.

В другой раз она меня спросила о медальоне.

- А это что у тебя на шее, сынок? На турецкую монету похоже.

Я рассмеялся.

- Это у нас, солдат, вроде опознавательного знака, чтобы нас узнали, если убьют. Вот тут, под изображением Святой Марии, есть номер, видишь? Это мой номер.

Тетя Фроса надела очки, забавные очки с треснувшим стеклом.

- И кто это тебе дал?

- Начальники.

- Надо же, какие заботливые! – сказала она и ушла, бормоча что-то.

Такие вот у нас разговоры с тетей Фросой. А Кристину я вижу редко. Еще реже разговариваю с ней. Хотя именно с ней мне больше всего хочется разговаривать, особенно теперь, когда я более или менее прилично говорю по-албански. Но она не показывается на мельнице. Весь день хлопочет по хозяйству или ткет. И даже когда она приходит звать нас на обед, в дверях показывается всего на мгновение. Скользнет по мне своими нежными глазами, и тут же отворачивается.

Иногда она даже не спускается вниз, а кричит из окна дома:

- Солдат, скажи отцу, что обед готов.

Что уж скрывать, что весь вечер я думаю о ней. Иногда я выхожу к воротам и гляжу в ночной мрак. Слушаю журчание мельничного ручья и мечтаю о всяком. Иногда играю с их большой собакой, Джувом.

апрель

Сегодня Кристина мне улыбнулась. Прошлой ночью на мельницу напали бандиты. Ранили Джува. Тяжело. Все в отчаянии.

около 3 часов, май

Прошел крестьянин с турецкими часами. Я давно уже не видел часов.

Меня одолевают разные мысли, но чаще всего они крутятся вокруг Кристины. В голову лезет всякий бред. Я и сам знаю, что это бред. И все-таки продолжаю об этом думать.

Вчера в полдень я валялся возле мельничного ручья. Не знал, чем заняться. Бросал камешки в воду. Вокруг шумели платаны. Журчание ручья навевало сон.

Неожиданно я услышал громкий шум, топот, голоса, свистки, стук лошадиных подков. Поднимаюсь и что же я вижу? Вдалеке наши цепью идут в мою сторону! Я хотел бежать, но неизвестно отчего поступил как раз наоборот: пошел им навстречу.

- Это та самая мельница? – спросил один из них, подавая мне какой-то тайный знак.

- Да, - ответил я испуганно.

- А ну-ка, ребята, разнесем там все! – крикнул он и первым побежал вперед. За ним все остальные. За ними и я. Не знаю почему, ноги вдруг понесли меня сами собой, словно их расколдовали, тело у меня стало ловким и быстрым, меня захлестнула дикая ярость, точь-в-точь как в прошлом году, когда мы сожгли шесть сел подряд во время зимней операции.

Разъяренные, мы бежали вперед с дикими криками. Двое поджигали мельницу. Несколько человек тащили мельника. Его выволокли на порог и пристрелили.

Я вдруг подумал о Кристине. Взбежал по ступенькам дома. По лестнице спускали связанную по рукам и ногам тетю Фросу. Она увидела меня и плюнула.

- Ах ты, собака, шпион!

Но я не обратил на нее никакого внимания. Все мои мысли были о Кристине. Я ворвался в комнату, где она спала, и бросился к кровати. Кристина дрожала.

- Солдат, не надо, солдат!

Но кровь ударила мне в голову. Скорей, скорей, говорил я себе, а то будет поздно.

Я сорвал одеяло, с яростью разорвал на ней тонкую рубашку и накинулся на нее.

- Солдат, а, солдат!

Я резко вскочил. Издали доносился голос звавшей меня Кристины. Вокруг, как и прежде, пахло травой, и тихо журчала вода. Я немного вздремнул.

- Солдат, а, солдат!

Я поплелся к дому. Кристина стояла у среднего окна.

- Тебя ищет мама, - сказала она.

Я все еще протирал глаза.

Знала бы она, что за сон мне приснился!

24 июня 43

Из Гирокастры все время приходят беженцы. Выбившиеся из сил, с торбами в руках, женщины несут на руках детей, старики с трудом передвигают ноги. Они охвачены ужасной паникой. Говорят, что скоро весь город будет сожжен дотла. Другие уверяют, что он будет заминирован и взорван.

Гирокастру регулярно бомбят. Иногда я залезаю на большой платан и смотрю на город. Я служил там год с небольшим, и знаю почти все его улицы и переулки, всех торговцев спиртным и пьяниц. Знаю даже пару шлюх из квартала Варош.

Самолеты прилетают словно по расписанию. Обычно они сначала показываются с севера, из ущелья Тепелены. Первыми открывают огонь зенитки, расположенные в Грихоте. На таком расстоянии выстрелов не слышно, видны только белые облачка разрывов. Затем к ним присоединяются орудия с холма, на

котором стоит та же, но и они не нарушают строй самолетов. Те спокойно летят прямо к городу, и я хорошо представляю, как в эти минуты в Гирокастре воют сирены, и люди прячутся по подвалам, и остается только удивляться, что весь этот ужас нагоняют на город вот эти два-три малюсеньких пятнышка, которые летят, сверкая и переливаясь в лучах солнца, словно серебряные монетки, подброшенные высоко в небо.

Последней стреляет зенитка из крепости, старая кляча, над которой все подиучивали. Отсюда хорошо видно, как маневрируют самолеты, как они отвесно пикируют на военный аэродром, сбрасывают бомбы, а затем улетают, спокойные и сияющие, словно и не имеют никакого отношения к столбам черного дыма, которые тут же поднимаются в небо вслед за ними.

Все это видно днем, а ночью все затемнено, как и положено. С наступлением вечера все начинает поглощать мрак. Сначала во тьме растворяются переулки, низкие домики, мост через реку, затем остальные кварталы, начиная с нижних, мостики через ручьи, высокие дома и, напоследок, крепость, колокольни и минарет, с гнездами аистов наверху.

Вчера вечером, когда я пытался разглядеть город, бесследно исчезнувший во мраке, мне вспомнилась такая же ночь три года назад, когда нашей роте впервые довелось пройти через ночную Гирокастру, мы направлялись тогда на юг.

Ночь была темная, душная. Мы были грязные, усталые, нам все осточертело, и едва мы добрались до казарм Грихота, как потребовали, чтобы нас отвели в публичный дом. Командование разрешило нам пойти. В мгновение ока мы ожили. Прямо как были – небритые, грязные, не снимая оружия, снова построились и вышли из больших ворот. Публичный дом был в городе, так что нам, после долгого перехода, предстояло пройти еще два-три километра, чтобы попасть туда. Но теперь идти нам было намного легче. Мы шли строем в темноте, отпуская похабные шуточки и подтрунивая друг над другом. Мы чувствовали себя счастливыми. Мы часто слышали разговоры об этом публичном доме, и нам не терпелось поскорее до него дойти. Даже дворец какой-нибудь принцессы не показался бы нам столь же привлекательным.

У моста через реку нас проверили часовые на контрольно-пропускном пункте, затем мы стали подниматься по крутым улочкам. Город казался вымершим. Наши тяжелые альпийские ботинки гремели по камням. Наверняка люди, притаившиеся за ставнями и тяжелыми дверями домов, дрожали от страха, опасаясь, не начнется ли сейчас новая резня. Если бы они знали, куда мы идем!

Наконец мы оказались перед «домом». Мы остались снаружи, а офицер толкнул ворота и вошел внутрь.

В доме было темно. Внутри, похоже, не было ни одного посетителя.

- Они что, спят? – с беспокойством спросил кто-то из наших.

- Даже если и спят, должны сразу встать.

- Это точно, - сказал другой. – Мы солдаты, нас должны уважать. Тем более что мы здесь транзитом.

- Сегодня мы живы, завтра нас нет, - произнес кто-то сиплым простуженным голосом.

Но ворота открылись, вышел офицер, и мы все столпились вокруг него.

- Слушайте меня, - сказал офицер. – Сейчас будете заходить. Только соблюдать порядок, а не то всех обратно отправлю. А ну-ка, становись в очередь!

Мы выстроились в какое-то подобие очереди, и одному богу известно, что это была за очередь.

- Внимание, - сказал офицер. – Внутри темно, потому что окна открыты из-за жары, и свет зажигать нельзя. И чтобы никто не вздумал даже спичку зажечь, а не то пожалеете. Здесь рядом наблюдательный пункт с пулеметом.

- Все ясно, - ответили сразу два-три голоса. – На что нам свет? Справимся и без света.

- И то верно, свет нам не нужен! Нам нужно...

- Заткнись, сволочь, - прорычал офицер. – Соблюдать тишину! Давайте первые пять-шесть человек.

Первые рванулись, толкая и тихая друг друга.

- Винтовки не перепутайте, - крикнул им вслед офицер. Затем повернулся к нам. – Еще шестеро пошли со мной, - сказал он.

Среди этих шестерых был и я. Мы шли, словно пьяные, по мощеному камнем двору, затем поднялись по ступенькам. Внутри было темно. Через мгновение мне показалось, что я остался совсем один. Всех моих друзей словно поглотил мрак. Я побрел в темноте и вдруг услышал стон, затем еще один. Кровь ударила мне в голову, я вошел в первую же открытую дверь и снова услышал тяжелое дыхание. Я сразу же вышел и вошел в соседнюю дверь. В темноте, в углу, я заметил что-то смутно белеющее. Я вошел, сделал два шага и остановился.

- Иди сюда, - позвал меня женский голос.

Я, слегка робея, подошел, протянул руки и дотронулся до нее. Она была совершенно голая. Мои руки скользили по ее влажному от пота телу, и в глазах у меня потемнело. Нельзя было понять даже, где находится кровать.

- Сними оружие, - спокойно сказала она.

Я снял винтовку и прислонил к стене, после этого она легла.

В темноте я не мог разглядеть ее лицо, но, судя по голосу и по груди, она была молода.

- Извини, - сказал я через несколько минут, расслабившись в ее объятиях. – Извини, я такой грязный.

- Ничего, - равнодушно ответила она. Это значило, что она давно же привыкла к солдатскому поту. – Куда направляетесь? – спросила она меня.

- На юг, - ответил я. – В бой.

Она не ответила, и это были единственные слова, которыми мы обменялись.

Я попытался разглядеть ее черты, но это было невозможно. Я медленно встал, взял винтовку, перекинул ее через плечо и, повернувшись, посмотрел еще раз в сторону смутно белевшего в углу неподвижного пятна.

- Спокойной ночи! – сказал я.

- Спокойной ночи! – ответила она равнодушно, и я вышел. С трудом нащупывая ступеньки, я спустился. Те, что уже побывали там, ждали снаружи, молча курили, сидя возле ворот, поставив винтовки между коленей.

Через час мы снова шли по дороге, но теперь мы не разговаривали больше и не шутили, слышен был только нестройный топот наших шагов, и снова мы были усталые, утомленные и грязные, как черти.

- Проклятая темнота, - пробормотал кто-то словно во сне. Никто не отозвался.

Через какое-то время, когда наша дивизия снова проходила через Гирокастру, мы хотели опять пойти в публичный дом, но нам сказали, что он закрыт. Я плохо помню, в чем там было дело, припоминаю только, что, по слухам, там произошел несчастный случай, одну из девушек убили, а после увезли и остальных. Когда я услышал об этом, мне вспомнилась та девушка во мраке, к которой я пришел той ночью. Я подумал, а не ее ли убили? Но может, убили вовсе и не ее. Там было, мне кажется, пять или шесть девушек. Или, самое большее, семь.

полдень июль

Глаза у Кристины совершенно неопишутельные. Как и у всех албанских девушек. Любовь? С моей стороны – да. С ее стороны – ничего.

Джуву никак не может прийти в себя.

июль

Ночью по шоссе двигались войска. На север. Видны были огни грузовиков. Похоже, какая-то часть передислоцируется.

21 июля

В соседнем селе полно баллистов. По ночам распевают старинные песни. Мельник велел мне прятаться, если я увижу их белые телеши с вышитыми впереди большими двуглавыми орлами. Кристине он тоже велел прятаться. Один бог знает, что может произойти.

Воскресенье

Кристина через неделю выходит замуж. Я узнал об этом совершенно случайно. Я даже и понятия не имел, что она давным-давно помолвлена. Вчера я просто так спросил у тети Фросы, когда она набирала воду в ручье.

- Что это вы в последнее время и днем и вечером все сидите за ткацким станком?

- Да вот, время пришло, - сказала она. – Время пришло, сынок.

- Какое? – спросил я.

- Как это какое? На следующей неделе дочь замуж выдает, ты что, не знаешь?

- Нет, - ответил я, - откуда мне знать. - Голос у меня прозвучал так тихо, что она подняла глаза и пристально на меня посмотрела. Я попытался скрыть замешательство, а потом спросил себя: а какого черта, почему я должен скрывать, что мне плохо?

Она еще раз внимательно на меня взглянула и сказала:

- Так уж устроено, сынок, приходит время, и девушку отдают замуж. И ты тоже вернешься домой, когда кончится эта война, и твоя матушка женит тебя на красивой девушке.

Когда она мне это сказала, я просто руками за голову схватился, мне показалось, что она меня утешала, и я почувствовал, что боль стала терзать меня еще сильнее.

Я пошел к мельничному ручью, сел на землю и сказал себе: ты выходишь замуж, Кристина. Вот и все.

20 августа, вечер

Тоска.

Кристина вышла замуж. Прошлым воскресеньем приехали сваты и забрали ее. Шесть всадников в черных бурках. Все вооруженные. На дорогах сейчас опасно. Свадьбу не играли. Мужчины посидели за столом, выпили немного ракии. Меня тоже пригласили, но прибывшие не перемолвились со мной ни единым словом. Слово меня и не было вовсе.

Двумя днями раньше мне тоже захотелось сделать какой-нибудь подарок Кристине. Но у меня ничего не было. Я решил отдать ей медальон. Пару раз она его внимательно рассматривала.

- Возьми, - сказал я ей, - от меня на память.

Она обрадовалась и взяла медальон.

- Святая Мария?

- Да, - сказал я.

- Кто тебе его дал? – спросила она. – Мама?

- Нет. Начальство.

- А зачем?

- Чтобы они знали, кто я такой, когда меня убьют.

Она засмеялась.

- Откуда ты знаешь, что тебя убьют?

- Ну, если убьют.

Вот так я отдал ей то единственное, что у меня было. А зачем мне этот медальон? Уж если я пропал, так пропал. Я еще жив, но уже пропал, и зачем мне нужно, чтобы меня опознавали после смерти?

После обеда сваты поднялись. Перекинули через плечо винтовки и сели на коней. У Кристины был белый конь. Она плакала. Тетя Фроса тоже. Мельник держал себя в руках. Затем они обнялись с дочерью. Я тоже хотел попроситься с ней, но не осмелился подойти к лошадам. Наверное, из-за молчаливой суровости сватов. Стоял в стороне. Огромный пес, Джуви, вертелся у них под ногами, шея у него до сих пор перевязана. Я ему завидовал. Кристина обняла его и поцеловала. Обо мне никто даже и не вспомнил.

Они уехали. Сначала в кустарнике скрылись кони. Затем черные бурки. И наконец, длинные стволы винтовок.

день, август

Вот уже несколько ночей на шоссе, ведущем в Гирокастру, происходит постоянное передвижение войск. Похоже, в ближайшее время что-то должно произойти. Крестьяне, которые приходят на мельницу, рассказывают, что в селах опять полно беженцев из города.

Кроме того, говорят, что «Голубой батальон» ушел из центральной Албании и движется в нашу сторону. По ночам меня снова одолевает страх. Сплю я плохо, все время вскакиваю и прислушиваюсь.

Я очень тоскую по Кристине.

начало сентября

Дует осенний ветер. Иногда меня охватывает ужасная тоска, и мне кажется, что я никогда не выберусь отсюда.

Иногда я сижу у мельничного ручья. Здесь мне нравится больше всего.

Сижу и смотрю на спокойно текущую воду, по ней плывет то листок, то коряга, а то совсем ничего, только смутные отражения.

Во время наших переходов нам повсюду встречались канавы с водой. Не знаю почему, но эти вырытые человеческими руками канавы с тихой, спокойной водой, так меня волновали. Ничто другое не вспоминалось мне потом, в мирные дни, так четко, как эти канавы. Я шел вдоль них с винтовкой в руках, и мне было не по себе. Они вызывали у меня тревогу. Мне казалось, что они что-то во мне пробуждают, какие-то забытые стремления. Они меня к чему-то призывали. Я прислушивался к вечному, несмолкающему журчанию воды, и наверняка возле какого-нибудь оросительного канала у меня появилась сначала смутная, а потом все более четкая мысль о дезертирстве.

после обеда

Джуви вчера сдох. Настоящее горе. Для всех. У мельника красные глаза. Похоже, он плакал.

сентябрь, 5

Тишина. Листья желтеют. Утром, над нашими головами, высоко в небе пролетели сотни самолетов. Летели они на северо-восток.

Кто знает, из каких краев они прилетели и куда направлялись. Наверняка будут где-то бомбить. Небо открыто со всех сторон. Совершенно открыто.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Здесь записи кончались. Была поставлена еще одна дата – 7 сентября 1943, но, затем, неизвестно почему, он ее зачеркнул. Похоже, он решил бросить дневник, потому что ему не о чем было писать, а может, просто надоело это занятие.

Генерал с презрением кинул дневник на сиденье.

- Есть что-нибудь интересное? – спросил священник.

- Записки сентиментального нытика.

Священник взял тетрадь и раскрыл на первой странице.

- Свое имя он нигде не написал, - сказал генерал. – Он упомянул только свой рост. Метр восемьдесят два.

- Да у него рост полковника Z., - сказал священник.

Они переглянулись.

- Никаких других данных нет, - сказал генерал. – Имя собаки он написал, а свое собственное - нет.

- Странно!

- Там есть что-то о «Голубом батальоне», но о полковнике Z. он не упоминает.

Священник принялся читать.

Генерал попытался представить финал этой истории, на основании того, что крестьянин рассказал священнику, как в этих краях прошел «Голубой батальон», все уже порядком озверели и однажды вечером нагрянули на мельницу, потому что наверняка им донесли, что там работает дезертир. И как потом они нашли прятавшегося среди мешков с мукой солдата, и солдат был весь белый, обсыпанный мукой, словно раньше времени завернулся в погребальный саван, как потом его вывели, подталкивая стволами, и как он пятился, отступая все дальше и дальше, пока не дошел до ручья, и наверняка он свалился бы в воду, если бы продолжал пятиться, но не успел, потому что его расстреляли в двух шагах от ручья, так что когда он упал, только его голова оказалась в воде и как, наконец, вокруг головы покойника образовался небольшой бурун, словно в ручей упал камень, и как неспешное течение расправило мокрые волосы и они шевелились в воде, будто причудливые черные водоросли.

Вот и все, что было, подумал генерал, затягиваясь сигаретой.

- Ну? – спросил генерал через час, когда священник закрыл тетрадку.

Священник пожал плечами.

- Обычный дневник, - сказал он.

Они помолчали, хотя оба знали, что думают о прочитанном.

- Вы прочли, что он там написал о ручье? – спросил генерал. – Ему казалось, что он нашел там спасение, а там его ждала смерть.

Священник промолчал.

Генерал нажал на клаксон. Дорогу переходило большое стадо овец. Два пастуха длинными посохами пытались разделить стадо надвое, чтобы дать машинам проехать.

- Спустились на зимние пастбища, - сказал священник.

Генерал разглядывал высоких пастухов, одетых в длинные черные бурки с капюшонами.

- Вы помните тех двух лейтенантов, которые докатились до того, что пасли овец в албанском селе? Из какого батальона они были? Мне кажется, из горных стрелков.

- Не припоминаю, – сказал священник.

- Странная метаморфоза произошла с нашей армией в Албании, - продолжал генерал. – Действительно странная. Или, точнее, постыдная.

- Это верно, - согласился священник. – Случались забавные вещи.

- Да мы и сами сколько раз с такими случаями сталкивались. Сколько раз нам приходилось краснеть от стыда, когда мы слышали, что наши вояки докатились до того, что стирали белье или сторожили кур у албанских крестьян. Два часа назад этот пастух, или мельник, черт его знает, кто он там, испортил мне крови.

Священник кивнул.

- Вы сказали, что случались забавные вещи, но это не столько забавно, сколько прискорбно.

- На войне трудно отделить смешное от трагического, а героическое от прискорбного.

- Кое-кто пытается это оправдывать, - сказал генерал. – Они хотят оправдать наших солдат, оказавшихся здесь после капитуляции. Судов не было, порты были закрыты. Что было делать этим несчастным? В конце концов, они должны были что-то есть, чтобы не помереть от голода? На кусок хлеба заработай, но честь своей страны не марай, - воскликнул генерал с возмущением. – Офицер великой армии, пусть даже и побежденной, соглашается стеречь кур!

- Многие из них для начала продали свое оружие, - сказал священник. – Они его продавали или обменивали на торбу кукурузы или пару яиц.

- Ведь вас в то время здесь не было, не так ли?

- Да, - сказал священник. – Меня здесь не было, но мне рассказывали. Мне рассказывали, как револьвер меняли на кусок хлеба, потому что албанцам револьверы не нравились, они больше ценили винтовки. У винтовок цена была выше, вплоть до мешка хлеба. А пулеметы, автоматы и гранаты солдаты отдавали почти даром, меняя на драные опинги, пару луковиц или в лучшем случае на полкило творога.

- Это просто ужасно! – воскликнул генерал.

Священник хотел продолжить, но генерал вновь перебил его:

- Поэтому албанцы так и норовят над нами поиздеваться. Вы помните, как меня оскорбил этот пастух, или мельник, кто он там был?

- Они сами не свои от оружия. Для них просто немислимо продать винтовку, и уж тем более обменять ее на кусок хлеба.

- А тяжелое вооружение? – спросил генерал.

- Тяжелое вооружение, хотя оно и не имело никакой практической ценности, можно было подобрать где угодно. Тогда совершенно никого не удивлял вид осли, который тащит за собой зенитный пулемет.

- Это просто ужасно! – повторил генерал.

- В тот год в Албании произошло больше несчастных случаев, чем когда бы то ни было, - продолжал священник. – Дети играли с оружием и, поссорившись между собой, нередко вышибали друг другу мозги гранатой. Бывало и так: повздорят днем соседские бабы из-за какой-нибудь ерунды, как это у женщин случается, а ночью из окна или с чердака уже строчит пулемет.

- Мне кажется, вы преувеличиваете, - сказал генерал.

- Ничуть. Это был тяжелый психоз, - продолжал священник. – Албанцы были как пьяные. Все их древние пороки ожили, и они стали опасны как никогда.

- Может быть, это потому, что они только что вышли из схватки, во время которой были ранены, - предположил генерал. – Так бывает с тиграми, когда в них попадает первая пуля. Кроме этого, в то время, как мне кажется, албанцы готовились к новым опасностям. Соседи могли напасть на них в любой момент.

- Албанцы всегда преувеличивают угрожающую им опасность, - сказал священник.

- Одного я только никак не могу понять, - сказал генерал, - почему они не расправились с нашими солдатами после капитуляции? Даже наоборот, они защищали их от наших бывших союзников, которые расстреливали их на месте без разговоров. Вы это помните?

- Конечно, - сказал священник.

- Так плачевно закончилась для нашей армии албанская кампания, - сказал генерал. – Все наши военные с оружием, званиями, униформой, медалями превратились в слуг, батраков, нянек. Мне стыдно становится, когда я подумаю, чем они занимались. Вы помните, нам рассказывали об одном полковнике?

- Да, - сказал священник. – Я даже подумал, уж не стал ли и полковник Z. пастухом у какого-нибудь крестьянина. Может, он до сих пор еще пасет коз.

Генерал не верил своим ушам. Священник, до настоящего момента поражавший его своим самообладанием, насмеялся над покойником?

- Было бы забавно взглянуть на Бети в такой ситуации, - сказал генерал.

Он ждал, что священник до конца разделается со своим соперником, но тот, похоже, пожалел, что переборщил, и умолк.

Оставшуюся часть пути они проехали молча. Дороги были усыпаны опавшими листьями. Желтые листья ветер сметал в сторону, а гнилые лежали почти неподвижно. Порой они застывали, словно парализованные, отяжелевшие от воды и грязи, побуревшие, и, казалось, терпеливо ждали смерти.

Автомобиль несся, сминая их своими колесами.

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА

Машины подъезжали к городской окраине. По обеим сторонам дороги кое-где видны были здания ферм, маленький аэропорт, на площадке которого стояли несколько вертолетов, оборудование какой-то радиостанции.

Неожиданно машины съехали с шоссе и одна за другой свернули на проселочную дорогу. Местность внезапно изменилась. Это была низина, заболоченная глинистая целина. Кое-где виднелись редкие кусты. Старый телефонный столб и больше ничего. Посреди пустыни стоял длинный сарай, облицованный серой плиткой. Машины остановились перед ним. Огромная лохматая собака, сидевшая у входа, принялась лаять.

Дверь сарая медленно открылась, и оттуда вышел, кашляя, высокий человек в длинном пальто, сплошь покрытом заплатками. Это был кладовщик.

Рабочие выгружали из грузовика большие ящики. Эксперт вошел в сарай вместе с кладовщиком. Генерал и священник последовали за ними.

В сарае было холодно. Сочившийся в окна слабый свет падал на нейлоновые мешки, рядами лежавшие на длинных деревянных полках.

Рабочие занесли ящики в сарай. Кладовщик принялся доставать из них и считать нейлоновые мешки. Он складывал их на полки, бормоча про себя номера, словно хотел выучить их наизусть.

- Этот нет, - сказал он, когда рабочие принесли тяжелый гроб, который им вручил крестьянин на дороге. Эксперт попытался его переубедить. - Нет, - повторил кладовщик. - Он нестандартный.

Рабочие отнесли ящик обратно в кузов грузовика.

Когда все закончилось, кладовщик взял с полки тетрадь в перепачканной обложке. Он неловко перелистывал страницы, два-три раза подышав на пальцы, чтобы согреть их.

- Тут, - сказал он эксперту.

Эксперт записал что-то, затем расписался. Передача останков завершилась.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Много дней спустя в зале отеля «Дайти» они снова сидели за столом друг против друга. Снизу, из таверны, опять доносилась музыка, а где-то рядом с ними генерал ощущал кипение чужой жизни. Генерал еще больше осунулся, и глаза у него были растерянные.

- Сегодня ночью я плохо спал, - сказал генерал, - я видел во сне ту проститутку. Вы помните, что о ней рассказал хозяин кофейни?

- Конечно.

- Мне приснилось, что она мертвая и лежит в гробу. А снаружи, перед воротами публичного дома, выстроилась огромная очередь из солдат, но они тоже были в гробах.

- Скверный сон.

- А во сне мне это показалось совершенно нормальным. Я проходил мимо и спрашиваю: «Эти солдаты, в очереди, они с фронта или на фронт?» Одни отвечают, что с фронта, другие – что на фронт, а я тогда говорю: «Те, что на фронт, пусть не ждут, пусть повоюют сначала, тогда и они будут иметь право отдохнуть, а те, что с фронта, пусть ждут в очереди».

- Скверный сон, - повторил священник.

- Потом я увидел полковника Z. Вы думаете, что мой рост – метр восемьдесят два? – спросил он с издевательским смехом. Ошибаетесь, господа, вовсе не такой. А какой же? – спросил я. Он снова засмеялся, а потом говорит капризно: не скажу. – Генерал достал сигареты. – Вот так.

- Это от усталости.

- Да. В этот раз мы сильно устали. Хуже, чем на прошлых маршрутах.

- Ничего не поделаешь, - сказал священник. – Будет еще тяжелее.

- Мы как средневековые бродяги. Идешь, идешь, а дороге нет конца. А они там, - генерал махнул рукой в ту сторону, где, по его представлению, находилась их родина, - они думают, что у нас покойники сами из земли выскакивают, как на пружинках, - продолжал он со злостью. – Они понятия ни о чем не имеют.

- Они не виноваты, - сказал священник.

Генерал забарабанил пальцами по столу.

- Мне кажется, вы должны были читать старинные летописи, - сказал он. – Не довелось вам столкнуться с чем-нибудь подобным?

- Нет, - ответил священник, не уточняя, имел ли он в виду, что не читал старинные летописи, или что ему не доводилось в них сталкиваться с чем-нибудь подобным.

- Значит, летописи молчат.

- Может, прогуляемся? – предложил священник. – Погода сегодня хорошая.

Они спустились по ступенькам гостиницы и направились в сторону университета. На большом бульваре было чрезвычайно оживленное движение. Огоньки машин разделялись у моста, на пересечении с бульваром Марселя Кашена. Часть машин заворачивала налево, где располагалось большинство иностранных посольств, другие ехали в сторону площади Скандербега.

Они дошли до здания Совета Министров и повернули обратно. По обеим сторонам бульвара рабочие выкапывали мимозы и вместо них сажали в большие ямы ели.

- Готовятся к празднику, - сказал священник, - даже по ночам работают.

У ступенек перед отелем они встретили главу муниципалитета. Он был один.

- А где мой коллега? – спросил генерал.

- В центральной Албании. Мы еще продолжаем там поиски в нескольких местах. А вы?

- Мы пару дней отдохнем.

Беседуя, они поднялись по ступенькам. Мэр распрощался с ними и вошел в лифт, а генерал и священник снова отправились в зал.

Генерал заказал фернет и закурил. Затем налил себе рюмку и выпил. Перед глазами снова заплясали видения отвратительных пустырей и вскрытых могил.

Я не понимаю, почему останки наших друзей нужно отдавать семьям. Никогда не поверю, что такова была бы их последняя воля, как пытаются уверять некоторые. Для нас, ветеранов войны, подобные женские причитания просто смешны. Солдату хорошо только среди товарищей, неважно, живой он или мертвый. Оставьте наших друзей лежать вместе. Не разлучайте их. Их могилы будут поддерживать в нас старый боевой солдатский дух. Не слушайте трусов с куриными сердцами, готовых поднять крик из-за одной капли крови. Вы уж поверьте нам, старым солдатам.

Генерал захмелел.

У меня теперь целая армия мертвецов, подумал он. Только теперь у них, вместо униформы, нейлоновые мешки. Голубые мешки с двумя белыми полосками и черной лентой, производство «Олимпии», по специальному заказу. Сначала их было несколько отделений. Затем из них были сформированы роты, потом батальоны, и вот уже завершалось формирование полков и дивизий. Целая армия, одетая в нейлон.

- Что мне с ними делать? – спросил он вполголоса.

- Вы плохо выглядите, - сказал священник. – Может, у вас начинается лихорадка?

- Со мной все в порядке, - сказал генерал, чувствуя, что фернет ударил ему в голову быстрее, чем обычно, возможно, от усталости. – Со мной все в порядке, - повторил он. – Просто я хочу выпить, - и он опрокинул еще одну рюмку. – Просто я хочу выпить, а вы, священник или полковник, черт вас разберет, кто вы такой, мне мешаете. Что вам от меня нужно? А?

Генерала вдруг охватила враждебность.

- Терпеть не могу, когда за мной следят. Что вам от меня нужно, говорите, - он почти кричал.

Худошавый мужчина, который, как обычно, сидел возле радиоприемника и что-то писал, повернулся в их сторону.

- Абсолютно ничего, господин генерал. Я вам нисколько не мешаю, и тем более не собираюсь за вами следить, - холодно ответил священник.

- Тогда сидите и смотрите, как я пью.

- Не будем устраивать здесь скандал, - сказал священник.

Генерал выпил еще. Теперь священник не будет ему больше мешать. В конце концов, главный здесь он.

Генерал вернулся мыслями к своей армии. К своей армии, голубой, с двумя белыми полосками и черной лентой. Что мне с ней делать? - подумал он. У меня очень много солдат, и конечно, им холодно в их нейлоновых шинелях. Очень много. Их бездарные генералы бросили их на полях сражений, оставили их всех на меня. Я мог бы выиграть с ними много сражений.

Он попытался вспомнить сражения, которые изучал в академии, попытался представить, какие из них он мог бы выиграть со своими солдатами. На пачке сигарет он стал рисовать схемы, обозначая позиции, рубежи атак, направления главных ударов. Священник молча смотрел на его каракули и пил какао. Генерал начал с древних времен. Для начала он окружил Цезаря, затем остановил войска Карла Великого, потом, благодаря ловкому маневру, внезапно появился перед Наполеоном и вынудил его отступить. Но что-то ему в этом не нравилось. Не нравилось, потому что он мог выиграть все сражения минувших веков благодаря превосходству современных вооружений, а не своему таланту полководца. Тогда он стал вспоминать недавние войны. Он высадил десант на многих берегах и окружил несколько столиц. Своих одетых в голубой нейлон солдат он перебросил с берегов Нормандии на 38-ю параллель в Корею. Он послал их в гибельные джунгли Вьетнама, но и оттуда они вышли целыми и невредимыми. Он выиграл несколько битв, которые история считала проигранными. Он побеждал, потому что не бросал в грязи своих солдат. Он умело руководил ими. Он специально изучал методы ведения боевых действий в горных условиях. Кроме того, его солдаты храбры, невероятно храбры. Они храбры, потому что им больше нечего терять, подумал он, и выпил еще. Пачка сигарет была вся покрыта каракулями, и ему снова вспомнилась одна из войн. В одном из сражений ему пришлось отступить, но он бросил в бой резервы мертвецов, оставшихся неопознанными (а они в бою были яростнее всех), и победил.

- Вот так, - пробормотал он удовлетворенно. - Кто осмелится бросить вызов Великой Нейлоновой Армии?

Он был совершенно пьян.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Генерал чувствовал себя совершенно разбитым. Открыл ставни. Утро было холодным, небо – серым и неподвижным. Он облокотился на подоконник, и у него слегка закружилась голова. Мне нехорошо, подумал он.

Он взглянул в окно. Конец осени. Парк напротив совершенно облетел. На зеленые скамейки наверняка давно уже никто не садился. Только листья. Но и они быстро сгнивали. Генерал был хорошо знаком с униформой всех армий, входящих в НАТО. Но только сейчас он осознал, что цвета униформ всего лишь повторяли цвета осенних листьев.

В центре парка, возле танцплощадки, были свалены в груду мокрые стулья. Опустевшая танцплощадка казалась большой и печальной. На том месте, где располагался оркестр, и везде вокруг лежали листья. Дворник метлой сметал их в кучу.

Мне нехорошо, повторил про себя генерал, спускаясь к завтраку.

- Вам, наверное, нехорошо, - сказал ему священник, когда они сели за стол. – Наверное, вам нужно немного отдохнуть.

- Я и сам не знаю, что со мной, - сказал генерал. – Но мне действительно нехорошо. По-моему, вчера вечером я вас нечаянно обидел. Приношу свои извинения, я был пьян.

- Ничего, - с сочувствием произнес священник.

- Что за чертова погода?

- Может, мне лучше отправиться завтра одному? Думаю, что на побережье поиски будут намного легче, чем в горных районах, - сказал священник.

- Я тоже так думаю.

- А вы немного отдохните. Хорошо бы вам вечером сходить в оперу. Иногда здесь бывают симфонические концерты.

- Я плохо сплю, - сказал генерал. – Мне нужно принимать успокоительное.

Они вышли на бульвар и стали прогуливаться по широкому тротуару, под высокими елями, стоявшими перед гостиницей. Мимо них стайками проносились юноши и девушки, похоже, студенты университета.

- Что же это за чертова работа нам досталась? – сказал генерал, словно продолжая прерванный на полуслове разговор. – Мне было бы легче вскрывать египетские гробницы, чем раскапывать эту землю на два метра в глубину, чтобы извлечь этих солдат.

- Вы об этом слишком много думаете, - сказал священник. – Может, потому и чувствуете себя неважно.

- Война здесь была непохожа на обычные войны, - сказал генерал, - потому что она шла здесь не на фронтах. Она, словно червь, проникала повсюду, кроме того, она принимала здесь совершенно необычные формы.

- Это оттого, что албанцы по своей природе словно созданы для войны, - сказал священник. – Они принимают ее всей душой, естественно и с таким энтузиазмом, что в самое короткое время она отравляет им кровь, подобно алкоголю. Их психика...

- Вы мне об этом уже как-то рассказывали, - сказал генерал.

- Да, я помню. Наверное, я вас утомял.

- Ничуть. Я слушаю вас с большим интересом. Вы говорили о воинственной психике албанцев.

- Да, - сказал священник. – Она сформировалась очень давно. В течение всей своей истории албанцы не выпускали оружия из рук. Патриархальные горцы, буквально до вчерашнего дня жившие в средневековье, всегда располагали самым современным оружием. Представляете, какой контраст? Я как-то уже говорил вам, что без войны и без оружия этот народ выродился бы, у него постепенно отмерли бы его корни.

- А благодаря оружию и войнам он расцветет?

- Они так думают, но на самом деле из-за оружия они вымрут еще быстрее.

- То есть, вы полагаете, что война для них – своего рода утренняя гимнастика, позволяющая им размять мышцы и прочистить легкие?

- Но только на какое-то время, - сказал священник.

- Это значит, что с оружием или без оружия этот народ обречен на исчезновение?

- Похоже на то, - согласился священник. – Исконное стремление албанцев к войне их нынешнее правительство в своей политике выдвинуло на первый план, их соседям повезло, что албанцев всего несколько миллионов.

Генерал закурил.

- Вы помните песни, которые пели рабочие, когда мы ночевали в палатке, в горах? Помните, какую печаль и тоску вызывали они у нас?

- Помню, - сказал генерал. – Есть вещи, которые трудно забыть.

- Они пели в основном о разрушении и смерти, - продолжал священник. – Это типично для всего их искусства. Это можно обнаружить и в песнях, и в одежде, и во всем. В той или иной мере это особенность всех балканских народов, но у албанцев это более ярко выражено. Даже их национальный флаг символизирует кровь и траур.

- Вы так увлеченно об этом рассказываете! – воскликнул генерал.

- Я давно интересуюсь этим, - ответил священник. – Оскар Уайльд писал где-то, что представители низших классов испытывают потребность совершать преступления, потому что преступления доставляют им сильные ощущения, которые нам, остальным, доставляет искусство. Это высказывание вполне можно отнести к албанцам, только слово «преступление» нужно заменить на слово «война» или «кровная месть». Потому что, будем объективны, среди албанцев мало обычных преступников. Убийства они совершают обычно в соответствии со своими древними обычаями. Кровная месть у них – это как театральная пьеса, написанная по всем канонам трагедии, с прологом, нарастающим драматизмом и эпилогом,

который немислим без смерти. Их кровная месть, словно бешеный бык, который крушит все на своем пути, если сорвется с привязи. А они, тем не менее, вешают этому быку на шею множество украшений и побрякушек, в соответствии со своей этикой, с тем, чтобы когда бык сорвется и начнет сеять повсюду смерть, они одновременно со смертью получали бы еще и эстетическое наслаждение.

Генерал внимательно слушал.

- Жизнь албанца напоминает спектакль, - продолжал священник, - поставленный в соответствии с древними обычаями. Албанец живет и умирает как на сцене, единственное различие состоит в том, что сценой являются равнины или горы, где у всех на виду проходит вся его жизнь. Зачастую он умирает только потому, что этого требуют какие-то правила, а не из-за каких-то объективных причин. Жизнь, поддержание которой среди этих скал требует невероятных страданий и усилий, жизнь, которую не смогли победить холод, голод или горные лавины, неожиданно обрывается из-за неосторожно сказанного слова, из-за неудачной шутки, из-за пылкого взора, брошенного на женщину. Кровная месть часто свершается бесстрастно, просто потому, что этого требует обычай. И когда кровник убивает свою жертву, он всего лишь выполняет определенный пункт обычая. Эти древние правила опутывают им ноги всю жизнь, словно веревки, пока однажды они не запутаются окончательно, упадут и больше не поднимутся. Так что в течение всех этих столетий албанцы всего лишь играли роли в кровавой театральной пьесе.

Они услышали за спиной чьи-то шаги и оглянулись. Это был эксперт.

- Я искал вас в гостинице, - сказал он.

- Что-нибудь случилось?

- Завтра нужно будет просмотреть еще раз некоторые протоколы в министерстве.

Священник внимательно посмотрел на эксперта. Он пытался понять, слышал тот его последние слова или нет.

- Мы разговаривали о ваших старинных обычаях, - спокойно сказал он.

Эксперт улыбнулся.

- Он мне рассказывал о кровной мести, - сказал генерал. - Очень интересно с точки зрения этнопсихологии.

- Не могу с вами согласиться, - перебил его эксперт. - Некоторые иностранцы думают, что кровная месть может объяснить психологию албанца, но все это, извините меня, полная ерунда.

- Вот как? - удивился священник.

- Некоторые иностранцы усердно раздувают проблему кровной мести, преследуя определенные цели.

- Эта проблема представляет научный интерес, - сказал священник.

- Я так не считаю. Истинная их цель - обосновать идею о необходимости уничтожения албанского народа.

- О, я в это не верю, не верю, - сказал священник, холодно улыбувшись.

Эксперт прошел с ними еще несколько шагов, потом распрощался и ушел.

- Ну и язык, - сказал священник.

- Вы пытаетесь трактовать некоторые вопросы, опираясь только на психологию, но, думаю, что есть еще исторические и военные предпосылки, - сказал генерал. – Вы знаете, кого мне напоминает этот народ? Дикого зверя, который, почувствовав опасность, перед тем, как напасть, находится в невероятном напряжении, напрягает все мышцы и все его чувства обострены до предела. Мне кажется, этот народ слишком часто сталкивался с опасностью, и такое состояние тревоги стало их второй натурой.

- То, о чем вы говорите, они как раз и называют бдительностью, - сказал священник.

Священник продолжал рассуждать, но генерал его больше не слушал.

- По-моему, мы слишком много говорим о них, - сказал он наконец. – Какое нам, собственно, до них дело? Перебьют они друг друга чуть раньше или чуть позже?

Священник развел руками.

- Не лучше ли нам заняться своими собственными проблемами, - продолжал генерал, - нашей собственной чертовой работой, высосавшей у нас всю душу, и конца которой так и не видно? Вы разве не видите, что мы топчемся на месте? Не кажется ли вам, что есть в ней какая-то роковая обреченность, что-то мрачное?

- Нет, - сказал священник, - я так не думаю. Это святая миссия.

- Мы как опухоль, пустившая метастазы, - сказал генерал, - мы только мешаем людям, не даем им работать.

- Вы говорите о том случае, когда из-за наших раскопок на несколько дней задержался пуск водопровода?

- Нет, - ответил генерал, - не только. Есть что-то противоестественное, отталкивающее в том, что мы делаем.

- Нет, не могу с вами согласиться, - сказал священник.

- А вы никогда не задумывались, что, возможно, солдаты, которых мы ищем с таким усердием, этого вовсе не хотели?

- Это нонсенс, - сказал священник. – Наша миссия настолько гуманна, что кто угодно мог бы гордиться участием в ней.

Генерал подумал, что тот сейчас заведет речь о духовном служении и о потустороннем свете, вспыхивающем там, где начинаются владения смерти. Но лицо священника оставалось суровым.

- И тем не менее, есть в ней что-то ненормальное, какая-то насмешка.

- Нет, - возразил священник. – Ничего подобного. Возможно, у вас, как военного, есть свои причины, по которым вы ощущаете душевное беспокойство.

- И что же это за причины? – спросил генерал.

- Стоит ли нам это обсуждать? Возможно, вы и сами не желаете признаться себе в них?

Генерал натянуто улыбнулся.

- Опять психология? – сказал он. – Мне кажется, вы немного свихнулись на психоанализе. Я знаю, о нем много идет разговоров, но если честно, я так толком

и не разобрался, что это такое. Мы, военные, не большие любители подобных тонкостей.

- Ну что ж, - священник сделал жест, словно говоря «кому что нравится».

- И тем не менее, - сказал генерал, - как же вы объясняете мое тяжелое душевное состояние? Я люблю слушать ваши рассуждения, вы красиво говорите. Даю вам слово, я не обижусь, что бы вы ни сказали.

- Если вы настаиваете, я скажу вам, что думаю по этому поводу, - спокойно проговорил священник. – На вашу психику постоянное давление оказывает тот факт, что в глубине души вы сожалеете, что это не вы командовали нашими войсками в Албании. Более того, вы считаете, что если бы командовали вы, то все было бы по-другому, что вы не привели бы солдат к поражению и гибели, а смогли бы их спасти. Поэтому вы часто разворачиваете карты и сидите над ними часами. Вы страдаете из-за каждой проигранной операции, переживаете заново каждое поражение и подсознательно ставите себя на место злосчастных офицеров, постоянно представляя себе совершенно невозможное: как поражения превращаются в победы.

- Довольно, - сказал генерал. – Уж не принимаете ли вы меня за психически больного?

Священник улыбнулся.

Генерал помрачнел.

- У меня нет никаких скрытых мотивов, - медленно проговорил он. – Я вовсе не наивная девушка, полагающая, что собирать останки солдат – это что-то вроде оперетты. Я прекрасно знал, что это грязная и тяжелая работа.

Он говорил правду. С самого начала он понял, что перед ним стоит экстраординарная задача. Как ему сказал министр, в его работе ему должны помочь любовь и ненависть. Когда он вернулся домой из военного министерства, в тот день, когда ему поручили эту миссию, в душе у него играла музыка. Музыка, одновременно печальная и торжественная. Затем он открыл досье и принялся перелистывать бумаги. Он почувствовал, что из этих длинных, бесконечных списков на него дохнул ветер ненависти и мести. Он подошел к глобусу и нашел Албанию. Он испытал невольную радость оттого, что она оказалась такой маленькой – маленькой точкой на глобусе. Затем он содрогнулся от ненависти. Эта маленькая точка погубила столько наших прекрасных и храбрых сыновей. Ему не терпелось как можно скорее отправиться в эту, как рассказывали, дикую и отсталую страну. Он бы явился к этому народу, который представлялся ему в виде толпы первобытных аборигенов, и его презрительный взгляд говорил бы: посмотрите, что вы натворили, дикари. Он представлял торжественную отправку останков солдат на родину и мысленно видел удивленные, смущенные глаза албанцев – так смотрит человек, нечаянно разбивший ценную вазу, и теперь с сожалением разглядывающий обломок.

- И все же я испытывал гордость, - проговорил генерал усталым голосом, продолжая нить своих размышлений, - мы пронесли бы сквозь эту толпу гробы наших солдат, доказав им, что даже наша смерть прекраснее их жизни. Да, имен-

но так я тогда думал. Но мы прибыли сюда, и все оказалось по-другому. Вам это известно даже лучше, чем мне. Сначала исчезла гордость, потом величавость, затем рассеялись и все остальные иллюзии, и вот теперь мы бредем тут среди всеобщего безразличия, два жалких шута, продолжающих играть в войну, более несчастных, чем все те, кто воевал и был побежден в этой стране. Разве не так?

Священник ничего не ответил, и генерал пожалел, что разоткровенничался.

Некоторое время они шли молча, на тротуар все падали и падали последние листья. Генерал почувствовал, что ему плохо и одиноко. Он не хотел больше говорить на эту тему. Он с большей охотой поговорил бы о тоскливых днях, проведенных среди ущелий, под проливным дождем и пронизывающим ветром, о ледяных взглядах крестьян, одетых в черную домотканую одежду, о той ночи, когда священник испуганно закричал во сне; о поле боя, исчезнувшем под водохранилищем новой гидроэлектростанции, так что могилы тоже оказались под водой, и в сумраке вода казалась красной, кроваво-красной, и, наконец, о том черепе, у которого все зубы были золотыми, и когда рабочие достали его, зубы засверкали на солнце, и почудилось, что череп цинично насмехается над происходящим.

В канавах по обе стороны дороги было полно желтых листьев, а статуи большого парка, казалось, мерзли среди голых деревьев.

Поднявшись на вершину, они увидели раскинувшееся среди холмов искусственное озеро, длинное, со множеством больших и маленьких заводей. На вершине холма была церковь, к ней тесно прижалась круглая танцплощадка, вокруг которой вздымались высокие кипарисы, шелестевшие на ветру. Неподалеку были свалены в большую кучу пустые ящики, на которых было написано «Пиво Корча».

Они повернулись к озеру спиной и стали разглядывать Тирану. Плащ генерала гремел на ветру.

Генерал смотрел на большой бульвар, разделявший город на две части. Качивавшийся на ветру тополь закрывал одной из своих веток то здание Совета Министров, то здание Центрального Комитета. Когда ветер усиливался, ветка пролетала над большими городскими часами, словно приклеенными к минарету, и закрывала часть площади Скандербег, почти доставая до Национального Банка.

- В той книге об Албании говорилось, что большой бульвар Тираны был построен таким образом, чтобы напоминать имперскую секиру, - сказал генерал, показывая рукой. - Я уже несколько минут пытаюсь уловить сходство, но совершенно его не нахожу.

- Всмотритесь внимательнее, - сказал священник, - бульвар - это ручка секиры, высокое здание ректората - это конец рукояти, торчащий над лезвием, Институт Искусств напоминает заднее узкое лезвие, а стадион, - священник показал рукой направо, - это переднее закругленное лезвие.

- Одним словом, это как бы наша печать, поставленная в центре их столицы.

- После войны, когда коммунисты впервые поднялись в воздух на самолете, они это заметили и, конечно, постарались это сходство ликвидировать, хотя это было и нелегко.

Они шли мимо церкви по асфальтированной дорожке. Возле нее, на одной из скамеек сидели парень и девушка. Она положила голову ему на плечо, взгляд ее был затуманен, а он гладил ее колени.

- Пойдемте обратно, - сказал генерал. - У меня замерзла спина. \\обледеенла??

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Машины свернули с шоссе и поехали прямо по полю вдоль виноградников. У генерала на коленях лежала карта, и время от времени он вглядывался в окрестности. Он знал, что сейчас в кабине грузовика, ехавшего следом, эксперт держат на коленях точно такую же карту, и точно так же, как и он, пытается как можно точнее определить то место, где им нужно остановиться.

Справа была шеренга высоких тополей, и, если смотреть в ту сторону, можно разглядеть вдали здания усадьбы какого-то бея, и еще дальше – источник. Как раз внизу, под тополями, возле пней, и находится то место. Чтобы не забыть расположение могил, мы вырыли их в виде буквы V с острием, обращенным в сторону моря. Пять с одной стороны, пять с другой, и младший лейтенант впереди.

- Скажите ему, чтобы он ехал к тополям, - сказал генерал.

Священник перевел его слова шоферу.

Когда они вышли из машины, дул сильный ветер, тополя шумели. Священник пошел впереди к тому месту, где должны были быть могилы, и вдруг удивленно вскрикнул.

- Что случилось? – спросил, подходя к нему, генерал.

- Взгляните, - сказал священник. – Взгляните туда.

Генерал посмотрел в ту сторону.

- Что это значит? – возмущенно воскликнул он.

Под тополями видны были два ряда ям, соединявшихся в виде буквы V. Ямы, похоже, были вырыты неделю или две назад, потому что они наполовину уже были залиты водой.

- Ничего не понимаю, - сказал священник,

- Кто-то вскрыл могилы до нашего приезда, - воскликнул генерал. Голос его дрожал от гнева.

- Вон идет эксперт, - сказал священник. – Посмотрим, что он нам скажет.

- Что случилось? – спросил подошедший эксперт.

Генерал молча показал ему рукой на ямы. Эксперт взглянул и пожал плечами.

- Странно, - медленно проговорил он.

- Кто-то вскрыл могилы без разрешения и без нашего ведома, - сказал священник. – Что вы можете сказать по этому поводу?

Эксперт снова пожал плечами.

- Когда же прекратятся эти провокации? – воскликнул генерал. – Я это так не оставлю.

- В данный момент ничего не могу вам сказать, - ответил эксперт. – Но я все выясню. Пожалуйста, потерпите немного.

- Хорошо, - раздраженно буркнул генерал.

Подошедшие к ним рабочие и оба шофера тоже смотрели с удивлением.

Эксперт снова пересчитал ямы и повертел в руках топографическую карту.

- Послушай, - обратился он к водителю грузовика. – Сгоняй-ка на ферму и привези кого-нибудь с собой, все равно кого. Скажи, что мы из Совета Министров и у нас важное дело. В данный момент я ничего не могу вам сказать, - повторил он, повернувшись к генералу. – Но я могу заверить, что если кто-то осмелился сделать такое, чтобы оскорбить вас, он понесет наказание.

- С какой бы целью это ни было сделано, - сказал священник, – это святотатство.

Рабочие в это время стояли перед могилами и обсуждали их необычное расположение.

- Впервые вижу такое захоронение, в виде буквы V! – сказал один из них.

- Так обычно летят журавли, - сказал старый рабочий. – Вы видели, как они улетают осенью?

Послышался шум мотора приближающегося грузовика. В кабине, кроме водителя, сидел еще один человек.

- Теперь, я надеюсь, все выяснится, - сказал эксперт.

Водитель вышел первым и открыл дверь незнакомцу. Тот спрыгнул и внимательно оглядел всех по очереди.

- Вы работаете на этой ферме? – спросил его эксперт.

- Да.

- Вам что-нибудь известно про эти солдатские могилы?

- То же, что и всем, - ответил тот.

- А именно?

- Ну что. Могилы иностранных солдат. Уже лет двадцать с лишним тут.

- Но как объяснить...

- Десять дней назад приехали и раскопали их.

- Вот именно это мы и хотим знать, - перебил его эксперт. – Кто раскопал могилы десять дней назад?

Человек снова окинул взглядом по очереди рабочих, генерала, священника, затем машины.

- Вы видели тех людей, что вскрывали могилы? – спросил эксперт.

Тот помедлил с ответом.

- Вы меня за придурка принимаете? – неожиданно спросил он.

- Как? Что это значит?

- Вам лучше знать.

Эксперт пожал плечами. Наступила гнетущая тишина.

- Прошу, ответь коротко и ясно: кто вскрыл могилы десять дней назад?

Крестьянин с презрением посмотрел на него.

- Вы же и вскрыли, - процедил он сквозь зубы.

Лоб у эксперта покрылся испариной.

- Вы все, - повторил тот и обвел рукой рабочих, генерала, священника и водителей.

Они переглянулись.

- Где ты такого подобрал? – тихо спросил кто-то водителя грузовика.

- Послушай, - сказал эксперт, - нехорошо...

- Ты это брось, - сказал человек, и глаза его гневно блеснули, - хватит надо мной издеваться. Думаешь, если ты образованный, так можно всех дурачить?

Он окинул всех гневным взглядом, повернулся и пошел прочь.

- Товарищ, подожди, - позвал его старый рабочий.

- Эй, ты, ну-ка постой, - крикнул водитель грузовика.

- И не стыдно вам, - сказал человек, повернувшись. – Думаете, все вокруг идиоты? Думаете, мы вас не видели, когда вы приехали сюда десять дней назад и копали тут с утра до вечера?

- Этого нам только не хватало, - тихо проговорил священник.

- Кто копал? Мы?

- Ну а кто еще! Вот на этой самой зеленой машине приехали и на этом крытом грузовике.

- Подожди-ка, - неожиданно сказал эксперт, - вы были тут, когда производились раскопки?

- Нет. Мы издали вас видели.

Эксперт поднял голову.

- Кажется, я понял, - сказал он. – Наверняка это были те, другие. Вот не было хлопот!

- Так в чем же дело? – спросил генерал.

- Мне кажется, до нас тут побывали тот генерал-лейтенант со штатским.

- Это сделали они?

- Я просто уверен. Другого объяснения нет.

Крестьянин, энергично жестикулируя, что-то рассказывал рабочим и водителям.

- Как такое может быть? – спросил генерал.

- У них нет карт и точных данных. Наверное, они приняли их за могилы своих солдат.

- Но ведь они могли спросить у местных жителей. И кроме того – медальоны, - сказал священник.

- Мне тоже это кажется странным, - сказал эксперт, покусывая нижнюю губу.

- Это серьезное нарушение закона, - сказал генерал.

- У них такое уже не в первый раз, - сказал эксперт. – Мне говорили, что где-то на юге они вскрыли по ошибке две могилы баллистов, а в другом месте разрыли старое мусульманское кладбище.

- И забрали оттуда останки?

- Да.

- Просто в голове не укладывается! – воскликнул генерал.

- Они в своем уме? Зачем им это нужно?

- Возможно, этому есть одно объяснение, - проговорил эксперт задумчиво. – У меня есть предположение...

- Какое?

Эксперт колебался.

- Простите, не могу вам сейчас ничего сказать.

- Они, наверное, вконец запутались, - сказал генерал. – Может быть, они не могут ничего найти, вот и начали грабить чужие могилы.

- Они сами нам говорили, что действуют наугад.

- Самое скверное, что они сразу вывозят из страны найденные останки, - сказал эксперт.

- Дальше уже некуда, - сказал генерал. – То есть, мы никак не сможем отобрать у них кости этих одиннадцати?

- Мне кажется, это будет довольно трудно, если останки уже отправлены.

- То есть останки наших солдат вместо их родственников получат семьи в другой стране? – воскликнул генерал. – С ума можно сойти!

- Похоже, они многим пообещали лично, - сказал священник, - и поскольку...

- И поскольку не могут найти своих, то давайте, господа, красть чужих где только можно. Прекрасно, что уж тут сказать!

Генерал прошелся вдоль ям.

- Поехали, - сказал он неожиданно, - что нам тут теперь делать?

Они сели в машины и поехали в сторону моря, как раз в ту сторону, куда показывало острием захоронение в виде буквы V.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Побережье было темным и безлюдным. Бетонные доты торчали из мокрого песка. Большинство из них пострадали от обстрелов и безжалостного времени. Из щелей, словно ребра, торчала проржавевшая арматура.

С моря дул холодный ветер.

Генерал смотрел на север, туда, где на побережье белели первые виллы, летние станции железной дороги, высились дома отдыха и отели, большинство которых было сейчас закрыто.

Они собирали здесь останки солдат, погибших в первый день войны. Уже неделю они двигались вдоль побережья, останавливаясь в тех пунктах, где произошла высадка войск. В каждом таком пункте было свое кладбище.

Он хорошо помнил первый день войны, весну 1939 года. Он тогда был в Африке. Вечером по радио передали сообщение: фашистские войска высадились в Албании. Албанский народ радостно, с цветами, встретил доблестные дивизии, принесшие ему цивилизацию.

Затем пришли газеты и, чуть позже, журналы, в которых было много фотографий и репортажей о высадке. Они читали о прекрасной весне, выдавшейся в этом году, о прозрачной чистоте моря и неба в Албании, о пляжах, о любви албанок, о старинных народных костюмах и танцах. По радио ежедневно передавали новости, и по ночам солдаты мечтали, чтобы их перевели туда, на чудесное мирное побережье, под вечные оливы.

Генерал вспомнил, что и он сам тогда мечтал, чтобы его перевели в Албанию.

И все-таки судьба распорядилась так, чтобы и мне довелось повоевать здесь, хотя и значительно позже, подумал он. Именно сейчас, двадцать лет спустя, в мирное время.

Он никак не мог решить, что для него было бы лучше.

Рабочие, побросав инструменты поверх ящиков, и сами забрались в грузовой.

Машины тронулись.

Они ехали мимо vill, казавшихся сейчас печальными и заброшенными, с окнами, закрытыми ставнями. Вдоль моря тянулись танцплощадки, со столами и стульями, сваленными в кучи, друг на друга, словно никому не нужные больше воспоминания о лете.

- Здесь повсюду доты, - сказал генерал.

- Им нравится повторять, что Албания – это крепость на берегу Адриатики, - сказал священник.

Генерал отвернулся от берега.

- Вы говорили, что море всегда приносило албанцам несчастья, и поэтому они его не любят.

- Верно, - сказал священник. – Албанцы словно те существа, которые боятся воды. Они любят прятаться в скалах и горах. Там они чувствуют себя в безопасности.

Они постепенно удалялись от береговой линии, и уже не видны были ни летние станции железной дороги, ни белые виллы, разбросанные то тут, то там.

- Нам осталось найти всего одного солдата, погибшего в первый день войны, - сказал генерал. – Если это самый первый убитый в войне, в чем я сомневаюсь, то можно сказать, что это именно тот самый несчастный, который и потащил всех остальных вслед за собой на тот свет, как говорят местные старики.

- Солдат, погибший в самый первый день... - повторил священник. – Затем нам предстоит еще один тяжелый маршрут, если не ошибаюсь, в предгорьях.

- Именно так, - сказал генерал. – Затем еще два выезда. Потом еще один, предпоследний. А затем последний, - он глубоко вздохнул. – Еще рано думать о возвращении. Слишком рано.

Священник кивнул, соглашаясь.

Тебе-то не терпится, пробормотал про себя генерал. Тебя ждут.

- Что-то давно мы не встречали наших собратьев, - произнес он вслух.

- Кто знает, где они сейчас копают!

- Наверняка опять на каком-нибудь стадионе, если не на бульваре!

- Дела у них, должно быть, идут неважно, - сказал священник. – Бедолаги!

- Мне до них дела нет, - сказал генерал. – Главное, чтобы они у нас опять не украли какого-нибудь солдата.

Некоторое время они молчали.

Католический монастырь, где был похоронен одинокий солдат, находился на небольшом холме, у подножия которого дорога раздваивалась.

Они поднялись по склону. Впереди шли генерал со священником, за ними остальные, с инструментами в руках.

Перед монастырем было несколько старых могил, с каменными крестами и надписями на латыни. Ворота были закрыты. Над аркой были высечены в камне слова: Societas Jesus.

Эксперт долго стучал в ворота, пока не послышались шаги. Седой монах в сутане показался на пороге.

Священник внимательно оглядел странную компанию, и понадобилось какое-то время, прежде чем он наконец понял, что от него хотят.

- Государственное предписание и дозволение монсиньора у нас с собой, - сказал эксперт.

Монах внимательно изучил бумаги, и когда он читал их своими бесцветными глазами, шевелил при этом губами, словно что-то жевал.

- Хорошо, - сказал он. – Я сам отведу вас к могиле.

Они все последовали за ним вдоль внешней стены монастыря и зашли с задней стороны, где была церковь. – Вот могила, - сказал он.

Могила была скромная, с каменным крестом и каской у изголовья. С каски от времени слезла вся краска, края ее утонули в земле, и весной ее наверняка закрывала пробивающаяся молодая трава.

Один из рабочих лопатой убрал каску. Двое других принялись выворачивать каменный крест, а остальные приготовились копать.

- Как получилось, что здесь всего одна могила? – спросил генерал.

- Этого солдата убил Ник Мартини, - проговорил старый падре слабым глухим голосом.

Когда падре произнес имя Ника Мартини, генерал вопросительно взглянул на священника.

- Какой-то местный горец, - пояснил священник.

Дрожащей рукой падре показал туда, откуда, похоже, стрелял этот горец.

- Здесь велись какие-нибудь боевые действия? – спросил генерал.

- Нет, - ответил падре. – Вся эта местность, отсюда и до моря – сплошные солоняки. Никому и в голову не пришло, что войска могут высадиться в такой глухомани. А Ник Мартини, сын Мартина Ники, он знал.

Он говорил так, словно остальным эта история была известна во всех подробностях.

- Когда я увидел, как он несется по дороге, хотя у него и было ружье на плече, мне и в голову не пришло, что он собирается воевать, потому что горцы всегда так ходят, а по выражению лица ничем не догадаешься, идут они на базар или на поминки.

Заметив, что его слушают, падре рассказал о том, как встретил Ника Мартини и спросил его: куда ты идешь, Ник Мартини? а тот ответил: стрелять из ружья. Затем о том, как они вдвоем поднялись на колокольню, откуда был виден берег, почерневший от высадившихся войск. И как он тогда сказал ему: ты не можешь стрелять из Божьего дома, Ник. И как рассердился Ник, и как падре пришлось пригрозить ему отлучением от церкви, и как в конце концов горец ушел в сторону холма и обсопался там.

- Он и в самом деле сражался? – спросил генерал.

- Да, господин. Он стрелял из ружья довольно долго, пока его не обстреляли из миномета.

- Его убили?

- Нет. Мы тоже сначала так подумали, когда его ружье умолкло. Но через некоторое время он словно из-под земли выскочил, и снова принялся стрелять, уже с соседнего холма. Там он и убил этого бедолагу, - сказал падре, показав на могилу, которую они вскрывали.

- А потом? – спросил генерал. – Что было с этим горцем? Он остался жив?

- Ник Мартини? – старый священник посмотрел своими выцветшими потухшими глазами в сторону холмов. – Нет, - сказал он, - погиб. В тот день он сражался в одиночку еще в трех-четырёх местах, пока не выбился из сил. Говорят, что когда у него кончились патроны, и он увидел, что грузовики с солдатами едут в

сторону Тираны, он испустил страшный вопль, как у нас кричат горцы, когда кто-нибудь умирает. Его окружили со всех сторон и изрубили кинжалами.

На несколько секунд воцарилось молчание.

- У Ника Мартини нет могилы, - сказал старый священник, который, наверное, подумал, что теперь они будут искать и его могилу. - Ни знака, ни креста. Только песня есть о нем. Ее часто поют, особенно в предгорьях, там есть два села, - он показал дрожащей рукой куда-то на северо-запад. - В прошлом году приехала экспедиция из Института Фольклора. Среди собранных песен была, если не ошибаюсь, и песня о Нике Мартини. Так потом фольклористы перегрызлись между собой. Некоторые говорили, что эта песня на самом деле гораздо более древняя, но ошибочно ее называли песней о Нике Мартини. Другие уверяли, что с песнями всегда так: они все старые, как пни. Только ветки и листья на них вырастают новые.

Старик продолжал что-то говорить, но уже какое-то время его никто не слушал.

- Странно, - проговорил генерал полчаса спустя, когда их машина ехала в сторону Тираны. - Как может вступить в бой один-единственный человек?

- Они считают особой доблестью воевать в одиночку, - сказал священник. - Более того, тем, кто воюют в одиночку, достается больше славы.

Генерал закурил и вздохнул.

- Закончился еще один день войны, - тихо сказал он.

Священник промолчал. Он смотрел на поля, простиравшиеся по обеим сторонам дороги. Их уже обожгли первые осенние ветра. Чуть дальше, на этот раз справа, простиралась Адриатика, широкая и безграничная.

Вдоль побережья лежала цепочка невысоких округлых холмов. На склонах этих холмов, рядом с виноградниками, были могилы местных жителей, убитых в первый день войны.

Из обрывочных рассказов им удалось составить представление о том, что произошло в тот день на берегах двух морей, омывающих Албанию. Повсюду разнеслась весть, что враг пришел с моря, и из всех краин отправились в путь группы мужчин - по пять, по десять, по двадцать человек, с ружьями в руках - воевать. Они приходили издалека, не дожидаясь, пока их кто-нибудь позовет, преодолевали ущелья и ледники, чтобы спуститься в долины, и в их движении к морю было что-то древнее, словно инстинкт, растворенный в крови и передававшийся из поколения в поколение, из тех легендарных времен, когда зло всегда выходило из моря, как ужасный дракон, и нужно было уничтожить его прямо на берегу, пока оно не успело зацепиться своими когтями за землю. Это был вечный страх перед голубыми водами и перед открытыми пространствами вообще, потому что зло всегда появлялось из долин, и они, спускаясь сверху, чтобы соединиться с остатками королевской армии, еще продолжавшей сопротивляться, едва почуяв запах моря и ощутив его безбрежное пространство, сразу же ощущали опасность, сливавшуюся в их восприятии с шумом волн в одно целое, в музыку битвы.

Так спускались в тот день десятки таких групп. Затем на побережье они смешивались все вместе, люди в шляпах и очках - с высокими горцами из глухих селений, до сих пор жившими в средневековье, среди которых много было таких, кто и понятия не имел, какое государство на них напало, и с каким врагом они воюют, потому что это не имело для них никакого значения. Главным было то, что зло вышло из моря, и нужно было сбросить его обратно в море. Большинство из них никогда раньше не видели моря, и наверняка, когда перед ними вдруг открылась Адриатика, они пораженно воскликнули: «Ну и красота!», изумляясь тому, что оттуда могло появиться зло. Затем они презрительно оглядывали чернеющие вдаль крейсера, с гигантскими орудиями, нацеленными на берег, проносящиеся над самой головой самолеты, десантные суда, и сразу же, не откладывая в долгий ящик, вступали в бой, так, как этого требовал древний обычай, и погибали один за другим, кто-то раньше, кто-то позже.

Затем, к концу дня, подоспели те, кто шел из самых дальних горных селений. Не передохнув даже после долгой утомительной дороги, не задумываясь о том, что у них не было совершенно никаких шансов, они тут же вступали в бой, они начинали сражаться, когда солнце уже садилось, в тот самый час заката, когда оккупанты мощными помпами уже смывали кровь с улиц захваченного Дурреса.

Запоздавшие горцы продолжали приходиться до наступления темноты, среди них были и одиночки, появившиеся словно тени на вершинах холмов, их, выхваченных из мрака резким светом прожекторов, тут же скашивали пулеметы, и тела их оставались лежать до утра, с волосами, влажными от ночной росы.

На следующий день их хоронили прямо там, где их настигла смерть, и могилы их были разбросаны той весной повсюду, словно стадо овец разбрелось по прибрежным холмам, и никто не знал, как их звали, и даже откуда они пришли, чтобы, если уж имя неизвестно, написать хотя бы на изголовье название краины. Известно было только, что приходили они отовсюду, начиная с тех мест, где в случае смерти кого-нибудь плачут только женщины, и заканчивая самыми северными высокогорьями, где покойников по обычаю оплакивают мужчины, и где не только весь род одевается в черное, но в черное драпируют и каменную куллу убитого, и после этого затягивают песню, и в тот раз в песне наверняка было что-то о море, о далеком и коварном море.

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Весну сменило лето. Сквозь чужую землю пробивалась молодая трава. Она покрывала холмы, пышным зеленым ковром устилала долины и склоны гор, и не ведая преград, упорно захватывала каждый клочок земли.

Все начало лета генерал и священник, за которыми следовали албанский эксперт и рабочие, безостановочно колесили по дорогам Албании. Но им так и не удалось эксгумировать всю армию. Разгар лета они провели в пути, и за все лето им довелось отдохнуть не больше двух недель, потому что дела шли не очень хорошо.

На пресс-конференции, которую он провел у себя на родине, перед тем, как во второй раз отправиться в Албанию, он даже не пытался скрыть своей озабоченности перед журналистами. Да, он действительно запросил у албанского правительства разрешение продлить сроки поисковой экспедиции. Да, действительно, поиски затянулись дольше, чем планировалось. Да, вне всяких сомнений, возникли непредвиденные трудности. Нет, дело вовсе не в проблемах, создаваемых местным правительством. Нет, никаких проволочек со стороны нашего правительства тоже нет, деньги выделяются в достаточном количестве.

Журналисты, задававшие вопросы, как всегда, были бесцеремонными и во всем искали подвох. Когда он им отвечал, то с трудом сдерживался, чтобы не обрушить на них весь свой сарказм: легко тут задавать вопросы, ребята. А вот хоть разок прокатитесь со мной по этим ущельям...

Стараясь быть предельно кратким, он должен был все же упомянуть о некоторых сложностях. Он ничего не говорил о недружелюбии местных жителей, о мрачных песнях, об отсутствии взаимопонимания, он лишь вновь перечислил все остальное: сильнопересеченная местность, суровая альпийская зима, оросительные каналы, которые, как, вероятно, им всем известно, в коммунистических странах строят гораздо больших размеров, чем это необходимо, прошлогоднее землетрясение, повредившее много могил.

Когда он упомянул о землетрясении, в зале впервые наступила тишина. И по характеру этой тишины на какое-то мгновение ему показалось, что контакт с залом совершенно утрачен: ни он, ни присутствовавшие в зале уже не слышали друг друга.

Это ощущение внезапно наступившей глухоты он испытал, когда впервые наткнулся в албанских архивах на данные о последствиях землетрясения. Неожиданным ударом оно встряхнуло покойников, за год до его прибытия в Албанию. Невольно поверишь, что это было своего рода предупреждение спящим, чтобы заранее известить их о его прибытии...

Пресс-конференция, как и вся суматоха этих дней: столпотворение у него дома, письма, телеграммы, звонки по телефону, все это осталось позади невнятным гулом, когда он вместе со священником в конце августа вновь поднялся на самолет, вылетавший в Албанию.

Вид из иллюминатора был все тот же, столь же враждебный, как и в прошлый раз, и на пустынной посадочной полосе их ждали все те же люди, и произносили они те же самые слова, с той же холодной улыбкой, и с теми же грамматическими ошибками, что и год назад.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Взгляд генерала задержался на мгновение на фразе: «Обычное наше времяпрепровождение – стоять у перил моста и курить». Он хотел было ее вычеркнуть из письма, но рука его застыла в воздухе. Он криво усмехнулся, словно признавая свое поражение, и, оставив эту фразу в неприкосновенности, дописал письмо жене до конца.

С тех пор, как он обратил внимание, что не только во время разговора с кем-нибудь, но уже практически постоянно, у него невольно вырываются переполняющие его сознание обрывки чужих фраз, разговоров посетителей в гостиной у него дома, отрывки писем или дневников погибших солдат, он пытался бороться с этим наваждением. Но оно, словно поток, прорвавший плотину, было таким сильным, что слова, фразы, а иногда целые рассказы тех, кто давно уже истлел в могиле, чем дальше, тем сильнее овладевали его сознанием. Они вытесняли все остальное, и он чувствовал, что с каждым днем все больше уступает.

Порой он успокаивал себя тем, что ничего другого и ожидать не приходилось. Более того, опасение, что, используя фразы, принадлежащие покойникам, он и сам как бы становится частью потустороннего мира, было уже совершенно бессмысленным. Он и так уже принадлежал им, медленно, день за днем и сезон за сезоном погружаясь в эту вселенную, из которой, что бы он ни делал, ничего не могло больше выйти.

Теперь он постепенно привыкал к ней, более того, бывали дни, когда вместо прежнего тягостного беспокойства он ощущал своего рода умиротворение. И одновременно с этим холодную радость от того, что этот мир принял его.

Обычное наше времяпрепровождение – стоять, облокотившись на перила моста, и курить, или сидеть в небольшом деревянном сарае, хозяин которого написал у входа кривыми буквами «Кофе – Оранжед». Нас, охранявших мост, было шестеро. Это была военная дорога, построенная австрийцами еще во время Первой мировой войны, и с тех пор совершенно заброшенная. Мы прибыли сюда сразу же после завершения восстановительных работ. Солдаты, чинившие мост, построили для нас дот и небольшую казарму. Так что к нашему прибытию все здесь было готово. Тяжелый пуле мы установили в доте, а легкий на всякий случай держали в казарме.

Местность была пустынная и унылая. Каменистое, усыпанное мелкой галькой плато и только кое-где редкие деревца. Деревня совсем маленькая, домов десять. Это были странные каменные дома, у которых вместо окон узкие бойницы, точь-в-точь как у нашего дота.

Сначала мы просто умирали от скуки. Военные машины проезжали редко, а крестьяне относились к нам враждебно. Весь день мы болтались у перил моста и бросали камешки в поток. По ночам несли караул.

Но однажды по горной дороге пришел человек и привел трех ослов, нагруженных досками, ящиками и рубероидом. Это был спекулянт из города. За два дня он воздвиг сарай прямо у моста и у входа написал черной краской: «Кофе – Оранжед».

С того самого дня мы стали его завсегдатаями. Хотя он и написал «кофе» и «оранжед», на самом деле он продавал ракию и красное вино. Солдаты, проезжавшие мимо, останавливались у сарая и пропускали по стаканчику. Сарай как-то оживил это мрачное место. Случалось, и крестьяне захаживали туда и выпивали. Но им не нравилась тамошняя ракия, и тем более вино. У них были другие заботы. Они приходили менять куриные яйца на патроны. Нам это было строго-настрого запрещено, но мы все это делали. Ночью, в карауле, выпускали почем зря очередь, а на следующий день заявляли, что истратили патронов вдвое больше, чем на самом деле. Сэкономленные патроны мы меняли на яйца.

Но эта ночная пальба к добру не привела. Мы вроде как сами накликали на себя беду. Через некоторое время нас действительно стали обстреливать партизаны. Если бы не дот, они бы нас всех в момент перебили.

Первого убили на мосту, во время ночного караула. Партизаны, похоже, пытались взорвать мост, но не смогли, потому что он поднял тревогу. Утром мы его обнаружили мертвым, у перил. Он лежал в странной позе, с открытым ртом. Вы видели фильм «Смерть велосипедиста»? Когда я смотрел этот фильм, я чуть не заорал в зале. Он лежал точно так же.

Через две недели убили второго. Практически при тех же обстоятельствах. Мы подозревали, что стреляли крестьяне, но не были в этом уверены. Патронов мы им больше не давали. Да что толку! Было уже поздно.

Когда убили третьего, часовым приказали не выходить больше на мост. С солдатами, сменившими убитых, прислали прожектор и установили его на доте. Теперь по ночам мост периодически освещался. В свете прожектора он казался просто жутким // предвещающим беду// , сотни черных железяк перекрещивались, напоминая черную гигантскую сороконожку. Бывало, в полночь я как завороченный смотрел на мост, залитый холодным ослепительно белым светом, и говорил себе: на этом мосту все мы сложим головы, все до единого.

Партизаны никак не хотели оставить мост в покое.

Четвертого солдата убили той же ночью, когда ранили и меня. Я совершенно ничего не помню, кроме того, что когда я пришел в себя, то увидел, что меня водрузили на осла, а осел медленно идет по мосту. Доски скрипели под его копытами. Было утро. Серое зимнее утро. Словно оцепенев, я смотрел на бесчислен-

ные металлические скобы моста, проплывавшие перед моими глазами, и чувствовал, что мое сердце сжала невидимая рука, ледяная словно железом.

Когда осел миновал мост, я с усилием повернул голову и в последний раз взглянул на мост, дот, мрачные дома крестьян вверху, на плато, могилы товарищей возле опор моста (новую могилу еще не начали копать) и деревянный сарай рядом с ними, с издевательской надписью «Кофе – Оранжед»

Генерал курил, сидя на обломке бетонного блока. Рабочие копали на скользком склоне, у опор моста. Повсюду были разбросаны куски бетона с торчащей из них ржавой перекрученной арматурой. Новый мост был выстроен в нескольких десятках метров ниже по течению, там, где проходила новая дорога. Старая горная дорога уже заросла кустарником.

Взрыв наверняка был просто ужасным, подумал он. Мост был разорван посередине, и тяжелые куски бетона долетели до самого дота, и даже перелетели за него, усыпав берег ручья. Возле моста стоял старый деревянный сарай, над входом которого еще можно было разобрать следы надписи «Кофе – Оранжед».

Неделю назад, когда они приехали сюда, сарай, так же как мост, дот и часть автострады, был разрушен. Рубероид, покрывавший крышу, был разорван в нескольких местах, а многие доски были оторваны или сгнили. Но два дня спустя из соседнего городка прибыл продавец автолавки. Он привез с собой сигареты, коньяк и кофеварку. Это была выгодная затея, потому что кроме пяти постоянных рабочих они наняли еще семь временных, и все они, включая водителей, эксперта и священника с генералом, должны были провести здесь две долгие утомительные недели. Продавец обосновался в старом сарае, прибавив предварительно пару-тройку досок и придавив камнями куски рубероида, чтобы они не болтались на ветру.

Сарай внес оживление в их жизнь. По утрам рабочие, прежде чем приступить к работе, пили кофе или пропускали по рюмке фёрнета. Днем вокруг вертелись местные крестьяне, часами напролет глазевшие на раскопки.

И сейчас генерал наблюдал за тем, как двое из них что-то объясняли старому рабочему, показывая руками на какое-то место возле опоры моста.

Кто из них стрелял в часовых? – задавал себе вопрос генерал всякий раз, когда кто-то из местных входил или выходил из сарая. Они провели здесь уже неделю, и генерал узнавал в лицо большинство из них.

Священник с экспертом поднимались по склону. Вершины гор были укутаны туманом.

- Ужасная погода, - сказал генерал.

Священник кивнул, соглашаясь.

- У албанцев есть пословица, - сказал он, - «в плохую погоду иди к хорошему другу».

- В таком случае, нам ждать нечего, - сказал генерал, - ибо и мы не стучим, и они не откроют нам.

- Что ж поделаешь, - сказал священник.

- Застряли мы у этого чертова моста, и никак нам с места не сдвинуться. Мне осточертел этот пейзаж, и эти крестьяне, которые так и вертятся вокруг, наблюдая, как мы эксгумируем покойников.

- Вертятся, - сказал священник. – Похоже, все это доставляет им удовольствие.

- Они были знакомы с часовыми, охранявшими мост, жили с ними бок о бок довольно долго, меняли яйца на патроны, кто-то из них наверняка стрелял в часовых. Теперь, ясное дело, они испытывают удовольствие, глядя на раскопки.

- Они ходят вокруг с таким видом, словно хотят похвастаться перед нами тем, что убили часовых, - сказал священник. – Вы видели этого старика с торчащими усами, который приходит каждое утро, у него еще такой огромный револьвер на поясе?

Генерал нахмурился.

- Это тот, у которого на груди висит пара медалей, ходит он еще так, высоко задрав голову? Конечно, видел. Эксперт мне сказал, что он потерял сына на войне.

- Вот как?

- Он очень старый. Говорят, как только он услышал о нашем приезде, он надел медали, прицепил револьвер и вышел из дому. Теперь он это делает каждый день.

- Даже на рабочих-албанцев он смотрит с презрением, - сказал священник. – Позавчера эксперт спросил его о чем-то, так он даже не ответил.

- Фанатичный старик. Похоже, он даже их считает нашими союзниками. – Знаете что, - сказал генерал, понизив голос, - нужно быть готовыми ко всему. Я опасюсь подобных психопатов. Вот взбредет ему что-нибудь в голову, он вытащит свой револьвер и начнет палить среди бела дня?

- Все что угодно может случиться, - сказал священник. – От такого сумасшедшего чего угодно можно ждать.

Вдали, в горном ущелье, громыхнули раскаты грома.

Генерал закурил.

- Мне, в общем-то, понятен интерес этих крестьян к раскопкам, - сказал он, - солдат, охранявший в свое время этот мост, кое-что рассказал мне перед отъездом. Сейчас вот я сидел и мне, наверное, уже в десятый раз вспомнились его слова.

- Мы напомнили им всем о войне, - сказал священник.

- Естественно. Судьба этого маленького села во время войны оказалась связана с мостом. Он принес им беду. После того, как его взорвали, каратели устроили здесь резню. Если бы не мост, жизнь в этом оторванном от мира маленьком селе пошла бы совсем по-другому. Но мост восстановили, и случилось то, что случилось. И вдруг, совершенно неожиданно, появляемся мы и ищем останки часовых, охранявших мост. Это всколыхнуло их воспоминания, вот они и зашевелились. Крутятся вокруг, покупают сигареты в сарае, да и сам сарай больше, чем что бы то ни было, воссоздает атмосферу тех лет.

Священник внимательно его слушал.

- Время, повернувшееся вспять... Хм, это всегда нож с обоюдоострым лезвием, - произнес он наконец.

Генералу показалось, что он не хочет больше говорить на эту тему.

После обеда генерал снова взялся за списки. Теперь в них было множество самых разных пометок на полях. Неопознанный. Высота 1184. Смотри протокол вскрытия могилы. Неопознанный. Отсутствует голова. Смотри протокол вскрытия могилы. Неопознанный. Правая рука короче. Высота 1099. Номер 19, 301. Дважды отмечен как убитый. Зубы не соответствуют. Неопознанный.

К вечеру заморосил мелкий дождь. Рабочие сидели в холодном прокуренном сарае и смотрели на дождь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Вечером старый рабочий заболел. Он неважно почувствовал себя еще днем, но не придал этому значения. Когда стало смеркаться, он был уже совершенно бледным и сказал, что ему нужно прилечь. Все решили, что он простудился. Его отвели в дом одного из крестьян и уложили возле самого очага, в котором развели сильный огонь. Но к ночи ему стало еще хуже.

Еще не рассвело, когда эксперт разбудил генерала и попросил машину.

- Главному рабочему плохо. Нужно немедленно отвезти его в ближайшую больницу.

Священник тоже проснулся.

- А что с ним такое? – спросил он. – Похоже, он еще вчера после обеда неважно себя чувствовал.

- Не знаю, - ответил эксперт. – Боюсь, что это заражение. На левой руке у него небольшая царапина.

- Заражение? – генерал поднял голову.

Эксперт вышел.

- Что бы это могло быть? – спросил генерал.

- Я тоже боюсь, что у него действительно заражение, - сказал священник. – Вчера вечером лицо у него было совершенно землистым.

- Этого нам только не хватало!

- Может быть, оцарапался ржавой пуговицей или острым обломком кости.

- Но он очень опытный рабочий. Это он учил других, как следует вести раскопки.

- Он мог и не заметить, - сказал священник. – Возможно, руки у него были в грязи, вот он и не заметил царапину.

- Нужно было отправить его еще вчера вечером.

- Один отрезок дороги в ужасном состоянии. И днем с трудом можно проехать.

- И тем не менее.

- Они и сегодня успеют. Надеюсь, там нет ничего опасного. Сейчас есть сильные средства против инфекции.

Генерал завернулся обратно в одеяло.

- Как там погода?

- Все затянуто тучами.

Когда они вышли, несколько рабочих уже принялись за работу. Остальные пили кофе, стоя возле сарая.

- Без эксперта работа застопорится, - сказал священник. – Рабочие не знают, где копать.

- Думаете, и другие скелеты могут оказаться инфицированными?
- Вполне вероятно.
- Может, засыпать вскрытые могилы известью? – спросил генерал.
- Нужно спросить эксперта. Он в этом разбирается.

Они пошли в сарай и попросили кофе.

- Двадцать лет микроб дремлет в земле, и вдруг оживает. Ужасно, - сказал генерал.

- Именно так, - сказал священник. – Как только он вступает в контакт с воздухом и солнцем, сразу оживает.

- Словно дикий зверь, проснувшийся после зимней спячки.

Священник маленькими глотками пил кофе.

- Похоже, после обеда пойдет дождь.

- Мерзкий день.

День действительно выдался мерзкий. До обеда они бесцельно болтались, не зная, что делать. Днем снова пошел дождь.

- Если что-нибудь случится, мы должны будем платить его семье, - сказал генерал.

- Пожизненную пенсию?

- Да. Так записано в контракте. Кажется, пункт четыре, параграф одиннадцать.

Священник зашел в палатку и вернулся с кипой бумаг в руках.

- Так и есть, вы правы, - сказал он, - пункт четыре, параграф одиннадцать. Пожизненная компенсация, если произойдет несчастный случай.

- Может быть, он выкарабкается.

- Дай Бог.

Эксперт вернулся утром на следующий день. Водитель грузовика первым заметил машину, с трудом ползущую по горной дороге.

- Едут, - крикнул он, - они вернулись.

Генерал, священник и рабочие тут же вышли из сарая, где прятались от дождя.

Объезжая валявшиеся посреди дороги камни, по склону медленно полз вверх защитного цвета автомобиль.

- Поправится, - сказал кто-то.

Когда машина подъехала ближе, они увидели, что она вся заляпана грязью.

Эксперт вышел первым. Он был бледен, с остановившимся взглядом. Он высунул из машины одну ногу, затем вторую, и обвел всех отсутствующим взглядом, словно мысли его были где-то далеко.

- Ну? Что случилось? – прервал кто-то молчание. – Где Дžoлека?

Эксперт повернулся в его сторону, словно вопрос удивил его.

- Дžoлека? Умер, - медленно проговорил он.

- Умер? Что ты такое говоришь?..

Водитель, вышедший из машины вслед за ним, сделал несколько неуверенных шагов, словно пьяный. Глаза у него покраснели, а руки были в грязи.

- Что? Не верите? – хрипло прокричал он. – Сходите в больничный морг, чтобы убедиться...

Потребовалось какое-то время, чтобы все уgomонились и перестали перебивать друг друга.

- Когда? – спросил кто-то.

- В полночь.

- У него было страшное заражение, - сказал эксперт, словно разговаривая сам с собой.

Все молча шли к сараю.

- Сделай-ка им кофе, не видишь, что ли, в каком они состоянии? - крикнул кто-то продавцу.

- Может, еще и по коньяку? Вам не помешает.

- Давай и коньяк.

- Расскажи нам, как все это случилось.

Шофер выпил рюмку до дна.

- Налей-ка нам еще по одной, - сказал он продавцу. – Ужасная ночь. Пока мы туда ехали, он всю дорогу молчал. Его то бросало в жар, то бил озноб. Потом у него стала кружиться голова. Ложись, сказали мы ему, и он лег, но все равно не мог никак найти себе места. Я гнал вoвсю. Одному Богу известно, как мы не перевернулись где-нибудь. Скажи, Джолека, как ты себя чувствуешь, спрашивали мы его несколько раз, но он даже рта не мог раскрыть, только смотрел на нас, словно говоря: плохо, братцы, плохо. Наконец мы добрались до города. Немедленно устроили его в больницу. Приходили туда каждые полчаса и спрашивали, как он. Врачи были очень обеспокоены. Раньше нужно было его привезти, сказал один из них. Мы поняли, что дело плохо. Мы хотели навестить его, но нас не пустили. Наступила ночь. Мы бродили из одного кафе в другое. В гостиницу нам идти не хотелось. Часов около одиннадцати мы снова пошли в больницу, узнать, как он там. И очень удивились, когда нам велели зайти. Как он? - спросили мы санитаря. Плохо, сказал тот. До утра не доживет. Тогда мы поняли, почему нас пустили. Он умирал. Лицо у него совсем потемнело. Время от времени у него начинались судороги. Увидев нас, он кивнул. Потом он посмотрел на царапину на руке, словно хотел сказать: «Это все из-за тебя, пакость этакая». Около полуночи у него началась агония. Он очень страдал, бедняга, пока не отдал душу! Вот так вот все и произошло. Налей-ка еще, Бога ради! Черт бы побрал эту работу. Эх!

В сарае стало тихо. Было слышно, как стучит по крыше полуоторванный кусок рубероида.

- Просто не верится, - сказал кто-то. – Был живой человек, и вот его нет.

- Ушел от нас Джолека. И как это могло случиться?

- Хороший был человек, - сказал кто-то, - добрый, простой.

- Кто его жене скажет?

- Ох, и не говори.

- Ей, бедняге, не по душе была эта работа. Будто предчувствовала беду. Когда закончатся все эти могилы? – спрашивала она его все время в письмах. А он ей отвечал: еще немного, и закончатся.

- Бедная, - сказал водитель. – Я как-то привез ей письмо, и она мне поплакалась, очень она беспокоилась, сердце у нее чувствовало беду. Она столько лет ждала его во время войны, и теперь ей казалось, словно он снова ушел в горы воевать.

- Он любил иногда говорить полушутя: я, мол, разобрался с фашистами, когда они были живыми, а теперь вот снова занимаюсь ими.

- Эх, он столько лет воевал с ними, победил их, а в конце концов все-таки погиб из-за них. Чертова работа!

- Они ему отомстили, ей Богу.

- Отомстили ему через двадцать лет. Он их убил пулей, а они его пуговицей, подло, из-за спины.

- Враг – он всегда враг, даже мертвый.

- Это точно.

- А эти два черных ворона молчат, - хрипло сказал водитель, с ненавистью глядя в сторону священника и генерала, стоявших в своих длинных плащах у развалин моста. – Ну что, довольны теперь, а?

- Тихо! – сказал кто-то. – Не сходи с ума, Лило!

В сарае снова наступила глубокая тишина, слышно было только, как ветер треплет туда-сюда кусок рубероида.

- Убили они его, - проговорил кто-то печально. – Отняли у нас Джолеку.

Ночь была на редкость темной и непроглядной. Генералу пришлось дважды принять снотворное прежде чем ему удалось сомкнуть глаза. Сон у него был беспокойный, генерал часто просыпался.

Только что случившаяся смерть вывела его из равновесия. Периодически, между приступами забывтья, ему казалось, что он в полной мере осознает все неисчислимы последствия этого несчастья.

Это была свежая смерть, поэтому она представлялась ему совершенно неприемлемой и предвещавшей невообразимые беды. Она была абсолютно чужеродной в этом холодном царстве песка, похоронившего смерти вот уже более чем двадцатилетней давности.

Генерал ощущал беспричинный страх. Пока он вертелся на своей походной раскладушке, ему два-три раза послышалось, что священник тихо молится

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА

Ничего. Еще до того, как эксперт произнес это слово, священник уже понял это сам.

- Ничего, - сказал тот устало, осторожно ступая по большим комьям глины.

- Странно, - сказал священник.

- Копаем теперь в двух местах, немного в стороне. Где-нибудь здесь должны найти.

К ним подошел генерал. Сапоги у него были вымазаны красной липкой глиной. Он задал тот же вопрос, что и все остальные.

- Ничего, - ответил эксперт.

- Мы будем вынуждены прекратить его поиски, - сказал генерал. – В каком он был звании?

- лейтенант.

- Кто узнает, куда он мог уползти, раненый.

Редкие капли дождя падали на кучи рыжей земли вокруг выкопанных ям. Рабочие копали до полудня, пока один из них не закричал издали.

- Нашли!

Эксперт быстрым шагом, почти бегом, поспешил к только что выкопанной яме. Священник пошел следом за ним.

Они довольно долго сустились у ямы, и наконец, священник вернулся с расстроенным выражением лица.

- Зря старались, - проговорил он устало. – Это не наш.

- Что? – переспросил генерал.

- Эксперт говорит, что это скорее всего английский летчик.

К ним подошел эксперт.

- Зря старались, - сказал он.

- Что будем делать? – спросил один из рабочих.

- Поехали, - сказал генерал. – Нам тут больше нечего делать.

- А куда девать англичанина? – спросил эксперт.

- Закопайте снова, - сказал священник. – Ничего не поделаешь.

- Да, делать нечего, - повторил генерал. – Закапывайте.

Эксперт взглянул еще раз на яму.

- Закапывайте обратно, - сказал он рабочим.

Двое рабочих сбросили останки в яму и начали засыпать ее землей, в то время как все остальные уже уходили прочь. Когда генерал оглянулся в первый раз, они еще работали, и издали было видно, как поднимались и опускались лопаты. Чуть погодя, когда генерал снова оглянулся, они, похоже, уже закончили и спустились по склону с лопатами в руках, от только что вскрытой могилы не осталось и следа.

- День потерян впустую, - сказал генерал. – Совершенно впустую.

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА

Косточка за косточкой, позвонок за позвонком собирался скелет гигантского пресмыкающегося. Кое-где еще оставались пустые места. Еще многие оставались неопознанными. Когда из братской могилы извлекали останки последнего трубача, генералу показалось, что он слышит одинокий звук его трубы.

Братские могилы были для генерала настоящим кошмаром. К счастью, их было всего три, с двумя из которых в конце концов разобрались. Осталась третья, самая сложная, на краю пустынного плоскогорья.

Месяц назад они потеряли в этой зоне несколько дней, введенные в заблуждение показаниями одного крестьянина, настаивавшего, что он видел собственными глазами большое количество останков в пещерах возле разрушенной крепости. Хотя все оружие было растащено давным-давно, с первого взгляда было видно, что это солдаты совершенно другой эпохи. Эксперту не понадобилось много времени, чтобы убедить генерала отказаться от обследования. Ни на одном скелете не было ни одного медальона с изображением Святой Марии, сказал он, протянув ему кусочек железа в виде звездочки со множеством лучей.

Ничего другого, кроме этого значка, найти не удалось, и, насколько было известно эксперту, это был знак «мунаджима», то есть астролога, в турецкой армии.

Генерал подержал в руке железную звездочку, удивляясь, что нужно было астрологу в глубоких пещерах, там, где для общения со звездами было наименее подходящее место из всех возможных.

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА

Третья, и последняя, братская могила находилась в месте, называемом «Поляна глухого». Ситуация с ней была самая запутанная по сравнению со всеми остальными, и из-за этого сон у генерала испортился еще три месяца назад, когда они были очень далеко отсюда. Из-за этого же он практически не спал последние две недели, когда они стали приближаться к этому месту. Естественно, про последнюю неделю, когда он по крохам собирал данные об этом захоронении, и говорить нечего. Голова у него болела непрерывно. Клубок, который, казалось, вот-вот распутается, вдруг запутывался еще сильнее, словно в кошмарном сне. Все данные об этом захоронении были абсолютно противоречивыми. Сведения военного министерства у него на родине, показания военных, письма, в которых были упоминания о нем, какой-то телефонный разговор двадцатилетней давности, репортаж в местной печати о затоплении этой зоны, рассказы деревенских стариков, показания греческого солдата, отбывшего срок в албанской тюрьме, о том, что он слышал от сидевшего вместе с ним сокамерника-албанца, рассказы цыган, показания одного полицейского, рассказ шизофреника; все это нагромождалось одно на другое как будто специально для того, чтобы создать как можно больше противоречий и окончательно все запутать.

Порой он успокаивал себя тем, что в конце концов эта яма просто мелочь в масштабе всей гигантской бескрайней работы. Но на следующий день вновь осознавал, что пока он не разберется с этой ямой, все, что он делает не может считаться законченным. Ему казалось, что в ней, словно в одном узле, переплеталось все: его собственное беспокойство, возможность вернуть душевное равновесие, сон, полковник Z., и неразрывно связанные с ним проблемы.

Кое-кто из местных жителей уверял, что это захоронение относится к первой военной зиме, другие утверждали, что к более позднему времени. Некоторые обвиняли во всем бродячих цыган, искавших медальоны, которые они считали серебряными, и свалившими в спешке трупы в одну кучу. По поводу наводнения мнения также расходились. Оно и в самом деле создало определенные проблемы, но они были типичными для всех захоронений в этой краине. Кое-где еще до сих пор продолжались судебные разбирательства. Что касается цыган, то всем было прекрасно известно, что если где-то происходят безобразия, в них всегда обвиняют цыган. Слава Богу, хоть на евреев в этой стране ничего не сваливали. Уж поверьте мне, никто не говорит правды, потому что все ее боятся. Эта огромная могила всегда тут была. Просто когда-то в ней было больше свободных мест, чем занятых. И

она всегда тут будет, словно придорожная гостиница. Лично я, не стану скрывать, чувствую, что она готова принять нас всех. Да что вы его слушаете, господа, не видите, что ли, он сумасшедший? Спросите лучше старика Хила, он живая память этой деревни. Спасибо, сынок, я уже совсем дряхлый, и не хочу тебе врать... Я больше с землей разговариваю, чем с людьми... Земля никогда не обманет... на ней каждый год вырастает трава... и всех нас принимает... как нам и обещала... Эта могила на «Поляне глухого»... Правды там нет... Там нет ничего, кроме пустоты и мрака... Или, вернее, там есть нечто, о чем вы живые, и понятия не имеете... Лучше меня и не спрашивайте... Если бы я и хотел вам рассказать, все равно язык бы не повернулся ... Лучше не надо...

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА

Жили-были однажды генерал и священник, и отправились они за удачей. Нет, не за удачей они отправились. Они отправились собирать кости солдат, убитых во время большой войны. Шли они, шли по высоким горам и бескрайним равнинам и все искали и собирали эти кости. Место было суровое, нехорошее. Не переставая дули ветры и лили дожди. Но они не свернули со своего пути, и шли все дальше. Собрали они, сколько собрали, и вернулись пересчитать собранных. Вышло, что многих еще не хватает. Тогда обули они опинги и надели гуны, и снова отправились в путь. Шли они, шли, преодолели множество гор и множество плоскогорий. Погода была суровая, плохая. Устали они, из сил выбились, просто всю душу им вымотала эта работа. Ни ветер, ни снег не говорили им, где лежат солдаты, которых они искали. Собрали они, сколько собрали, и снова вернулись, чтобы пересчитать собранных. Пересчитали, и вышло, что многих они еще не нашли. Тогда, усталые и измученные, опять отправились они в дорогу, в долгую дорогу. Шли они, шли, и не было этой дороге конца. Была зима, шел снег.

А медведь?

И тогда вышел им навстречу медведь.

Обычно сказка, которую генерал повторял про себя каждый вечер, и которую собирался рассказать после возвращения домой одной из своих внучек, заканчивалась ее вопросом «а медведь?». Маленькая внучка, как и большинство малышей, всегда задавала такие вопросы, когда слушала сказки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Наконец, на десятый день, они стали спускаться вниз. Автострада спускалась все ниже и ниже, оставив позади плоскогорья и облака.

Это был их последний маршрут, самый сложный. Самые дальние краины казались еще более оторванными от мира, причиной этого была зима. То тут, то там показывались замерзшие деревеньки, и казалось, что им не терпится как можно скорее снова скрыться в тумане.

Горы, с их трагичными расщелинами, которые снег, вместо того, чтобы замаскировать, делал еще более угрожающими, казалось, удалялись, оставаясь позади, и вдруг оказывались сбоку, совсем рядом. И все же, чем дальше, тем больше их мрачная тень смягчалась. Обрывистые скалы и утесы, высившиеся кое-где, казались все более редкими, оторвавшимися от настоящих гор. У их подножий бригады молодых парней и девушек поднимали целину. Снег то переставал, то начинал идти снова, ледяной, безразличный ко всему снег, который, тем не менее, казался, излучал какое-то слабое сияние.

Когда горные стрелки, которых они искали, нашли свою смерть, шел точно такой же снег. Совсем не такой, каким он был сначала: благородным и едва ли угрожающим; снег стал для них таким же отвратительным, как и грязь. И точно так же, как он сделал непереносимыми последние часы жизни солдат, погибших двадцать лет назад, так же, если не хуже, он мешал тем, кто занимался поисками их останков. Он старательно укрыл все, что можно, и явно не хотел, чтобы кто-то нашел то, что было спрятано под ним.

Это молчаливое препятствие, к которому генерал уже успел привыкнуть, чем дальше, тем больше казалось ему чем-то естественным. Похоже, что неестественным было как раз его упорное стремление извлечь тела, к которым они, снег и грязь, возможно, успели уже привыкнуть.

Позволь нам уйти отсюда, о Господи, чтобы не произошло ничего неожиданного, постоянно молился он про себя. Он прибыл сюда издали, чтобы нарушить великий сон целой армии. Вооруженный картами, списками, железными инструментами, он ударил по почве над ними, не будучи уверенным в том, хотят они или нет, чтобы их тревожили.

Автострада извивалась змеей, обвивала каждую возвышенность, спускаясь все ниже, а ему казалось, что она вертится на месте. Ему постоянно казалось, что они проезжают через то же место, где они уже ехали днем раньше, и у него все

больше крепла уверенность в том, что эта горная дорога так все и будет немилосердно крутиться змеей, никуда в результате не приводя. Он уже перестал верить цифрам на километровых столбах, некоторые из которых были сломаны, а другие, после того, как упали, были небрежно водружены на место, и стояли криво, а порой и вниз головой. Страх, что вот именно сейчас, когда работа подходила к концу, ему так и не удастся выбраться из этих гор, охватывал его все чаще, особенно в сумерки.

Две последние ночи они провели в деревнях, где было полным-полно непрерывно воющих собак. Затем наступил рассвет того дня, когда они должны были извлечь последнего солдата. Генерала не оставляло какое-то мрачное предчувствие. Ему казалось, что хотя бы этого солдата следует оставить земле. Он был почти уверен, что она требует такой жертвы после того, как они беспокоили ее, ковыряясь в ней два года подряд.

Это настолько глубоко засело ему в голову, что если бы он не опасался священника и албанца-эксперта, то нашел бы какой-нибудь предлог, чтобы уехать часом раньше, так и не вскрыв могилу этого альпийского стрелка.

С потерянными выражением он смотрел на рабочих, долбивших промерзшую землю. Они все время дышали на руки, пытаясь их согреть, и он думал, что вот так вот, этими самыми руками и при помощи этих самых инструментов они извлекли из земли всю армию.

Последний удар железа по земле прозвучал в его ушах словно выстрел. Немного погодя эксперт прокричал издали: «Метр шестьдесят три. Точно как в списке!».

Мысль о том, что ему следовало бы быть с землей более щедрым, смешивалась с сожалением, что земле, очевидно, и не нужна была такая милостыня, потому что никогда и ни при каких обстоятельствах она не могла оказаться побежденной. Еще покоились у нее на груди десятки ненайденных солдат, и что бы ни произошло, кто бы еще ни пришел их искать, она оставит себе все, что сочтет своим...

Так он пытался успокоить себя, но стоило показаться у дороги дощечке с надписью «Осторожно! Снежные лавины!», и страх тут же вернулся. Ни музыка, лившаяся из автомобильного приемника, ни тем более новости не могли заставить его мозг отбросить прочь бредовые фантазии. Среди них самой безумной была мысль о том, что его могут заставить капитулировать и вернуть обратно армию, собранную им с таким невероятным трудом. И тогда они вдвоем со священником, мрачные бродяги, вновь отправились бы в путь – с холма на холм, из ущелья в ущелье, чтобы вернуть обратно все до одного скелеты туда, откуда они их извлекли.

Он тряхнул головой, чтобы освободиться от этого полубредового состояния. Теперь вся эта история закончилась, пробормотал он практически вслух.

Это и в самом деле был последний день, и они спускались вниз. Сухой, без малейших признаков таяния, горный снег понемногу сменялся мягким снегом предгорий, а чуть ниже, в долинах, словно старый знакомый, их встречал дождь.

Скоро он вернется на родину. Останками до завершения всех процедур будут заниматься другие. Его работа заканчивалась после завершения этого маршрута. Потом чиновники и бухгалтеры обеих стран будут заседать целыми днями, составляя бумаги и производя вычисления, пока не будет составлен заключительный протокол. Тем временем будет организован официальный банкет для представителей обеих сторон, где будут произнесены короткие официальные речи, и после банкета состоится большая панихида за упокой душ погибших солдат. Агентства новостей сообщат об окончании их миссии, и он снова будет выступать на пресс-конференции перед сотнями нахальных журналистов.

Тем временем никому не известные столяры изготовят тысячи небольших гробов, в соответствии с размерами, оговоренными в соглашении. Пункт 17, приложения В. и D. Гробы деревянные, двойная отделка, 70 x 40 x 30 сантиметров. Окрашенные белой масляной краской. Цифры наносятся черной краской.

А в сарае, там, на убогом пустыре, на окраине Тираны, мрачный Харон в своем длинном заплатанном пальто откроет в последний раз толстую тетрадь, подышав на замерзшие пальцы. Мифологический пес будет угрожающе сидеть у входа, в то время как его подчиненные аккуратно положат в каждый гроб по нейлоновому мешку. Перемешаются роты, батальоны, полки в бесконечном нагромождении гробов. Потеряется среди отрядов солдат единственная женщина, лишившаяся уже всех женских признаков, потому что, в конце концов, только анатом мог бы определить по черепу, был покойник мужчиной или женщиной.

Вереница грузовиков, нагруженных гробами, сопровождаемая, скорее всего, парой мотоциклов дорожной полиции, направится в порт Дурреса. Там все перегрузят на теплоход, и теплоход медленно отчалит, чтобы доставить на родину всю эту огромную армию, превратившуюся сейчас в несколько тонн фосфора и кальция.

Затем там, на другом берегу, их вновь выгрузят, чтобы отправить каждый гробик по своему адресу. Вероятно, многие семьи будут ждать прибытия останков прямо в порту, там, откуда армия когда-то отправилась в путь, провожаемая цветами, прощальными жестами и слезами на глазах. Контейнеры, зацепленные крюками подъемных кранов, будут сгружать большими партиями: по двести, по четыреста, а может быть, и целыми батальонами, прямо на землю. А уже оттуда армия исчезнет без следа. Мешки «Олимпии» будут погружены в почтовые вагоны, в грузовики, автобусы, на велосипеды, мотоциклы, в автомобили, лимузины, или просто на спины людей, чтобы разъехаться в разные стороны и никогда уже больше не собираться вместе.

Те, которых так и не нашли, останутся в Албании. Может быть, позднее придет какая-нибудь другая экспедиция, и снова будут их искать. Пропавших бесследно было около сорока, с полковником Z. во главе. Новая экспедиция снова пройдет по этим бесконечным утомительным маршрутам, пока не соберет их всех по одному. Что, интересно, подумает о нем тот офицер, который будет возглавлять экспедицию? Будет сваливать на него все свои проблемы, как часто поступают с предшественниками, или смиренно склонит перед ним голову? Осторожно,

мысленно обращался генерал к неизвестному ему полковнику или капитану (в конце концов, не станут же они посылать еще одного генерала из-за сорока человек). Осторожно, парень, сорок пропавших без вести могут доставить больше проблем, чем сорокатысячная армия.

Дорога спускалась все ниже и ниже. Кольца ее постепенно расширялись, и генерал подумал, что, в конце концов, все узлы неизбежно развязываются. В душе у него воцарилось относительное спокойствие.

Пока они спускались, генерал время от времени оборачивался. Горы все более удалялись. Очертания их становились все менее угрожающими. Генерал глядел на них, словно хотел им сказать: Все, больше вы не будете на меня давить. Я вырвался из вашей власти, вырвался. Но потом, когда он задремал в машине, его вдруг охватил смутный страх. Ему почудилось, что горы протягивают к нему свою ледяную руку, чтобы вернуть его в свои ущелья, где ветер воет, словно в аду.

Но он никогда не вернется туда.

Никогда.

Последний приступ страха он испытал как раз в тот момент, когда осознал, что они наконец-то спустились в долину. Рев мотора пробудил его от дремоты, и он с ужасом увидел, что вместо долгожданной долины перед ними высится узкое горное ущелье. Машина, вместо того, чтобы спускаться вниз, с натугой ползла вверх, прямо в ущелье. Он хотел уже крикнуть водителю: стой, куда ты нас везешь, ты повернул обратно в горы? но, взглянув на спокойное лицо священника, сидевшего рядом, сдержался. Застыв, он не сводил глаз с отвесных склонов, обрамлявших ущелье, в которое они въезжали, словно в ворота.

Успокойся, уговаривал он сам себя. На дорогах Албании неожиданные спуски и подъемы – обычное дело.

Когда они въехали в ущелье, он убедился, что это и в самом деле так. Сверху видны были рассыпанные по предгорью дома большого села, в сторону которого машина спускалась теперь с большой скоростью.

И все же этого мгновения, между дремотой и пробуждением, оказалось достаточно, чтобы молниеносно, как молниеносно появляются призрачные страхи, нанести ему последний в его скитаниях удар: горы, которые, казалось, уже отпустили его, оставили в покое, затем, в последний момент, на самой границе, где заканчивалась их власть, решили вернуть его обратно. Возможно, он совершил какую-то ошибку, когда находился среди них, нарушил, вероятно, какие-то вековые традиции. И теперь, чтобы исправить эту ошибку, ему нужно было что-то сделать. Возможно, вернуть часть армии. Или всю найденную армию. Или... или... остаться самому в заложниках, чтобы армию отпустили...

Нервы у меня явно не в порядке, пробормотал он про себя, не сводя глаз с деревенских дымоходов. Он чувствовал, что эти дымовые трубы, лучше, чем любое успокоительное, могут принести мир в его душу.

- Деревня, - сказал он священнику, тоже внимательно смотревшему в окно.

- Да. Большое село, - ответил тот. – Кажется, нам придется здесь заночевать.

Они приехали в село, когда наступил вечер. Впервые за последние десять дней генерал улыбнулся. Наконец-то все это закончилось. Эту ночь, как и сказал священник, они проведут здесь, а завтра утром отправятся в Тирану. И через несколько дней на родину. Теплая волна радости, пусть еще пока робкой, подкатила к сердцу.

В селе еще не зажглись огни. Машина проехала по глинистой дороге посреди села, за ней бежала ватага ребятишек.

Генерал смотрел сквозь стекло на мелькавшие впереди маленькие ноги, потом обернулся, поглядел на мальчишек, бежавших сзади, и рассмеялся. Он уже давно заметил, что любопытство у детей всегда вызывает именно он, а не священник. Хотя он прекрасно понимал, что причина повышенного внимания - его военная форма, ему было это приятно. Особенно сегодня.

Ощущение величественности, трепыхавшееся еще где-то, попыталось поднять голову.

Шумный кортеж, проехав через все село, остановился перед зданием кооператива. Водитель и албанец-эксперт взбежали по ступенькам здания. Позади автомобиля остановился грузовик, и рабочие один за другим спрыгнули на землю. Детвора, однако, и на грузовик не обратила никакого внимания. Они заглядывали в окна автомобиля, пытаясь разглядеть тех двоих, что остались сидеть внутри, но видели только темные неподвижные фигуры. Один из них курил. Красный огонек сигареты – единственное, что можно было разглядеть снаружи. Он время от времени тускло освещал щеки под черным козырьком военной фуражки. Лица малышей, крайне изумленные, все сильнее прижимались к стеклам автомобиля.

- Есть подозрение, что именно в этом селе пропал без вести полковник Z. – сказал священник, перелистывая свой блокнот.

- Возможно, - ответил генерал.

- Нужно будет расспросить о нем, - сказал священник. – Следует что-то предпринять.

Генерал несколько раз подряд затянулся сигаретой.

- Сказать по правде, сегодня я не хочу об этом думать, - медленно проговорил он. – Сегодня я вообще не хочу заниматься никакими поисками. Я говорю себе, слава Богу, что вся эта морока, наконец, закончилась, а вы опять ко мне пристааете.

- Это наш долг, - сказал священник.

- Конечно, конечно, но сейчас я даже думать об этом не хочу. Сегодня такой чудесный вечер. Я хочу расслабиться. Ванная с горячей водой. Вот что является главным предметом моих мечтаний сегодня вечером. Пол-армии... полцарства за ванную, - добавил он со смехом.

Настроение у генерала было просто отличное. Их ужасные скитания закончились. Нет, это были не скитания. Это был марш-бросок сквозь тьму и смерть. Как это говорилось в той старинной песне швейцарских солдат? «Вся наша жизнь – лишь путь сквозь мрак и зиму».

Генерал потирал руки.

Ему удалось вырваться. Теперь он может издали равнодушно взирать на безжалостные горы.

«Словно одинокая гордая птица...» Он сейчас не мог припомнить прощальную фразу, сказанную той знатной дамой.

Эксперт вышел из здания правления.

- Вы будете ночевать в том доме, вот там, - и показал рукой на небольшой домик с деревянным крыльцом.

Дом был двухэтажный, с двориком, и из окна видно было село. Генерал слышал звон ведра и разговоры женщин, набравших неподалеку воду из колодца, мычание коров, где-то включили радио, и снова до него донеслись голоса детей, носившихся по площади.

И эта последняя ночь прошла бы так же, как и все остальные и не произошло бы ничего особенного, о чем можно было бы впоследствии вспомнить, если бы генерал просто подышал вечером этим особым воздухом албанских сел, наполненным легким, почти неуловимым ароматом, который он теперь легко отличил бы от всех прочих. Священник пошел расспрашивать о полковнике Z., а генерал разглядывал из окна женщин, набравших воду у колодца. Все было бы как всегда, если бы вдруг издали, откуда-то из центра села, не послышались бы звуки барабана и скрипки, наполнившие деревенскую ночь чем-то таинственным и прекрасным.

Генерал узнал свадебный барабан. Если бы не конец осени, он скорее решил бы, что этот звук возвещает о совершенно противоположном печальном событии. Но был конец осени, а он прочитал в книге об Албании, что албанские крестьяне обычно устраивают свадьбы осенью, сразу после завершения уборочных работ. Сейчас уже на носу была зима, и игрались последние свадьбы, которые по тем или иным причинам задержались.

Генералу часто доводилось слушать по ночам, как вдали рокот барабана пробивается сквозь шум дождя, и пиликает скрипка, то радостно, то невыразимо печально, так, как играют обычно в этих краях. Засунув голову под одеяло, и все же продолжая слышать эту музыку, генерал думал о том, насколько чужим может быть человек в другой стране. Более чужим, чем деревья, растущие вдоль дороги, хотя они деревья, а не люди. И уж, конечно, более чужим, чем овцы, пастушья собака или телята с колокольчиками на шее, звеневшими по вечерам.

Итак, и этот вечер, хотя в этот вечер и играли свадьбу, прошел бы как любой другой вечер, если бы генерал, подумав все это, стал бы слушать рассказы священника о поисках полковника Z., как он пошел в клуб и уселся за стол вместе с крестьянами, что ему передавали местные об исчезновении полковника, и сколь сомнительным это все ему представлялось. Но последний вечер был необычным вечером, и генерала не слишком интересовало то, что говорил священник.

- Ну хватит уже – прервал он священника уже в третий раз. – Хватит уже об этом! Нам нужно немного отдохнуть. И немного развлечься... Разве нет?

Священник не ответил. Он сидел с сердитым видом и, похоже, решил рта больше не раскрывать.

- Сегодня такая чудесная ночь. Немного музыки, немного коньяку...

- А куда тут пойдешь? – заговорил в конце концов священник. – Здесь нет никаких заведений, кроме клуба кооператива. Вам прекрасно известно, что у них за клубы.

Но генерал даже не дослушал его до конца. Он сказал нечто такое, что просто изумило священника. Нечто такое, с чем он ни в коем случае не мог согласиться. Впервые за все это время он возражал ему столь резко. Но генерал в крайне грубой форме дал ему понять, что главный здесь он, и что, в случае необходимости, он может ему просто приказать, как своему подчиненному.

- Мы гордимся своей миссией, не правда ли? Вы сами это столько раз повторяли. Сегодня мы завершили эту... святую... миссию. Два года подряд мы надрылись, бродя по этим горам и ущельям. Мы заслужили немного отдыха. Будто вы и сами не знаете. Я этого хочу. Хочу расслабиться, послушать музыку, сходить в театр. Вы ведь говорили, что их свадьбы похожи на театральные представления, верно? Или вы рассказывали о похоронах? Неважно. Важно то, что я сегодня хочу развлечься. Если бы сегодня были поминки, мы пошли бы поминки. Разве нет? Кроме того, вы мне говорили, что албанцы просто патологически гостеприимны, так что, в любом случае мы абсолютно ничем не рискуем.

Пока он говорил, священник не сводил с него ледяного взгляда. Генерал говорил без умолку, словно опасался тишины, которая может наступить. Но в конце концов тишина все же наступила. Глубокая как могила.

- Нет, - медленно проговорил священник, протянув руку в ту сторону, где, как ему казалось, происходила свадьба. – Нам нельзя туда идти. У нас траур. Нам нельзя об этом забывать.

Не бросай нас. Это был до боли знакомый призыв. Полтора года подряд, то слабее, то сильнее, генерал постоянно слышал этот призыв скелетов. Они хотели, чтобы он оставался рядом с ними. Ради них он на целых два года забыл о нормальной жизни. Стоило ему только попытаться оставить их, хотя бы на несколько часов, как он тут же ощущал их глухое недовольное бормотание. Он был их генералом, но вот именно сегодня он взбунтовался против них.

Последняя мысль его поразила... Генерал поднимает бунт против собственной армии... Всегда происходило как раз наоборот: войска восставали против генерала... Но в этом всеобщем хаосе все происходило шиворот-навыворот.

Священник все еще стоял с вытянутой рукой.

- Я ни о чем не забываю, - проговорил хриплым голосом генерал. – Я просто хочу, чтобы мы немного развеялись.

Не дожидаясь ответа, он надел длинный плащ и вышел.

Священник последовал за ним.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Свадьбу играли в доме в самом центре села. Еще издали они увидели яркие огни, в свете которых дождь, казалось, шел еще сильнее. Несмотря на непогоду, ворота дома были распахнуты, и на широком крыльце стояли люди. Весь переулок рядом с домом был оживлен, полон шорохов и разных звуков. Они молча шли вдвоем, в длинных черных плащах, и в переулке слышны были их шаги – тяжелые и широкие шаги генерала, который шел, не разбирая дороги, прямо по лужам, и легкие быстрые шаги священника.

Они на мгновение остановились у входа, где под навесом курили и тихо переговаривались несколько празднично одетых молодых парней. Затем вошли внутрь, генерал первым, священник за ним. В доме было полно женщин и галдящих детей. Барабан смолк, и откуда-то из глубины дома доносились теперь голоса мужчин. В прихожей произошла небольшая заминка: кто-то поспешил в комнату сообщить об их приходе, и к ним навстречу вышел старик, явно удивленный. Он приветствовал их, приложив руку к сердцу, и помог им снять плащи, которые повесил рядом с крестьянскими гунами. Когда они вошли в большую комнату, сопровождаемые хозяином дома, все оживилось, стали перешептываться, вытягивать головы – словно по рожице, поросшей яркими цветами, пронесся резкий порыв ветра.

Генерал не ожидал, что все это произведет на него такое сильное впечатление. Он настолько растерялся, что поначалу все видел смутно, какое-то мельтешение цветных пятен, словно икры из глаз посыпались после сильной оплеухи.

Кто-то усадил его за стол, что-то сказал ему, и он покивал головой, пробормотав сквозь зубы несколько слов на своем родном языке, адресованных неизвестно кому.

Только когда вновь глухо зарокотал барабан, и резко взвизгнула скрипка, а гости снова принялись танцевать, он стал понемногу приходить в себя. Затем он услышал звон чокающихся бокалов и кто-то рядом сказал на него языке: «Нужно выпить!» Он послушался совета и выпил. Тот же голос принял что-то объяснить, но генерал был еще не в состоянии четко воспринимать окружающее, он и сам не мог понять, отчего он вдруг так растерялся.

Теперь свадьба показалась ему огромным живым существом, которое дышало, двигалось и одурманивало все вокруг своим горячим опьяняющим дыханием.

Прошло немало времени, прежде чем генерал окончательно пришел в себя. Тут только он заметил мальчишек, не сводивших с него восторженных глаз. Они наклонялись друг к другу, показывая пальцами в его сторону, и что-то пересчитывали.

вали, наверное, золотые пуговицы мундира или нашивки, затем переговаривались, покачивая головами и, похоже, не соглашаясь друг с другом.

Затем генерал разглядел и все остальное. Он увидел стариков с огромными усами, сидевших, скрестив ноги, на помосте у стены, они степенно беседовали, посасывая длинные трубки; невесту, одетую в белое, очаровательно раздумывающую от смущения; вспотевшего жениха, суетившегося вокруг; сбившихся в кучки девушек, хихикающих и шепчущихся по углам, словно ничего другого они и не умели, кроме как хихикать и перешептываться; молодых парней, затягивающихся первым в своей жизни горьким сигаретным дымом; потных чернявых музыкантов; непрерывно снующих из комнаты в комнату озабоченных женщин и, наконец, одетых в черное молчаливых старух с изможденными иконописными лицами.

Затем генерал стал следить за ловкими движениями ног, бьющими пятками об пол, шуршанием многочисленных складок белоснежных мужских фустанелл, абсолютно белых, как снег в Альпах, откуда он только что спустился, поднимаемыми в воздух бокалами, сопровождаемыми длинными цветистыми тостами, которые, если их перевести, не имели никакого смысла; стал вслушиваться в суровые мужские песни, напоминавшие о внезапно наступающих в горах сумерках, в протяжные и жалобные женские песни, которые, казалось, опирались на могучие плечи мужских песен и шли рядом с ними, скромно потупив глаза.

Генерал разглядывал происходившее вокруг и ни о чем при этом не думал. Только пир ракию и все время улыбался, сам не зная, кому и чему улыбается.

Я не знаю, из какой ты армии, потому что я никогда не разбиралась в военной одежде, а теперь я уже слишком стара, чтобы научиться этому, но ты иностранец и служишь в одной из тех армий, что приходили нас убивать, это видно издали. По знакам, которые ты носишь, видно, что ты большой специалист в проклятом ремесле завоевателя, и ты один из тех, что превратили меня в получеловека, в больную выжившую из ума старуху, которая приходит на чужую свадьбу и сидит в углу, беззвучно бормоча что-то про себя словно тронутая. Никто не слышит, что я тут бормочу, потому что у всех большая радость, и я, убогая, не хочу портить другим веселье. И потому, что я не хочу портить им веселье, я и сижу здесь в углу и шевелю губами, тихо проклиная тебя, совсем тихо, чтобы никто не услышал. Я хочу знать, как посмел ты придти на эту свадьбу, как тебя только ноги послушались и принесли сюда. Сидишь тут за столом и улыбаешься, будто придурок. Вставай сейчас же, надевай свой плащ и уходи в дождь, туда, откуда пришел. Неужели ты не понимаешь, что ты здесь совершенно лишний, будь ты проклят?!

Женщины продолжали петь. Генерал почувствовал, что в груди у него разливается тепло. Он словно купался в потоке огня и звуков. И эти огни и звуки, омывавшие его теплыми струями, словно смывали с его тела могильный тлен, запах разложения и смерти.

Теперь, когда его смущение прошло, генерал оживился. Ему хотелось поговорить с кем-нибудь, обмениваться красивыми фразами. Он поискал глазами священника. Тот сидел напротив него за столом, сидел напряженно, уставившись в одну точку.

Генерал наклонился к нему, чтобы поговорить.

- Видите, как здесь хорошо?

Священник промолчал.

Генерал напрягся. Он почувствовал, что время от времени в него впиваются, словно бесшумные стрелы, взгляды окружающих. Они вонзались повсюду, чаще всего в знаки различия, и редко, очень редко, прямо ему в глаза. Темные и тяжелые стрелы мужчин, и легкие, быстрые и неуверенные взгляды женщин.

«Словно раненая, но гордая птица, полетишь ты...»

- Ведь хорошо, правда? – вновь заговорил он со священником. Но священник опять ничего ему не ответил. Он быстро взглянул на него, словно говоря: «возможно» и отвел глаза.

- Эти люди нас уважают, - сказал генерал. – Это совершенно очевидно.

- Смерть уважают везде.

- Смерть... Не думаю, что она отпечаталась у нас на лице, - сказал генерал. Он хотел улыбнуться, но у него не получилось. – Война давно уже закончилась, - продолжал он. – Кто старое помянет... Я уверен, что никто на этой свадьбе не видит в нас врагов. Посмотрите, как все веселятся.

Священник промолчал. Генерал решил больше не заговаривать с ним, тем более что от его черных одежд у него замельтешило в глазах.

Похоже, священник чувствует себя здесь совершенно лишним, подумал он. А он сам, лишний он здесь или нет? Это был очень сложный вопрос. Но теперь, что сделано, то сделано. Мы уже тут. Лишние мы тут или нет, уйти будет чрезвычайно трудно. Легче подняться в атаку под пулеметным огнем, чем встать сейчас и уйти с этой свадьбы.

Ты и сам понимаешь, что ты здесь лишний. Ты чувствуешь, что кто-то из гостей на свадьбе проклинает тебя, потому что проклятие матери – самое страшное из всех проклятий. И хотя тебя приняли с почетом, ты понимаешь, что не нужно было приходить сюда. Ты пытаешься это скрыть, но не выходит. У тебя дрожит рука, когда ты поднимаешь рюмку с ракией, и перед твоими глазами проходят жуткие видения.

Снова зарокотал барабан. Зарыдала гэрнета. Ей вторили скрипки. Пришло еще несколько запоздавших гостей, в мокрых насквозь гунах. Из-за разлива реки у них весь вечер пошел насмарку. Они обнялись со всеми по очереди и уселись за стол.

Похоже, свадьба для них – нечто святое, подумал генерал, иначе они не стали бы добираться сюда в проливной дождь. Дождь как из ведра. Из таких, что заливают плохо выкопанные могилы.

Говорят, ты собираешь своих мертвых земляков. Может, ты и многих уже собрал, и соберешь еще больше, может, ты даже всех соберешь, но знай, что одного тебе ни за что не найти, никогда, во веки веков, так же как мне, не увидеть во веки веков мою дочку и моего мужа, осталась я одна-одинешенька. Как бы мне хотелось рассказать тебе о том, которого ты никогда не найдешь, но я не стану, потому что я не такая гадюка, чтобы отравить праздник людям. Ведь она была моей доченькой, а я была ее мамой. Как говорили старики: стала матерью, не заплачешься... Обо мне сказано, слышишь, проклятый. Ну и дождь лил той ночью, прямо как сегодня. Все было залито водой. Яму невозможно было вырыть – она сразу наполнялась водой, совершенно черной водой, затхлою, словно вытекавшей из самой ночи. И все же я вырыла яму. Но я тебе об этом не рассказу, нет.

Генерал закурил сигарету, и удивительно, сигарета показалась ему крохотной и беспомощной по сравнению с огромными трубками, вырезанными из корня можжевельника, длинными и черными, которые держали в своих морщинистых руках старики. Они затягивались после каждой фразы, словно поддерживая с их помощью степенный ритм беседы.

Хозяин дома, тот совсем древний старик, который встретил их в самом начале, подошел и сел рядом с генералом, с такой же трубкой в руках, как и у всех остальных стариков. На груди у него на черном сукне блестела желтая медаль. Генерал часто видел такие медали у крестьян, и за каждой такой медалью ему чудилось бледное лицо убитого солдата из его армии. Он улыбнулся старику, морщинистое лицо которого напоминало ему потрескавшийся ствол дерева. Человек, сидевший рядом с ним, тот, который велел ему в самом начале поднять бокал, перевел ему первые слова старика. Хозяин дома просил извинения, что не может уделить ему должного внимания, потому что не все гости еще пришли, и ему полагается встретить всех.

Генерал проговорил несколько раз: «Конечно, конечно» и «Благодарю вас», кивая головой. Старик помолчал и неторопливо затянулся своей трубкой. Затем спокойно спросил его:

- Из каких мест к нам?

Генерал ответил.

Старик задумчиво кивнул, и генерал понял, что он никогда не слышал о его родном городе, хотя это был большой и известный город.

- А жена, дети у тебя есть? – снова спросил его старик.

Генерал ответил, и старик сказал: дай Бог им здоровья.

Он снова затянулся трубкой, и на лбу у него появились глубокие морщины. Казалось, он собирался что-то сказать. Генерал испугался, что старик заговорит как раз о том, о чем он меньше всего хотел здесь услышать.

- Я знаю, зачем ты здесь, - сказал старик совершенно спокойно, и генералу словно нож всадили в сердце. С того самого момента, как он пришел на эту сва-

дбю, он старался забыть, зачем он здесь, потому что ему казалось, что тогда и другие об этом забудут. Он хотел бы оказаться здесь сегодня вечером в качестве обычного туриста, интересующегося обычаями древнего народа, чтобы потом вечерами рассказать о них своим друзьям. Но вот, в конце концов, начался этот чертов разговор, и генерал впервые пожалел, что пришел на эту свадьбу. Да, - продолжал старик. – Это хорошо, что ты собираешь убитых солдат, потому что каждый раб Божий должен покоиться у себя на родине.

Генерал молча кивнул в знак согласия.

Старик выбил трубку, затем задумался, не сводя глаз с пепельницы.

- С погодой тебе не повезло, - сказал он.

Генерал снова кивнул, соглашаясь.

Старик глубоко вздохнул.

- Как говорится, дождь и смерть найдешь где угодно...

Генералу показалось, что в последней фразе заключен какой-то таинственный смысл, которого он не уловил, но он не осмелился попросить, чтобы ему перевели ее еще раз.

Старик тяжело поднялся и извинился, что ему нужно встречать и провожать к столу других гостей.

Генерал с облегчением выпил. Настроение у него опять поднялось. Опасность провокации миновала, теперь он мог беззаботно сидеть и пить, сколько душе угодно.

- Видите? – снова спросил он священника. Язык у генерала начал слегка заплетаться. – Они нас уважают. Я же говорил, кто старое помянет... Что вы сказали?

- Я сказал, что в таких ситуациях нелегко разобрать, где требования обычая, а где, действительно, уважение, - ответил ему священник.

- Генералов всегда уважают. – Генерал выпил еще рюмку. – Знаете, чего мне сейчас хочется? – спросил он, наклонившись к священнику, глаза его при этом лукаво блеснули. – Мне хочется встать и потанцевать.

Священник был поражен.

- Вы это серьезно?

- А почему бы и нет?

Священник, помрачнев, покачал головой.

- Я вас сегодня просто не понимаю.

Генерал разозлился.

- Хватит меня опекать, я не ребенок. Оставьте меня в покое, черт вас побери. Я не хочу, чтобы кто-то мною командовал. Хочу развлекаться.

- Потихе, - сказал священник. – Нас услышат.

- Почему за генералами все время кто-то следит? Когда это, наконец, прекратится?

Священник потер лоб, словно говоря: этого только нам не хватало.

- Пойду танцевать, и точка.

- Но вы же не умеете, вы будете выглядеть смешным.

- Я не буду выглядеть смешным. Танцы у них простые. И потом, перед кем я могу выглядеть смешным – перед этими крестьянами?

Священник снова потер лоб рукой.

Мне сказали, что сегодня в клубе ты расспрашивал именно о нем. Похоже, ты давно его ищешь и не можешь найти. Почему же ты ищешь так долго этого проклятого полковника? Может, он был твоим другом? Ну конечно, он был твоим другом, раз ты его так упорно ищешь. Вечером в селе спросили всех до единого, ведь все знают, что он гниет в земле где-то тут, рядом, но никто и представить не может где. Ты уедешь отсюда без твоего друга, твоего проклятого друга, сломавшего мне всю жизнь. И убирайся отсюда как можно скорее, потому что и ты тоже проклят, как и он. Теперь ты сидишь смиренный, как ягненок, и улыбаешься, глядя на танцующих, но я-то знаю, что у тебя на уме. Ты думаешь, придет день, и ты ворвешься в наши края со своей армией, и камня на камне не оставишь, и все сожжешь, и всех убьешь, как это делали твои друзья. Не нужно было тебе приходиться на эту свадьбу. Почему у тебя не ослабели колени, когда ты отправлялся сюда? Хотя бы из-за меня, из-за выжившей из ума старухи, из-за меня, горемычной. Но что это? Ты собираешься танцевать? Ты осмелился идти танцевать? Ты улыбаешься? Ты встаешь?! И никто тебя не останавливает?! Прогоните его! Что же вы делаете! Это уж слишком! Грех-то какой!

Пушечным громом ударил барабан. Зарыдала гэрнета, ей вторили тонкими женскими голосами скрипки. Посреди комнаты вспыхнул и начал разгораться танец, сначала танцевали двое, потом трое, потом вся свадьба пустилась в пляс.

Генерал взглянул на танцующих. Потом на священника. Потом снова на танцующих. Снова на священника. На танцующих. На священника. На танцующих. Но...

Генерал поднялся. Теперь уже что сделано, то сделано. Он стоял, словно оцепенев, собираясь войти в круг танцующих. Ему показалось, что этот круг – пламя огромного костра. Два-три раза он протягивал руки и тут же отдергивал их, словно обжегшись. Танец волчком кружился перед ним. Старик хозяин падал на колени, вскакивал, топал ногой, словно говоря: «вот так, и никак иначе», размахивал белым платком, отрываясь от своего партнера, крутился и приседал, и казалось, что он вот-вот упадет на землю, словно скошенный острым серпом, затем снова поднимался и снова падал, словно от удара молнии, и снова мгновенно воскресал среди раскатов грома. Барабан гремел все яростнее, голос гэрнеты накатывался волнами, словно сдавленно рыдал какой-то великан, и струны скрипок ожили и извивались, как змеи. Ритм барабана все убыстрялся, и теперь сквозь плач скрипок казалось, что начался камнепад в гулкой пещере. Генерал продолжал стоять. У него закружилась голова от этого сумасшедшего волчка, опасного и сверкающего. Словно в тумане он увидел на какое-то мгновение мокрые от пота лица музыкантов, горло гэрнеты, поднимавшееся и опускавшееся в дыму словно ствол зе-

нитки, закрытые в экстазе глаза танцоров. Потом вдруг барабан смолк, струны скрипок замерли, и все было чудесно, и все это продолжалось бы прекрасно до полуночи, а то и до рассвета, но именно в тот момент, когда все возвращались на свои места, раздался стон. Генерала будто кольнуло что-то. На свадьбе было очень шумно, но, как ни странно, все услышали этот стон. Никто и представить себе не мог, что стон старой Ницы может оказаться таким громким.

- Ой-ой-ой, - причитала она тонким голосом. В воцарившейся вдруг глубокой тишине прекрасно слышен был не только ее плач, но даже ее прерывистое дыхание. Но тишина продолжалась всего одно мгновение. Генерал увидел, как в тот же миг к старухе кинулись люди, там началась суматоха; кто-то выкрикнул что-то, а потом, похоже, эта несчастная старуха, заголосившая вдруг непонятно почему, успокоилась.

Если бы старуха и в самом деле успокоилась, как решил генерал и окружавшие ее люди, все было бы в порядке и, возможно, генерал досидел бы там до полуночи, а то и до рассвета, но дряхлая Ница снова зарыдала. Похоже, никто не мог ее успокоить, но мало этого; она вскрикнула, стоявшие вокруг громко заговорили, и вновь ее вопль заглушил все голоса, и веселье разом оборвалось, словно ножом отрезало. К старой Нице бросились еще люди, мужчины и женщины, и генералу показалось, что чем больше людей собиралось вокруг нее, тем громче она рыдала. Музыканты начали было играть, но старуха заголосила еще сильнее, и инструменты смолкли, словно испугавшись.

Генерал увидел, что толпа вокруг нее качнулась, словно что-то ее толкнуло изнутри, и в конце концов старуха вырвалась из нее, и оказалась прямо перед генералом. Только сейчас генерал увидел ее изможденное желтое лицо, полные слез вытаращенные глаза, высохшее тело. Что с ней, что ей нужно, почему она плачет? - спрашивал внезапно протрезвевший генерал. Но никто ему не ответил. Люди бросились к старухе, две женщины взяли ее под руки и хотели ее по-хорошему увести, но она закричала, вырвалась и подошла прямо к генералу. Он увидел ее искаженное ненавистью лицо, не понимая, что происходит. Она что-то кричала, отчаянно жестикулировала, вопила прямо ему в лицо, а он стоял перед ней, бледный как воск. Это продолжалось всего лишь какое-то мгновение, затем старуху оттащили от него. Она вновь вырвалась, но в этот раз, вместо того, чтобы приблизиться к генералу, бросилась к двери и выбежала наружу.

После ее ухода генерал продолжал стоять столбом, и никто так и не перевел ему слова старой женщины - они не подозревали, что священник понимает по-албански. Все столпились вокруг плачущей невесты и побледневшей, торопливо крестящейся хозяйки дома.

- Я вам сразу сказал, - проговорил священник, оказавшийся рядом с генералом. - Не нужно нам было приходить сюда.

- Что случилось? - спросил генерал.

- Сейчас не время. Потом.

- Вы были правы, - сказал генерал. - Я переборщил.

Вся толпа, казавшаяся вначале многоцветной шумной рошей, превратилась вдруг в суровый зимний лес. Качнулись головы, плечи, руки, тонкие пальцы – словно сухие голые ветки под хлынувшим проливным дождем, а затем над всем этим с резким мрачным «кар» вспорхнула тревога.

- Что им нужно, зачем они приходят на наши свадьбы? – спросил кто-то из молодых парней.

- Тсс, говори тише, неудобно.

- Что неудобно? – вмешался другой. – У них хватает наглости даже танцевать.

- Мы не можем их прогнать. Таков обычай предков.

- Какой обычай? А что по поводу бедолаги Ницы говорит обычай предков?

- Тише, а то услышат.

- Не бойся, - вступил в беседу еще один, – даже если бы они и понимали по-албански, они не поняли бы, о чем она плакала.

Генерал со священником ничего этого не слышали. Они только обводили взглядами лица окружающих. Генерал быстро отвел глаза от мужчин и молодых парней и уставился на лица старух, которые стояли, завернувшись в огромные черные платки, словно хор из древней трагедии.

Генералу стало страшно. Он уже раскаивался, что пришел сюда. Забыть прошлое не так просто, а албанцы мстительны. Ради чего он сюда пришел? Что за идиотская прихоть? До сих пор все шло хорошо. Он ездил куда угодно, сопровождаемый местными жителями, и под защитой закона. А сегодня вечером он вдруг расхрабрился. Здесь он уже был без охраны, и никакие законы его не защищали. Здесь могло случиться все что угодно, и никто не нес за это никакой ответственности.

- Уходим, - сказал он неожиданно. – Уходим немедленно.

- Да, да, - сказал священник. – Уходим. Они нас жестоко оскорбили. Эта старуха ругала нас последними словами.

- Тогда, перед тем, как уйти, мы должны им ответить. Что сказала эта старуха?

Священник помедлил, подбирая слова, но тут к ним подошел хозяин дома.

- Оставайтесь, - сказал он, жестом приглашая к столу. – Затем подал знак женщинам, и те принесли новую порцию ракии и закусок. Генерал со священником переглянулись, затем посмотрели на хозяина дома. – Всякое бывает, - сказал старик, – но вы оставайтесь. Садитесь.

Они сели. Так, им казалось, они привлекали меньше внимания.

В большой комнате более или менее восстановился порядок, и все снова саживались за столы. К генералу подошел и сел рядом человек, который пытался переводить ему тосты.

Он объяснил, что старая Ница – выжившая из ума старуха, оставшаяся одна-одинешенька на белом свете, потому что во время войны карательный батальон полковника Z. повесил ее мужа. Потом он рассказал, что полковник забрал ее дочь к себе в палатку, и что четырнадцатилетняя девочка утопилась в колодце,

когда вышла оттуда рано утром. И как раз на следующую ночь полковник пропал. Говорили, что вечером он снова пошел в дом Ницы, поскольку не знал, что девушка умерла, а охрана дождалась его снаружи. Он долго не возвращался, слишком долго, но у охраны был приказ ждать до самого рассвета. Утром в доме никого не оказалось, и никто не знал, куда делся полковник Z. Кто-то уверял, что его срочно вызвали в Тирану, самое разное рассказывали, а вот офицеры его батальона хранили молчание, и на следующий день батальон отправился дальше.

Все это он рассказал сбивчиво, путано, обрывками фраз, которые отзывались в голове у генерала словно удары молота.

Тем временем музыка заиграла вновь, но довольно долго никто не танцевал. Потом поднялись женщины, и каждому казалось, что все остальные, кроме него самого, уже позабыли о старой Нице. Генерал сидел за столом, словно окаменев, он был не в состоянии ни о чем думать. Глаза его встретились с глазами священника.

- Что сказала эта старуха? – спросил генерал.

Священник пристально посмотрел на него своими серыми глазами, и генералу стало не по себе.

- Она сказала, помимо прочего, что вы друг полковника Z. и что она вас ненавидит.

- Я друг полковника Z.?

- Да, именно так она и сказала.

- Но почему? Может, из-за того, что мы вечером расспрашивали о полковнике? - проговорил генерал задумчиво, словно разговаривая с самим собой.

- Возможно, - сухо ответил священник.

Генерал еще больше помрачнел. Теперь он больше ничего не видел и не слышал вокруг.

- Я сейчас встану, - сказал он неожиданно, - встану и скажу им всем, что я не друг полковника Z. и что мне, как военному, неприятно даже упоминание о нем.

- А для чего вам это нужно? Чтобы доставить удовольствие этим крестьянам?

- Нет, - сказал генерал. – Я должен сделать это, чтобы защитить доброе имя и честь нашей армии.

- Неужели доброе имя нашей армии могла запятнать своей руганью какая-то старуха-албанка?

- Я хочу объяснить, что не все наши офицеры докатились до того, что их убивали женщины.

Священник пожал плечами.

- мы здесь не для того, чтобы судить, - медленно проговорил он. – Судить может только он, там, на небе.

- Они думают, что я и в самом деле его друг, - продолжал генерал. – Вы что, не видите, как они на нас смотрят? Оглянитесь вокруг. Посмотрите им в глаза.

- Вы боитесь? – спросил священник.

Генерал сердито взглянул на него. Он хотел ответить что-то резкое, но тут загремел барабан, и слова замерли у него на устах.

Генералу и в самом деле стало страшно. Слишком далеко завело его сегодня сумасбродство. Теперь нужно было осторожно отступить. Нужно было чем-нибудь смягчить эту озверевшую толпу. Ему нужно было немедленно дистанцироваться от полковника Z. Нужно было стряхнуть полковника Z., как стряхивают с каблука прилипший комок грязи.

Казалось бы, все действительно успокоилось, но это было внешнее впечатление. Он чувствовал, что внутри свадьбы что-то назревает. Люди переглядывались искоса, перешептывались. Кроме того, у входа, рядом с пальто и гунами, на вбитых в стену гвоздях висели рядами ружья гостей. Священник рассказывал ему, что на албанских свадьбах часто случались убийства.

Нужно было что-то предпринять, пока не поздно. Если они просто так начнут уходить со свадьбы, того и жди, что какой-нибудь пьяный выстрелит им в спину. От собаки нельзя убежать, это ее только возбуждает, она непременно набросится. Отступить нужно осторожно.

Генерал посмотрел вокруг мутными глазами, вновь окинул взглядом толпу, всех этих людей, двигавшихся, танцевавших, смеявшихся; снова увидел старух, сидевших рядком все так же неподвижно, с отрешенными суровыми лицами, вечный хор в не менявшихся веками декорациях, опустил устало голову и не произнес больше ни слова.

Барабан продолжал глухо рокотать, гэрнета хрипло плакала, тосковала и пронзала свадьбу насквозь. Мужчины за столом затянули песню, и генерал снова ощутил, как мрак накатывается на горы, и вновь услышал грустную, с опущенной головой, песню женщин, которая опиралась на мужскую песню, и у которой время от времени перехватывало дух, как перехватывает дыхание у женщины, которую обнимает мужчина.

- По-моему, пора уходить, - сказал генерал.

Священник кивнул.

- Самое время, - сказал он.

- Давайте встанем осторожно.

- Очень осторожно.

- Главное, не привлекать к себе внимания.

- Вы первый вставайте. Я пойду за Вами.

- Главное, сделать все незаметно.

Приближалась полночь, свадьба была в разгаре, и все уже успели, вероятно, забыть о старой Нице, когда она вернулась. Она появилась как раз в тот момент, когда генерал со священником решили подняться из-за стола. Наверное, из всех, кто был в этот момент в доме, генерал первым почувствовал ее присутствие. Он почувствовал ее, как старый охотник чует присутствие тигра в джунглях. Когда у входа произошло какое-то движение, люди стали перешептываться и засуетились, все его существо закричало «пришла» и он понял, что побледнел. Но в этот раз старая Ница не плакала, никто не слышал ее голоса, но все почувствовали, что она там, у

входа. Музыка продолжала играть, но никто не слушал ее. Все столпились у входа. Никто не понял, каким образом Нице удалось пройти внутрь. Наверное, вид у нее был такой, что, увидев ее, все расступались, а может быть, люди уступали ее мольбам, но, как бы то ни было, она вошла в комнату, и тут все невольно вскрикнули. Она была мокрой насквозь, вся в грязи, с совершенно белым, как у покойника, лицом, а в руках держала мешок.

Генерал, не чувствуя под собой ног, встал, потому что почувствовал: женщина ищет именно его. Он сам пошел навстречу ей, словно зверь, который, слышав издали рев своего врага, загипнотизированный им, не убегает, а бежит ему навстречу.

Все столпились вокруг, не зная, что делать. Казалось, все потеряли способность думать. Старая Ница стояла неподвижно, глядя на генерала блуждающим взглядом, словно смотрела не на него, а на его тень. Сквозь приступ кашля она проговорила несколько слов, из которых он понял только слово «*смерть*».

- Переведите мне! – закричал генерал, словно звал на помощь. Но никто не стал ему переводить. Генерал огляделся вокруг и натолкнулся на взгляд священника. Священник подошел к нему.

- Она говорит, что когда-то убила старшего офицера из наших, и спрашивает, не вы ли тот генерал, который собирает останки военных, - сказал священник.

- Да, госпожа, - еле слышно ответил генерал. Он собрал все свои силы, чтобы не опустить перед ней голову.

Тогда старая Ница сказала еще что-то, что священник не успел перевести, потому что ее последние слова утонули в поднявшемся шуме, и, прежде чем кто-нибудь успел ее остановить, она под женские вопли бросила на пол, прямо под ноги генералу, мешок, который принесла на спине. Священнику уже и не нужно было ничего переводить, потому что и так все было ясно. Генерал переводил блуждающий взгляд со старухи на мешок, и не могло быть в мире ничего ужаснее этого мешка, с глухим стуком упавшего на пол, мешка, облепленного крупными комьями черной грязи. Охваченные ужасом женщины отпрянули в стороны, закрывая лица руками, а старухи крестились и потрясенно шептались:

- Она похоронила его у собственного порога.

- Эх, Ница, горемыка ты наша, - выкрикнул кто-то.

Старуха повернулась и ушла, как была – мокрая насквозь и перемазанная в грязи, и никто теперь и не подумал ее останавливать, потому что то, что должно было произойти, уже произошло.

Генерал не мог отвести взгляд от мешка, и у него заложило уши от шума, воплей ужаса и охватившего его страха. Он даже не задумался, почему вдруг стало тихо, или может быть, тихо и не стало, просто ему так показалось. Под ногами у него и у всех гостей зловеще чернел старый мешок, весь в заплатках, на которые он, как это ни странно, почему-то обратил внимание. Кому-то нужно его взять, подумал он в оцепенении. И тогда, в гнетущей тишине, он медленно нагнулся и дрожащими руками поднял перепачканный грязью мешок. Затем неловким движением взвалил мешок на спину и вышел на улицу, под дождь, напряженно со-

гнувшись, словно на плечи ему легла тяжесть стыда и горя всего человечества.
Священник вышел за ним следом.

У них за спиной кто-то зарыдал во весь голос.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Генерал шел впереди, шагая прямо по глубоким лужам. Священник следовал за ним. По узкому переулку они вышли на площадь посреди села, миновали старую церковь, и неожиданно поняли, что заблудились во мраке. Они молча повернули обратно, генерал впереди и следом за ним священник, и снова прошли мимо колодца, клуба и церкви, но своего дома так и не обнаружили. Дважды они возвращались на одно и то же место, они поняли это, разглядев колокольню, чернеющую у них над головами. Дул такой сильный ветер, что казалось, ветер и дождь раскачают колокол, и тот неожиданно зазвонит там, в вышине.

У него онемела рука, державшая мешок.

Какая ты легкая, Бети, сказал он мне как-то вечером в парке. Мы бродили, обнявшись, это было за две ночи до нашей свадьбы. Была теплая, опьяняющая осенняя ночь. После обеда прошел дождь, и на дорожках парка остались лужицы. Он нес меня на руках, словно ребенка, и все повторял: какая ты легкая, Бети, или мне так только кажется от счастья? Своими сапогами он тяжело ступал, не обращая внимания на лужицы, в которых отражение луны разбивалось на тысячи осколков. Я всю жизнь носил бы тебя вот так на руках, Бети. Вот так, как сейчас. Он нес меня, целовал мои волосы и повторял: какая ты легкая!

Теперь ты сам легче всех на свете, подумал генерал. Три-четыре килограмма, не больше. А мне уже спину не разогнуть из-за твоей тяжести.

Они еще раз повернули назад и долго еще бродили по селу, как пьяные, пытаясь уйти как можно дальше от церкви, которая вновь и вновь появлялась прямо

перед ними, пока они вдруг не уперлись прямо в капот собственной машины, еле различимой во мраке.

Они вспомнили, что машина стоит прямо перед их домом.

Они нашли дом. Генерал открыл ворота и первым вошел во двор. Створки ворот захлопнулись за ним. Открывая дверь в дом, он бросил мешок на землю. Мешок мягко шлепнулся в грязь. Генерал чиркнул спичкой.

В ее неверном свете он с грохотом поднялся по лестнице, вошел в комнату, скинул мокрую шинель на пол и рухнул, не раздеваясь, на кровать. Он слышал, как открылась и закрылась дверь, а затем кто-то улегся на соседнюю кровать.

Священник, подумал он.

Он пытался заснуть, но безуспешно. Тогда он попробовал навести порядок в своих мыслях, но и это у него получилось.

Хочу спать, подумал он. Спать. Спать. Отключиться, как грузовик за окном. Сон.

Он крепко зажмурил глаза, но это не помогло. Чем сильнее он смыкал веки, тем дальше отступала темнота, потому что ее то тут, то там пронзали пятна и полосы света, вырванные то из какого-то далекого неба, то из бескрайней голубизны морского пляжа.

Хочу темноты, подумал он. Хочу полной, непроглядной темноты, чтобы, наконец, уснуть.

Однако ни голубые полоски, ни красные и желтые пятна не исчезали. Они были повсюду, прямо перед его носом, куда бы он ни поворачивал голову; они были частью мрака.

Он встал, принял снотворное и снова лег. Но, едва успев задремать, в страхе проснулся. Там вдали, за площадью, вновь зарокотал барабан.

Неужели эта проклятая свадьба все еще продолжается? – подумал он. Что там происходит?

Он с головой укрылся одеялом, чтобы ничего не слышать, но безуспешно. Ему мерещилось, что в голове у него сидит на корточках маленький, совсем маленький, как в сказках, человечек, и бил в крохотный барабанчик, похожий на те, что бывают у оловянных солдатиков. Куда бы генерал ни засовывал голову, и как бы ни затыкал уши, он был там, сидел, скрестив по-турецки ноги, и бил, непрерывно бил в барабанчик, выстукивая монотонный ритм: бам бара бам, бара бара бам, бум буру бум, бум бум, бум.

Казалось, что под барабанную дробь маршируют солдаты.

Это марширует моя великая армия, подумал он. Затем резко поднял голову и приказал себе: Хватит!

Снова опустил голову на подушку, но через мгновение опять поднял ее.

- Священник, эй, священник, полковник, вставайте, - заорал генерал.

Священник испуганно вскочил.

- Что случилось?

- Уезжаем отсюда, сейчас же, вставайте!

- Уезжаем? Куда?

- В Тирану.
- Но еще ночь.
- Неважно. Уезжаем.
- Но почему? – спросил священник.

Генерал метался по комнате.

- Как это почему? Вы что, не слышите? Не слышите барабан? Там все это продолжается, и у меня скверные предчувствия.

- Вы боитесь? – спросил священник.

- Да, - ответил генерал. – Я боюсь, что они вот-вот придут всей толпой прямо сюда, и будут бить в барабан, чтобы изгнать нас, как изгоняют злых духов.

Генерал укладывал свой чемодан.

- Поехали, - согласился священник.

Генерал продолжал возиться со своим чемоданом.

- Всего один танец, - бормотал он. – Я хотел было станцевать один-единственный танец, и чуть не случилось непоправимое. Господи, что же это за страна такая!

Не нужно было им вообще туда ходить, подумал он. Ни в коем случае.

- Всего один танец, а он чуть не превратился в танец смерти, - вслух сказал он.

Священник что-то пробормотал, и они друг за другом вышли из комнаты. Под сапогами генерала глухо проскрипели деревянные ступеньки. Он первым вышел во двор и направился к воротам. Священник немного отстал. Обернувшись, генерал увидел, что священник несет что-то на плече.

Мешок, подумал он.

Они вышли на улицу. Дождь прекратился, и мрак, казалось, начал понемногу рассеиваться.

- Который час? – спросил священник.

Генерал чиркнул спичкой.

- Половина пятого.

- Скоро уже рассветет.

Где-то заголосили петухи. С гор дул ледяной ветер. Грузовик чернел чуть дальше, на другой стороне дороги.

Они остановились возле машины и посмотрели на восток. Казалось, на востоке кто-то огромной кистью мажет небо белой краской, но ночной мрак тут же впитывает ее, и остается только серый, влажно-холодный след.

- Они спят в том доме, - сказал священник, показывая на дом напротив.

- Разбудите водителя, скажите ему, что я неважно себя чувствую, и нам нужно немедленно ехать в Тирану.

Когда священник толкнул калитку, в соседнем дворе залаяла собака. К ней присоединилась другая, и вскоре все собаки в селе захлебывались лаем.

Но даже сквозь собачий лай генерал различал грохот барабана и далекий невнятный гул.

Опять скрипнула калитка, и появился священник с мешком в руках.

Да что же ты прицепился к этому мешку? – подумал генерал.

- Он одевается, - сказал священник. – Сейчас выйдет.

- Собаки, - сказал генерал.

- Да. Деревенские собаки всегда так. Стоит одной залаять, как за ней и все остальные.

Пусть лают, подумал генерал. Это еще ничего. Знали бы они, что тут в грузовике, такой бы вой поднялся.

- Чертов ветер, - произнес он вслух.

Собаки умолкали одна за другой.

Где-то спросонья замычала корова.

Калитка скрипнула, и они увидели в полумраке вышедшего на улицу водителя. Он открыл дверцы автомобиля, закашлявшись от холодного воздуха. Генерал сел в машину.

- Откройте, пожалуйста, переднюю дверцу, - попросил священник.

Водитель открыл.

- Что это? – спросил он.

- Мешок, - сказал священник. – Он нам нужен.

Водитель ногой поправил мешок, священник уселся рядом с генералом.

Свет фар скользнул по темным заборам по обе стороны дороги. Как только машина тронулась, генерал плотнее укутался в шинель и закрыл глаза. Теперь не было слышно ничего, кроме мягкого урчания мотора, и генерал хотел уснуть во что бы то ни стало. Но вместо того, чтобы уснуть, он вдруг стал в мельчайших подробностях вспоминать случившееся на свадьбе.

Я хочу спать, подумал он. Не хочу ничего вспоминать. Не хочу вновь оказаться там.

Но вновь он мысленно оказался на свадьбе. Снял мокрый плащ, сел за стол.

Там были все, словно ждали его. Ему казалось, что это возвращение было единственным способом избавиться от них. И для них, возможно, освободиться от него.

Он испуганно открыл глаза, чтобы увидеть эту ужасную женщину.

За стеклом машины все еще была ночь.

Автострада, внезапно разбуженная светом фар, появлялась на мгновение из хаоса ночи, бледная и сонная, и снова погружалась во мрак. Сбоку мелькали километровые столбы, совершенно белые. От этой белизны мурашки бежали по телу. Генералу эти столбы казались надгробными камнями.

Священник дремал рядом с ним, уронив голову на грудь.

Неожиданно шофер затормозил. Священник головой ткнулся в переднее сиденье.

- В чем дело? – растерянно спросил он.

Генерал оцепенело глядел перед собой. Машина остановилась перед мостом. Снизу доносилось журчание воды.

Шофер что-то буркнул про мотор и вышел, громко хлопнув дверцей.

Свет фар шел параллельно перилам моста. Шофер поднял капот и, весь согнувшись, залез под него. Затем вернулся обратно в машину и принялся что-то искать. Мешавший ему мешок он отодвинул в сторону. Затем вытащил мешок наружу и поднял сиденье.

Генерал тоже вышел из машины. Размашистым шагом он стал расхаживать возле нее. Священник сидел неподвижно. Шофер выругался сквозь зубы, продолжая что-то искать внутри. Генерал во второй раз споткнулся о мешок.

Все этот мешок, вдруг подумал он. Из-за этого мешка мы чуть не погибли. До сих пор все шло хорошо, но появился этот чертов мешок, и все пошло шиворот-навыворот.

- Этот мешок приносит несчастье, - громко проговорил он.

- Что вы сказали? – спросил священник.

- Я сказал, что этот мешок приносит несчастье, - повторил генерал и в то же мгновение пнул его носком сапога. Мешок с глухим стуком покатился вниз по склону.

- Что вы наделали? – воскликнул священник и выскочил из машины.

- Этот мешок появился не к добру, - проговорил генерал, тяжело дыша.

- Да мы ведь, слава Богу, что нашли его. Мы его два года ищем.

- Из-за этого мешка мы чуть не погибли, - устало сказал генерал.

- Что вы наделали? – повторил священник и включил карманный фонарик.

- Я не собирался его сбрасывать, черт бы его побрал! Просто пнул.

Они подошли вдвоем к мосту и посмотрели вниз, туда, где клокотала вода. Свет фонариков терялся в бездне.

- Ничего не видно, - сказал генерал.

Подошел шофер. Теперь они смотрели вниз втроем.

- Наверное, унесло водой, - сказал генерал. В голосе его слышались усталость и сожаление.

Священник зло посмотрел на него, затем стал светить фонариком, словно выискивая место, где можно было бы спуститься вниз.

Генерал вернулся в машину.

Священник постоял еще, согнувшись, у моста, потом вернулся и он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Заканчивалась неделя. Это был последний день их пребывания в Албании. Генерал встал поздно. Открыл жалюзи. Утро было пасмурное.

Время приближалось к десяти. В половине двенадцатого должна была состояться панихида, а в семь вечера банкет.

На столе лежала груда писем, телеграмм и газет, присланных с его родины.

В письмах были, как всегда, всякие истории, названия мест, изредка – грубые наброски холмов или деревьев. Содержание газетных статей более или менее передавали их заголовки: «Эксгумация армии», «Генерал призраков – скоро на родину», «Обещания правительства в связи с возвращением останков».

Он бегло перевернул газеты, но ни одну из них не взял. Глубоко вздохнув, он надел шинель и вышел.

В холле он попросил позвать метрдотеля.

- Вам сообщили о небольшом банкете сегодня вечером?

- Да, сэр, - ответил тот. – В семь часов в третьем зале все будет готово.

Генерал спросил о священнике. Тот уже вышел.

В холле и у стойки регистрации было оживленно. Непрерывно звонили два телефона, у лифта толпился народ. Несколько чернокожих курили в больших креслах, закинув ногу на ногу. Стайка китайцев, в сопровождении девушки, входила в ресторан. Только что прибывшие новые постояльцы, по виду северяне, стояли в очереди.

Генерал зашел в правый зал, где он обычно пил кофе, и увидел, что свободных мест нет. Впервые за все время своего проживания в «Дайти» он видел столько иностранцев.

Он повернулся, чтобы уйти, и в холле столкнулся с новой группой африканцев, входивших через главный вход, с сумками в руках.

На улице, под высокими елями, стояло множество легковых автомобилей

С чего это такое оживление? – удивился он, спускаясь по лестнице. Он пошел по бульвару направо, в сторону министерств.

На площади Скандербега он увидел множество флагов. На высоких флагштоках, на фасадах министерств и на колоннах Дворца культуры, повсюду были развешаны транспаранты с лозунгами и гирлянды. Он вдруг вспомнил, что через два дня национальный праздник Албании.

На тротуарах было очень оживленно. Он задержался на мгновение, как и другие прохожие, перед афишами кинотеатра, но мысли у него были заняты другим, и не успев отойти на пару шагов, он уже забыл, какие там шли фильмы.

Взглянул на часы. Было уже одиннадцать. Перед Национальным банком, позади кафе «Студент», на автобусных остановках, было настоящее людское море. Здесь были конечные остановки пригородных маршрутов. Он прикинул, что до церкви, где должна была пройти панихида, всего одна остановка, и решил пройти пешком. Он шло посреди тротуара, и мысли его невольно возвращались к мешку с останками полковника.

Сейчас он уже не мог отчетливо вспомнить, как это случилось. Он помнил только, что был в ужасно подавленном состоянии, к тому же очень хотел спать. Все его существо словно находилось под гнетом, словно было придавлено тяжелым камнем. А теперь, когда эта тяжелая ночь осталась позади, его удаляющаяся представлялась совершенно бессмысленной.

Как бы то ни было, это дело нужно было каким-то образом урегулировать. Ему нужно поговорить со священником. У них было много солдат ростом метр восемьдесят два, как у полковника. Ну, а насчет зубов можно вообще не беспокоиться. Кому придет в голову, что останки полковника подменили? Как ни странно, но возможность договориться со священником представлялась ему все более реальной.

Он попытался вспомнить, у кого из солдат был такой же рост, как у полковника Z., но не смог. Каждый раз, когда эксперт-албанец громко произносил: «Метр восемьдесят два», генерал добавлял про себя: «Как у полковника Z.». Но сейчас он не мог вспомнить ни одного.

Ему удалось припомнить только того летчика, случайно найденного возле сельской проселочной дороги, английского летчика, которого они закопали обратно.

Потом он вспомнил солдата, который вел дневник. Рост у него был тоже метр восемьдесят два. Генерал подумал о том, что произойдет, если вместо останков полковника Z. подсунуть кости автора дневника. Он представил, как семья и все родственники полковника встретили бы останки этого бедолаги-солдата, как они устроили бы ему шикарные поминки и торжественные похороны, как рыдала бы одетая в траур Бети, поддерживая под локоть старуху мать полковника, и как мать рассказывала бы всем приглашенным о своем сыне. Затем они опустили бы кости солдата-дезертира в величественную могилу его убийцы, звонили бы колокола, какой-нибудь министр произносил бы речь, и все происходящее было бы противоестественным, греховным, надругательством и насмешкой. И если на самом деле существуют духи и призраки, той же ночью этот солдат встал бы из могилы.

Нет, сказал себе генерал. Лучше найти кого-нибудь другого. Наверняка можно найти. Он ускорил шаг. Месса начиналась через несколько минут. Церковь видна была издали, красивая, построенная в современном стиле, на одной из цен-

тральных улиц. Перед ее ступенями стояло множество черных шикарных автомобилей.

Прибыли дипломаты из иностранных посольств. Генерал быстро взбежал по мраморным ступеням. Когда он вошел, месса только что началась. Он обмакнул кончики пальцев в чаше со святой водой, стоявшей справа, перекрестился и отошел в сторону. Он смотрел на священника, который вел службу, но почти ничего не слышал, лишь разглядывал развешанные повсюду черные траурные полотнища, как это обычно принято на подобных поминальных службах, и стоявший посреди церкви пустой гроб, тоже убранный черной тканью. Черные полотнища и костюмы присутствующих словно впитывали в себя слабый свет свечей, и хотя высокие окна с цветными витражами пропускали достаточно света, в церкви казалось темнее, чем было на самом деле.

Священник молился за упокой душ погибших солдат. Лицо у него было бледным от недосыпа, а серые глаза смотрели устало. Дипломаты стояли с печальными лицами. В церкви запах свечей смешивался с тонким ароматом духов.

В полной тишине заплакала вдруг женщина.

Голос священника разносился во все уголки церкви, набатно-гудящий и торжественный:

- *Requiem aeternam donat eis!*

Стоявшая перед генералом женщина разрыдалась еще сильнее.

- *Et lux perpetua luceat eis*, - продолжал священник, подняв глаза вверх, на распятое тело Христа. Затем голос его зазвучал еще сильнее и проникновеннее:

- *Requiescat in pace*, - закончил он, и голос его отозвался эхом во всех уголках церкви.

- *Amen*, - произнес дьякон.

В наступившей на мгновение тишине генералу показалось, что он слышит даже слабый треск горящих свечей.

Покойтесь с миром, повторил генерал про себя, и вдруг ощутил, что сердце его сжала тоска.

И когда священник поднял вверх просвиру, когда все опустились перед ним на колени, а он поднял чашу с красным вином и стал вкушать тело Христово и пить кровь его за спасение их душ, генерал представил себе этих солдат – тысячи и тысячи солдат, с алюминиевыми котелками в руках, стоящих у огромного котла в очереди за своим ужином, и от лучей заходящего солнца на котелках и касках играют пурпурные, неземные, потусторонние отсветы.

Да озарит их вечный свет, повторил он про себя, опустившись на колени и мрачно уставившись на холодные мраморные плиты.

Ударил колокол и все встали.

- *Ite missa est*, - прогремел голос священника.

- *Deo gratis*, - подхватил дьякон.

Публика направилась к выходу. На улице уже негромко урчали моторы, и, когда генерал вышел, машины дипломатов стали трогаться одна за другой. На остановке возле церкви он дождался автобуса. Войдя, он встал у заднего стекла.

- Возьмите билет, гражданин, - сказала женщина-кондуктор.

Он понял слово «билет» и спохватился. Порывшись в портфеле, он нашел со-тенную бумажку.

- А мелочи у вас нет? – спросила кондуктор.

Он догадался, о чем она его спрашивает, и отрицательно покачал головой.

- Три лека, - проговорила она и показала ему на пальцах, - есть у вас три лека мелочью?

Генерал снова покачал головой.

- Да он иностранец, - медленно проговорил высокий парень.

- Это я и сама сообразила, - сказала женщина и стала набирать ему сдачу.

- Наверное, какой-нибудь албанец из Америки, - сказал старик, сидевший ря-дом с кондуктором. – Из тех, что совсем забыли албанский язык.

- Нет, папаша, он иностранец, - настаивал высокий парень.

- Ты меня слушай, - сказал старик, - я лучше разбираюсь, он из этих, из Аме-рики.

Генерал понял, что они говорят о нем, и что его приняли за американца.

Они продолжали разговаривать прямо перед его носом, все больше возбу-ждаясь от спора, и даже показывая на него пальцем, при этом абсолютно игнори-руя его присутствие.

О Боже, если бы я был тенью, они и то обращали бы на меня больше внима-ния, подумал он. Тут же, обдав его холодком, в голову ему пришла мысль, что они были существами из двух разных миров, которые не могли ни осязать, ни чувствовать присутствие друг друга.

Когда автобус остановился перед Национальным банком, и все стали выхо-дить, он встретился взглядом со стариком.

- Ол райт, - громко сказал ему старик, выходя из автобуса, и заулыбался, страшно довольный собой.

Генерал пробился сквозь толпу крестьян, дожидавшихся автобуса, и снова вышел на Большой бульвар.

На улице Дибры было еще больше народу, особенно перед фруктовыми лав-ками, закусочными и большим универмагом.

Он остановился перед витринами, потом зашел внутрь, решив купить какой-нибудь сувенир.

Он принялся не спеша разглядывать их все по очереди.

Что, интересно, покупали в качестве сувениров солдаты, покидавшие Алба-нию?

Маленький человечек у него в голове вдруг снова принялся бить в барабан, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Только теперь он не сидел, скре-стив ноги, у него в голове, а стоял – блестящий, черно-белый, в красной джэкэ с черными лентами. Он стоял и бил в барабан, весь из сверкающего фарфора, и ге-нерал не мог отвести от него глаз.

Он показал на него рукой.

- Горца с барабаном? – спросила продавщица.

Генерал кивнул.

Девушка достала фигурку с витрины, завернула и протянула ему.

- Восемнадцать леков двадцать киндарок, пожалуйста.

Он заплатил и вышел, направляясь в сторону улицы Баррикад.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Бам-бара-бам; бам-бара-бам.

- Хэлло!

Генерал, удивленный, обернулся.

- Хэлло! – ответил он.

На тротуаре перед отелем стоял генерал-лейтенант. Левый рукав его шинели был, как всегда, засунут в карман, а в единственной правой руке он держал трубку. Они поздоровались. Генерал-лейтенант затыкнул трубку, и, вынув ее изо рта, стал разглядывать дым.

- Прежде всего, хотя и с опозданием, я хотел бы принести извинения за тот некрасивый инцидент, случившийся в прошлом году, - сказал он, не глядя ему в глаза. – Мне вручили ваш протест. Но я вас искренне заверяю, в этом не было моей вины, и я очень сожалел о случившемся.

Генерал рассеянно посмотрел на него.

- А кто же был виноват? – спросил он.

- Мой компаньон. Это он все перепутал. И не только в тот раз. Пойдемте, посидим где-нибудь, и я все расскажу самым подробным образом, что случилось.

- Извините, у меня сейчас нет времени куда-то идти. Поговорим здесь.

- Тогда лучше отложим до вечера. А у вас как все прошло, если в двух словах?

- Плохо, - сказал генерал. – Дороги были просто ужасные. Кроме того, у нас умер рабочий.

- Умер? Почему? Несчастный случай?

- Нет. Заразился.

- Каким образом?

- Толком так и не выяснили. Наверное, поцарапался обломком кости или ржавым осколком.

Генерал-лейтенант удивленно покачал головой.

- Придется, конечно, теперь платить семье компенсацию.

Генерал кивнул.

- Никогда мне еще не доводилось видеть столько гор, - сказал немного погодя.

- И еще больше придется увидеть.

- Нет, мы уже закончили, - сказал генерал. – Это был последний маршрут.

- Закончили? Вот здорово. Ну, значит, это мне придется и дальше на них лобоваться.

- Повсюду горы, а молодые парни и девушки разбивают на них террасы. Вы видели?

- Ну да. Копают, все время копают.

- Осваивают целину, чтобы выращивать хлеб, - сказал генерал. – В одном месте я видел, что они засеяли даже железнодорожную насыпь с обеих сторон.

- Где они только не сеют. Похоже, им не хватает земли.

- Они оказались в блокаде. Я думаю, вам об этом известно. Советский Союз прекратил им поставки зерна.

- Да, я что-то слышал об этом краем уха, - сказал генерал-лейтенант. – Наверняка они рады, что мы забираем у них солдат.

- Да. Опустевшие кладбища они тут же распахивают.

- Они это называют «дегероизировать» землю, - подхватил тот.

Генерал засмеялся.

- Дегероизация земли, хм. И в самом деле, это привычное дело для жителей Балкан. А вы, как у вас дела? – спросил он.

- Плохо, - ответил тот. – Мы уже больше, чем полтора года крутимся тут по всей Албании, а толку...

- Вы говорили, у вас какие-то проблемы.

- Да, и очень серьезные, - сказал генерал-лейтенант, глубоко вздохнув. – И, как будто мало этого, тут еще и это происшествие.

- Какое происшествие?

- Весьма неприятное. Видите, я тут один? Подождите-ка. Я как раз вас хотел спросить. Где ваш коллега, святой отец?

- Я думаю, наверху, в отеле.

Генерал-лейтенант засмеялся.

- А я было подумал о худшем, - сказал он. – Потому что он, мой мэр, похоже, попал в историю.

Генерал взглянул на него вопросительно.

- Его срочно вызвали, - сказал генерал-лейтенант. – Уже несколько недель поиски приостановлены из-за него. – Он ждал, что его собеседник проявит хоть какой-то интерес, но, увидев, что генерал, похоже, думает о чем-то другом, добавил: - Грязная история.

- Он присвоил деньги из фонда эксгумации? – спросил, наконец, генерал совершенно спокойно.

- Хуже, - сказал генерал-лейтенант. – Случилось нечто гораздо более скверное. – Он снова подождал какого-нибудь проявления любопытства, и, поняв, что не дожидается, продолжил рассказывать сам.

Генерал услышал все то, о чем он и сам давно уже подозревал. Обещания семей неофициально вознаграждать тех, кто найдет останки их родных. Алчность участников поисков, которые стремились любым способом нажиться на этой си-

туации. Махинация с первым скелетом, на гробе которого написали чужое имя. Затем вторая подмена, пятая, десятая. Пока однажды...

Генерала наконец заинтересовал рассказ собеседника.

- И что потом случилось? – спросил он.

Тот махнул рукой, словно говоря: то, чего и следовало ожидать.

- Случилось то, чего и следовало ожидать, - продолжал он. – Похоже, сначала что-то заподозрила одна из семей, а вы ведь знаете, как оно бывает в таких случаях: стоит только пойти слухам, дальше все катится и нарастает, как снежный ком. Комиссии по расследованию, журналисты, охочие до скандалов, оппозиция...

- Ага, понимаю, - сказал генерал, совершенно не проявив сочувствия. – То есть, вы присваивали останкам неопознанных солдат имена тех, о ком просили особо.

- Не я, другие, - перебил его генерал-лейтенант.

- Естественно.

- Самое скверное, что в отличие от вас – вы ведь собираете тела, то есть я хотел сказать, скелеты, чтобы отправить их потом все вместе – мы делали наоборот: отправляли их партиями. Если бы мы действовали как вы, то не было бы и этой неразберихи.

- Это гораздо хуже, чем просто неразбериха... - сказал генерал.

Невольно он представил то, что ужаснуло бы любого генерала: развал армии. Первые следы разложения, бегство солдат, офицеры, срывающие с себя погоны, чтобы легче было скрыться, и, наконец, всеобщий хаос. Он думал, что такое может произойти только с обычной, но никак не с мертвой армией. И вот, то, чего никак нельзя было ожидать, случилось с его коллегой.

Он вспомнил свою последнюю пресс-конференцию на родине, на которой вспышки фотоаппаратов, казалось, ярче высвечивали бесстыдство вопросов, задаваемых журналистами. Господин генерал, как нас проинформировали, у вас есть точные списки абсолютно всего? Ах, вы абсолютно полагаетесь на эти списки и данные о росте солдат? Они повторяли слова «списки» и «цифры» с таким видом, что было совершенно ясно – для них это олицетворение бюрократизма и бездуховного цинизма военных чиновников.

Разгильдяи, им только в кафе ошиваться, выругался он про себя. Благодаря этим спискам и цифрам в моей армии не было никаких потерь... Все были тут, на своих местах, офицеры и солдаты и вестовые, и боевое охранение, и священники и, естественно, телефонисты, погибшие как раз в тот момент, когда кричали «Алло! Алло!», словно отвечали на звонок самой смерти.

- И в самом деле, чертовски скверная история, - сказал генерал после продолжительного молчания.

Его собеседник смотрел по-прежнему потерянно.

- Я умираю от скуки, - пожаловался генерал-лейтенант. – Я тут совсем один. Как я завидую, что вы завтра улетае.

Генерал закурил.

- По вечерам я вообще не знаю, чем заняться. Это еще хуже, чем бродить по горам и спать в палатке.

- Что ж поделаешь.

- Полтора года мы, как геологи, обследовали гору за горой, долину за долиной. А теперь эта история напоследок.

- Это вы хорошо сказали: как геологи.

- И подумать только, какие полезные ископаемые мы ищем, - сказал генерал-лейтенант. – Полезные ископаемые, созданные смертью.

Генерал улыбнулся.

- А теперь извините, - сказал он, взглянув на часы. – Сегодня у меня полно хлопот.

- Конечно, генерал, идите, не хочу вас задерживать. Надеюсь, еще увидимся вечером.

- Я буду здесь, - сказал генерал. – Закончу свои дела и вернусь обратно.

Генерал бросил окурочек в урну и направился было к лифту, но в последний момент обернулся:

- А можно что-нибудь сделать с теми одиннадцатью солдатами? – спросил он.

Генерал-лейтенант пожал плечами.

- Сложно. В самом деле, крайне сложно, - добавил он немного погодя.

- Почему? У вас должны быть адреса тех семей, куда вы их отправили.

Генерал-лейтенант печально улыбнулся.

- Легко сказать, коллега, но задумайтесь только, какая это будет драма для тех семей, когда у них потребуют вернуть останки обратно.

- И тем не менее, - сказал генерал.

- Кроме того, семейные драмы – это ерунда по сравнению с прочими юридическими проблемами, - сказал генерал-лейтенант. – Но, как бы то ни было, вечером мы все это подробно обсудим.

- Обсудим, - сказал генерал и вошел в лифт.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Была половина девятого, когда банкет закончился. Генерал подождал, пока все приглашенные разойдутся и, оставшись наедине со священником, выпил одну за другой две рюмки коньяку.

Ну вот, и это позади, подумал он с облегчением, выходя на улицу. Банкет прошел довольно холодно, но, как бы то ни было, все уже позади.

Он поблагодарил албанские власти от имени своего народа, от лица тысяч матерей, за всю помощь, оказанную во время поисков, а депутат-албанец, встречавший их в самый первый прилет в аэропорту, сказал в ответной речи, что они лишь выполняли свой долг перед другим народом, с которым хотели бы жить в мире. Затем они чокнулись, и в легком хрустальном звоне бокалов послышался отзвук далекой артиллерийской канонады. Эти глухие раскаты ничем нельзя заглушить, подумал генерал, и все, кто там был, слышали их, но никто не хотел в этом признаться.

Он брел теперь сквозь плотную толпу, затопившую улицы, и со всех сторон до него доносилась чужая речь и шум большого города.

На площади Скандербега шел концерт.

Он протиснулся сквозь толпу и привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Сзади два прожектора освещали спины людей, а где-то дальше гудел мотор. Похоже, снимали фильм.

Генерал смотрел на танцующих на сцене артистов, но мысли его были далеко.

Слышны были глухие раскаты, повторил он про себя, в этом хрустальном звоне прозрачных бокалов, и не только гул артиллерийских орудий, но и треск пулеметов, и скрежет штыков и позвякивание солдатских котелков поздно вечером, в час, когда раздают ужин. Все было там, и все это знали и слышали, потому что не услышать это было невозможно.

Он почувствовал резь в глазах от слепящего света прожекторов. Теперь тысячи голов, освещенные сзади ярким светом, отбрасывали тени, вызывавшие у генерала смутное беспокойство. Генерал почувствовал нервный озноб и стал выбираться обратно из плотной толпы. Лучи прожекторов метались в разные стороны, вспыхивая то тут, то там ослепительным светом. Головы людей поворачивались с

беспокойством, отбрасывая длинные конические тени, словно приклеенные к чепам.

Генерал выбрался, наконец, из толпы и направился к отелю.

Ему вспомнилось, как они сидели за столом, друг против друга, представители двух народов и двух государств, и между ними не было ничего, кроме нескольких бутылок и блюд с фруктами.

И это все, что нас разделяет? – спросил он себя, когда они подняли бокалы в первый раз. Только эти бутылки с красивыми этикетками и эти фрукты, собранные в прибрежных садах и виноградниках? Ему вспомнились равнины, окутанные вечерним туманом, лунный свет над ними и слышавшийся где-то вдали лай собак; и одинокие костры пастухов, которые можно было принять за мерцающие звезды. Вдали – собачий лай. И где-то еще дальше – мерцание костра.

- Вам телеграмма, - сказал портье, протягивая ключ от комнаты.

- Благодарю!

Он вдруг обратил внимание, что в эти последние два дня он очень часто говорил: «Благодарю».

К желтой бумаге был приклеен красный ярлычок, обозначающий, что телеграмма срочная.

Он равнодушно вскрыл ее и прочитал: «Узнали об окончании благородной миссии, пожалуйста, сообщите о полковнике. Семья Z.»

Он почувствовал, что кровь ударила ему в голову, и в висках застучало. Он все же попытался сохранить спокойствие. Медленно дошел до лифта и вошел в кабину.

И как тебя только угораздило в это вляпаться, пробормотал он, глядя на собственное отражение в зеркале. Лицо у него было бледным, осунувшимся, с морщинами на лбу, тремя глубокими морщинами, средняя подлиннее, а две другие покороче, словно черточки, напечатанные машинисткой в конце какого-нибудь доклада.

Ты устал, сказал он себе, ты смертельно устал.

Он вошел в свой номер, включил свет, и первое, что бросилось ему в глаза, был маленький фарфоровый горек, бивший в барабан.

Генерал лег и попытался заснуть.

На улице гремел салют. Разноцветные отсветы проникали в комнату сквозь жалюзи, разрезанные на узкие полоски, и кружились по потолку и стенам. И снова ему вспомнилась большая комната в военном штабе, двадцать с лишним лет назад, где он вместе с другими сидел за длинным столом военно-медицинской комиссии. Время от времени члены комиссии передавали из рук в руки рентгеновские снимки призывников. Они рассматривали их на просвет, и темные кости крутились вот так же над их головами, а потом кто-то устало и равнодушно произносил всего одно слово: «годен». Они обычно говорили «годен» даже в том случае, если между ребер было небольшое пятнышко. Только когда пятна были слишком большими, и не заметить их было невозможно, они бормотали «не годен». И это продолжалось с утра до ночи, и весь день призывники с бритыми го-

ловами отправлялись прямо отсюда в казармы, а оттуда на войну, которая только-только началась.

Полоски света раздражали его. Он закрыл глаза, чтобы их не видеть, но стоило ему закрыть глаза, как перед ним еще отчетливее представала огромная пустая комната призывной комиссии, и растерянных новобранцев, стоявших перед длинным столом, совершенно голых, похожих на белые свечи.

Генерал встал. Пора было ужинать. Он вышел и спросил, где священник. Ему сказали, что тот куда-то ушел. Тогда он вернулся в номер, поднял телефонную трубку и попросил соединить его с генерал-лейтенантом.

Они оба медленно, в молчании, спустились по мраморным ступеням. Внизу, в холле, было так же оживленно, как и утром.

В ресторане они с трудом нашли место, чтобы сесть. Из окна был виден бульвар, гуляющие люди, отсветы салюта падали на головы прохожих и на деревья парка, словно густой разноцветный снег.

Генерал заказал ракию. Генерал-лейтенант – коньяк.

Деревянные ступеньки, которые вели в таверну, непрерывно скрипели.

Они чокнулись и выпили. Потом долго молчали. Генерал снова наполнил рюмки. Это было для него проще, чем начать разговор.

Снаружи гремел салют.

- Празднуют победу, - сказал генерал.

- Да.

Они смотрели в окно – небо вспыхивало, словно сверху спускалась гигантская раскаленная каска, которая начинала переливаться, разлетаясь искрами во все стороны, и вдруг бледнела, остывала и растворялась в ночном мраке.

- Ну и работенку на нас взвалили, - сказал генерал.

Они вновь принялись рассуждать, что было тяжелее: сама война или выпавшее на их долю время - брести по ее смертоносному следу.

Генерал взглянул на пустой рукав, засунутый в карман мундира.

Можешь и не говорить, что ты был на войне, подумал он.

- Это и есть сама война, - рассуждал генерал-лейтенант. – Эти кости – ее квинтэссенция, ее суть, очищенная от всего случайного, словно осадок, выпадающий на дно сосуда в результате химической реакции.

Генерал печально улыбнулся. Прямо поэзия, подумал он и наполнил рюмки.

- Вы слышали о том, что у ныряльщиков за жемчугом разрываются легкие, если они опускаются слишком глубоко? Вот так у нас от этой работы разорвались души.

- Это верно, у нас разорвались души.

- Мы устали, - сказал генерал.

Его собеседник глубоко вздохнул.

- Мы смята всего лишь тенью войны. А если бы это была сама война?

- Сама война? Может быть, нам было бы легче.

Они поговорили о войне и порожденных ею призраках, так и не придя к окончательному выводу, что они предпочли бы, будь у них выбор.

Снизу доносилась музыка, а кофеварка-экспресс время от времени нежно свистела, выпуская пар.

- Вы помните, той ночью, когда мы познакомились, я рассказывал вам о стадионе? – спросил генерал-лейтенант.

- О том стадионе, где вам не разрешали копать, пока не закончится футбольный чемпионат?

- Да, именно о том.

- Припоминаю, - сказал генерал. – Что-то такое припоминаю. Как вы начали раскапывать по краям, а весь день шел дождь.

- Верно, - сказал генерал-лейтенант. – Все так и было. Ямы чернели вокруг футбольного поля, и на трибуны лились потоки воды. Потом мы стали раскапывать само поле, там, где стоит вратарь, где играют защитники, где носятся нападающие, одним словом, повсюду, и поле стало похоже на решето. Но я не об этом хотел рассказать.

- А о чем же тогда?

- Я рассказывал вам о девушке, которая приходила каждый вечер и ждала, пока у ее жениха не закончится тренировка?

- Что-то такое вы мне рассказывали, - сказал генерал, - но я не помню толком.

- Она приходила каждый день и, когда шел дождь, накидывала капюшон плаща и сидела там в углу, у самых трибун, не сводя глаз со своего жениха, носившегося по полю.

- Теперь припоминаю, - сказал генерал. – Вы еще говорили, что на ней был голубой плащ.

- Да, да, - оживился генерал-лейтенант. – У нее был красивый голубой плащ, а глаза у нее были еще более яркого голубого цвета, хотя и немного холодноватые, но мне казалось, что никогда еще я не видел более красивых глаз. Так вот, она приходила туда каждый день, а мы все копали, и поле было окружено ямами со всех сторон.

- Так что же было потом? – равнодушно спросил генерал.

- Ничего, - сказал генерал-лейтенант, - ничего особенного. Ближе к вечеру парни заканчивали тренировку, и тогда один из них обнимал ее за плечи, и они, обнявшись, уходили. И тогда, поверьте, меня охватывала страшная тоска, мир казался мне таким же пустым и бессмысленным, как и тот проклятый мрачный стадион. И это в моем-то возрасте, поверите ли?

Просто отвратительно, подумал генерал.

- Так иногда случается в жизни, - продолжал генерал-лейтенант. – Именно тогда, когда не ждешь, вдруг появляется какая-то безрассудная, сумасшедшая мечта, словно цветок вырастает на краю обрыва. Ну какое дело было мне, генералу чужой армии, пожилому человеку, к тому же инвалиду, какое дело было мне, прибывшему сюда, чтобы собрать кости погибших солдат, своих соотечественников, до этой молодой девушки-иностранки?

- Конечно, никакого дела вам до нее не было, - сказал генерал. - Но думать-то вы могли все что угодно. Часто бывает, что человек мечтает о чем-то недостижимом, особенно если речь идет о женщинах. Позапрошлым летом на курорте...

- Иногда мне казалось, что я мечтал о ней, - перебил его генерал-лейтенант, - а иногда мне и самому было непонятно, отчего мне тоскливо. Меня даже и не сама девушка волновала, а что-то другое, что трудно выразить словами. Вы меня понимаете?

- В общих чертах понимаю, - сказал генерал. - Как мне кажется, вас взволновала не столько даже молодость, сколько жизнь как таковая, которую она олицетворяет. Мы уже столько времени бродим, словно гиены, вынохивая, куда спряталась смерть, чтобы любыми способами выманить ее наружу. И совершенно забываем о прекрасном. Вот на курорте позапрошлым летом, как я уже вам говорил, со мной произошло нечто, что...

- И это в моем-то возрасте, хм, - перебил его вновь тот.

Генерал стиснул зубы так, что они скрипнули. Он терпеть не мог, когда кто-то ни о чем, кроме себя самого, не говорил. И вот так, сжав челюсти, он еще раз выслушал все те же слова о ступеньках стадиона и девушке в голубом плаще.

Тоже мне, любовник выискался, повторил он пару раз про себя.

Когда он понял, что... свою курортную историю... позапрошлогоднюю... даже если бы тот и дал ему, он уже больше не хотел рассказывать (был такой момент, когда он и сам поверил, что и в самом деле произошла какая-то история там, на курорте, но была эта история такой хрупкой, что достаточно было его слушателя выказать равнодушие, как она испарялась бесследно, словно капля утренней росы), то, потеряв надежду раскрыть свое сердце, он внутренне ожесточился.

Ну, погоди у меня, подумал он. Хочешь, чтобы кто-то проявлял внимание к твоим чувствам, а когда речь заходит о других, становишься глухим. Не захотел слушать о курортной истории? Ну, так он ему попортит крови как-нибудь по-другому. Старуха со свадьбы, со своим вымазанным в грязи мешком и страшными воплями все время стояла у него перед глазами.

- Однажды ночью я пошел на их свадьбу и решил потанцевать, - начал было рассказывать генерал, но собеседник снова его перебил.

- Я, - и он ткнул себя рукой в грудь, - седой инвалид с ампутированной рукой, знаете, что я сделал, когда мы через месяц вернулись в этот город? Я пошел днем на стадион, как раз в то время, когда у них бывали тренировки. Но стадион был закрыт. Я все же попросил разрешения войти. Сторож открыл мне большие железные ворота, и я вошел. Стадион был пуст и мрачен, как никогда. Ямы уже закопали, но на земле все же остались следы, похожие на затянувшиеся раны. Я побродил возле трибун, там, где сидела эта девушка, и у меня стало ужасно тяжело на душе, и показалось в тот момент, что всю мою жизнь на меня будут давить эти длинные, мокрые, изогнутые трибуны, эти пустые бетонные ступени, которые закручивались вокруг меня и казались совершенно бесконечными. Вы меня слушаете?

- Слушаю, - сказал генерал. – Слушаю. – А про себя подумал: ну что, полегало тебе?

Его переполняла злоба, и он с трудом мог дожидаться момента, чтобы отомстить. Старуха Ница, как ему казалось, прекрасно впишется в галерею навязчивых кошмаров. Вот мы и будем бороться с ними оба, словно с жидкой грязью и дождем, которые вот-вот нас утопят.

- На той свадьбе, о которой я вам говорил, когда я встал потанцевать...

На этот раз его перебил не генерал-лейтенант, и все же генерал именно на него посмотрел с осуждением.

Принесли еще одну телеграмму.

- Шлют телеграммы, думают, что с помощью телеграмм можно что-то решить, - сказал генерал. – Знаете, что мне сказала старуха-албанка на одной свадьбе? Ты пришел сюда смотреть, как мы женим наших сыновей, чтобы потом придти сюда их убивать.

- Жуткие слова.

- Жуткие слова? Вы говорите, жуткие слова? Что бы вы сказали, если бы знали, что случилось после этого?

- Не знаю, - сказал тот.

- Да лучше вам и не знать.

- Пейте, коллега, - сказал генерал-лейтенант. – За ваше здоровье! Чтобы вы благополучно и в полном здравии вернулись на родину! Как я вам завидую.

- Благодарю, коллега!

Генерал чувствовал, что пьянеет. Гнев угас, хотя и не до конца. Он снова попытался рассказать о старухе Нице, но почему-то упомянул заразившегося рабочего.

- Вы мне уже рассказывали, - сказал тот.

- А о том, что он умер, вы знаете?

- И об этом тоже знаю, - сказал генерал-лейтенант, глядя ему прямо в глаза, словно демонстрируя, что его такими вещами не испугаешь.

Вы мне уже рассказывали, вы мне уже рассказывали, подумал генерал. Об этом стадионе ты мне все уши прожужжал, уже раз десять повторил, а я тебя не перебивал.

Зал понемногу пустел, деревянные ступени, ведущие вниз, скрипели все реже, но музыка играла не переставая.

- А где ваш святой отец? – неожиданно спросил генерал-лейтенант.

- Не знаю, - сказал генерал. – Шляется где-то тут, и, конечно же, продолжает отвечать на телеграммы.

Тот уставился на него с изумлением, и хотел было о чем-то спросить, но передумал.

Генерал наклонился к нему, словно хотел о чем-то попросить. Поколебавшись немного, он сказал:

- Об этом стадионе... если вам вдруг захочется, не говорите мне больше... И об этих... голубых плащах, да и о всяких других тоже.

- Даю слово, коллега. Однажды... нет, я не собираюсь больше упоминать стадион. Однажды мы услышал песню, и решили сначала, что это провокация. Но это была старинная песня, и более того, песня о любви.

- Вот как?

- В песне говорилось примерно следующее: ты, о Ханко, такая красивая, не ходи среди могил, твоя красота оживляет мертвецов.

- Надо же, - удивился генерал.

Они долго еще разговаривали, но все время речь у них заходила о войне и о кладбищах. К каждой нашей мысли приделана обитая жестью табличка, подумал генерал. Проржавевшая табличка с выцветшими буквами, которые с трудом можно прочитать. Табличка скрипит, когда дует ветер, а ветер дует не переставая, как в том ущелье, где все кресты и надгробья были наклонены на запад. Они спросили, отчего это, и крестьяне сказали им, что это из-за ветра, который все время дует в этом направлении.

Зал почти совсем опустел, когда принесли еще одну телеграмму. Генерал взял ее у портье и вскрыл, даже не посмотрев, откуда она.

Он скомкал ее, не дочитав до конца, и бросил в пепельницу.

- Сегодня вечером вам приходят крайне таинственные телеграммы, коллега.

Генерал ему не ответил.

Генерал-лейтенант вздохнул.

- Я боюсь ночных телеграмм, - сказал он.

Музыка еще была слышна, но на деревянных ступеньках посетители показывались все реже.

- Который час? - спросил генерал.

- Скоро полночь.

Они еще выпили за что-то, генерал толком не понял, за что. Да и какая разница, подумал он, за что мы пьем? Пусть это его волнует.

На какое-то мгновение ему вновь вспомнилась старуха Ница. Думаешь, тебе удалось от нее отвертеться, обратился он мысленно к собеседнику. Ха, ха, думаешь, ты оставишь меня с нею наедине. Это ты зря, никуда ты от нее не денешься.

- Я хотел вас спросить, - сказал он, наклонившись к самому его уху, - а доводилось ли вам когда-нибудь пить со священником?

- Со священником? Насколько я помню, нет. Думаю, не доводилось. Хотя руку на отсечение не дал бы.

Генерал снова посмотрел на рукав, небрежно засунутый в карман мундира.

У тебя всего одна рука, подумал он, и стоило бы ее побереечь.

- Нет, насколько я помню, - повторил генерал-лейтенант.

Генерал покачал головой.

- Такова вот человеческая жизнь, - проговорил он задумчиво, - сегодня бредешь под дождем, завтра пьешь со священником. Разве нет?

- Конечно.

- Нет, скажите, вы имеете что-то против?

- Как вы может сомневаться, коллега?

- О, простите. Я слегка перевозбужден.

- Ну что вы, что вы!

- Хм.

Уставившись в пепельницу, генерал сделал такой жест, словно удивился чему-то.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Генерал думал, что это его коллега что-то бормочет, поэтому он удивился, когда тот спросил его:

- А что вы все время бормочете?

- Мне вспомнились чьи-то слова на той проклятой свадьбе... дождь и смерть найдешь где угодно...

Его собеседник удивленно присвистнул.

- Потом уже, мой священник, он же еще и полковник, и переводчик, и любовник, и неизвестно кто еще, мне объяснил, что у этой старинной поговорки есть продолжение.

Тот снова присвистнул.

- Дождь и смерть найдешь где угодно, поищи что-нибудь другое, о человек... Прошу вас, не надо опять свистеть. Другими словами, это как бы с одной стороны, осуждение, с другой стороны, совет. А вот у меня, так же, как и у вас, у нас нет ничего другого, что мы могли бы искать. Другие ищут нефть, хром, античные статуи. А мы, несчастные, ищем только одно. Разве нет? Мы... «Стандарт Смерть Кампэни», не правда ли? Ха, ха, ха.

Собеседник слушал его, открыв рот.

- Все это чертовски запуталось, - проговорил он задумчиво. – Хром, нефтяная компания... Уже за полночь, - добавил он чуть погодя. – Похоже, они собираются закрывать.

- А давайте, пойдем в мою комнату? – сказал генерал. – Я просто счастлив, что нахожусь в вашем обществе, дорогой коллега.

- Взаимно, коллега.

Они поднимались по лестнице, спотыкаясь о ступеньки, в руке у каждого была бутылка.

- Не нужно шуметь, - сказал генерал. – Албанцы рано ложатся.

- Дайте мне ключ; мне кажется, у вас дрожат руки.

- Главное не шуметь.

- А мне нравится шум, - сказал генерал-лейтенант. – Тишина нагоняет на меня ужас. Это была беззвучная война, словно немой фильм. Лучше бы уж грохотали пушки. Я выражаюсь, как персонаж пьесы?

- Тсс. Кто-то кашлянул.

- Дайте мне ключ. Ужасно беззвучная война. Просто мертвая война.

- Входите, прошу вас, - сказал генерал. – Садитесь. Весьма рад.

- Я невероятно счастлив.

Они уселись за стол друг против друга и сочувственно переглянулись. Генерал наполнил рюмки.

- Мы две перелетные птицы, которые пьют коньяк, - прочувствованно сказал генерал-лейтенант.

Генерал кивнул. Потом они долго молчали.

- Мы разругались из-за мешка, - сказал генерал и нахмурился.

Он уставился на своего коллегу и, казалось, пытался что-то вспомнить.

- Я его сбросил в пропасть, - проговорил он таким тоном, словно делился тайной.

- Но вы сказали, что священник у себя в номере.

- Не священника, - сказал генерал, - мешок.

- Ага, я понял. Совершенно правильно.

- Он не хотел, чтобы я его сбрасывал, - продолжал генерал, - а я не хотел брать мешок с собой, потому что он приносит несчастье.

- Совершенно правильно. В конце концов, что за важность – какой-то мешок? – сказал генерал-лейтенант, затягиваясь сигаретой.

- Но он никак не хотел с этим соглашаться.

- Поэтому вы и его самого туда кинули.

- Не его, мешок.

- Ах да, простите!

Они снова замолчали. Жили-были легковушка и грузовик, вот ехали они однажды под дождем, подумал генерал.

- Жили-были легковушка и грузовик, вот ехали они однажды под дождем, - громко проговорил он вслух.

- Что это? – спросил генерал-лейтенант. – Вы занимаетесь вопросами транспорта?

- Нет, это еще одна сказка для моей внучки.

- Вот как? Вы собираете сказки?

- Естественно.

- Буду иметь в виду. Проблема сказок всегда меня занимала.

- Это очень серьезная проблема.

- Неразрешимая проблема.

- Совершенно сбивающая с толку, я бы сказал.

- И не говорите, - неожиданно резко сказал генерал-лейтенант.

Генерал удивленно посмотрел на него, но мысли его тут же перескочили на другое.

- Вы знаете эту песню, «Пролетел косяк гусей»? – спросил он. – Как-то ночью мне приснился странный сон. Будто по небу летит кладбище, клином, словно косяк птиц.

- Забавный сон.

- У меня четыре мертвых священника, - сказал генерал.

- А у меня – ни одного, - с сожалением произнес генерал-лейтенант.

- И проституток у тебя нет.

- И проституток.

- Не расстраивайся, может, еще найдешь.

- Может быть, - вздохнул генерал-лейтенант. – Чего только не находят в земле. – А где ванная?

- За занавеской.

Генерал долго сидел за столом в одиночестве. Наконец генерал-лейтенант вернулся.

- В одном ущелье мы нашли кости солдат вперемешку с ослиными, - сказал генерал-лейтенант. От выпитого он побледнел.

- Я собрал солдат, погибших по вашей вине, бездарные генералы, - сказал генерал.

- Не оскорбляйте их. Как бы то ни было, им пришлось нелегко.

- Нам было еще тяжелее.

- Возможно.

- Протокол вскрытия номер сто четыре, тип «Б», - сказал генерал.

Они помолчали.

- Ослиные кости совсем не похожи на человеческие. Любому сразу понятно.

- Естественно. Это так просто. По-моему, у человека пятьсот семь костей.

- Это не так, коллега, - сказал генерал-лейтенант мрачно. – Это не так. У меня меньше.

- Не может быть.

- Может, - упорствовал тот, голос у него охрип. – У меня нескольких костей не хватает. Я калека.

- Ну что вы, - успокаивал его генерал. – Ну что вы, коллега.

- Я калека, - повторил генерал-лейтенант. – Вы мне не верите, так я вам сейчас покажу.

Он попытался снять китель одной рукой, но генерал схватил его за плечи.

- Не нужно, коллега, не нужно. Я несколько не сомневаюсь в ваших словах. Простите, пожалуйста, простите меня. Я очень виноват. Я ведь, в конце концов, полное ничтожество.

- Я должен доказать вам и всем тем, кто мне не верит. Сейчас прямо и докажу.

- Тсс, - сказал генерал. – Мне кажется, в дверь стучат.

Они замолчали, стук повторился.

- Кто может стучать в такое время?

- Я боюсь, когда ночью стучат, - сказал генерал-лейтенант. – Так стучали той ночью, когда мне срочно пришлось отправиться на фронт. Тук, тук, тук. Потом, когда я вернулся, я с трудом смог открыть дверь. Потому что я впервые открывал дверь одной рукой, - заговорщицким тоном добавил он.

Генерал, покачиваясь, пошел открывать дверь.

Это был портье с очередной телеграммой.

- У вас сегодня все так загадочно, коллега, - сказал генерал-лейтенант. – Все эти ночные телеграммы не к добру.

Сейчас там трезвонят белые телефоны, подумал генерал. Сейчас они звонят друг другу, алло, алло, алло, алло, а потом выбегают на улицу и несутся друг к другу как сумасшедшие.

Генерал попытался представить себе, как они все собираются в доме полковника, как звонят друзьям в своем клубе; ему смутно, словно сквозь туман, выдилось, как выходит на лестницу, сцепив на животе руки, старуха-мать полковника, и как Бети вскакивает беспокойно с кровати, и как все перешептываются: негодяй, он так его и не нашел, негодяй.

Я не негодяй, Бети, подумал он.

- Они сегодня не спят, - вслух сказал он.

- А что им нужно? – спросил генерал-лейтенант.

- Мешок, - сказал генерал.

- Я вам советую отдать им мешок и положить конец этому беспорядку. Смирно!

Вот дерьмо, подумал генерал.

Он скомкал телеграмму и бросил ее на пол.

- Знаете что? – сказал он. – Я подозреваю, что мой священник – шпион.

- Очень может быть. Но руку на отсечение дать не могу.

Он долго молчали. Сквозь жалюзи забрезжила мутная белизна.

- Светает, - сказал генерал-лейтенант.

С балкона доносился мягкий шелест дождя.

- Я боюсь телеграмм, - проговорил, словно в забытии, генерал-лейтенант. – В них всегда скрывается что-то скверное, о чем нельзя говорить вслух. Я помню, на фронте один штабной офицер получил телеграмму от своего друга, который давно уже был убит.

- Страшные вещи вы рассказываете, коллега.

- Тсс, - перебил его генерал-лейтенант. – Послушай!

- Что?

- Прислушайся. Ничего не слышите?

Генерал прислушался.

- Дождь, - сказал он.

- Нет, это не дождь.

Вдали, где-то совсем далеко, слышен был глухой шум. Затем резкие отрывистые голоса и снова шум дождя.

- Что это?

- Выйдем на балкон, - предложил генерал и поднялся.

Когда они вышли, влажный ночной ветер хлестнул их по лицам; далекий шум стал слышен более отчетливо.

Моросил мелкий мягкий дождь. Бульвар казался светлым от холодных неоновых огней. Парк, черневший перед отелем, напротив, казался большим и пугающим.

- Там, - прошептал генерал-лейтенант, - гляди.

Генерал посмотрел туда, куда тот показывал рукой, и вздрогнул. Вдали, около университета, они увидели на бульваре большие темные прямоугольники, двигавшиеся в их сторону.

Теперь ясно был слышен тяжелый топот шагов, отрывистые короткие команды резко звучали в ночном мраке.

Оба генерала стояли, облокотившись на перила и повернувшись в ту сторону. Когда массивные квадраты подошли к мосту, генералы могли уже разглядеть холодный блеск мокрых касок и штыков, ряды солдат и обнаженные сабли офицеров. Тяжелая поступь, казалось, сотрясала землю, и в короткие промежутки тишины между ударами слышны были команды офицеров.

Черные квадраты все приближались. Весь бульвар уже стал черным от них, а отражения фонарей в их касках загадочно дрожали, создавая изображение таинственного искаженного мира.

- Целая армия, - сказал генерал-лейтенант. – Что это?

- Их армия, - ответил генерал. – Похоже, репетируют перед военным парадом.

Вдалеке послышался глухой рокот моторов.

- Танки, - сказал генерал.

Танки показались вдали у моста, большие и черные, с жерлами стволов, устремленных во тьму.

И вот уже весь бульвар заполнился войсками и железом, все двигалось в сторону площади Скандербега, повинувшись командам офицеров. Команды были короткие, словно хрип, вырывающийся из перерезанного горла.

Когда последний квадрат скрылся за зданиями министерств, и бульвар остался лежать в неоновом свете, молчаливый и бледный, словно от бессонницы, они вернулись в комнату.

- Целая армия, - сказал генерал-лейтенант.

- Я замерз.

- Мы промокли, просто насквозь.

- Выпейте, генерал, иначе простудитесь.

Теперь они оба немного протрезвели.

Генерал поднял голову.

- Когда я на них смотрел, я вспомнил о моей армии, и представил, как могли бы пройти мои солдаты, одетые в голубые мешки с черными лентами.

- А у меня все гораздо хуже, - сказал генерал-лейтенант. – У меня никакого порядка, просто неорганизованная толпа. В моей армии никто никому не подчиняется.

Когда придешь в это гиблое место, подумал генерал. Им овладел глухой, непонятно откуда появившийся страх.

- Когда придешь в это гиблое место, - сказал он вслух.

- Что? – спросил генерал-лейтенант.

Генерал схватился руками за голову, это был совершенно нехарактерный для него жест. Это было какое-то чужое движение, даже больше, чем чужое – пришедшее из древнего мира женщин.

Нет уж, сказал он себе. Он терпеть не мог этих причитаний, когда слова тянулись одно за другим, прерываемые только чем-то, напоминающим заунывную музыку смерти.

Когда придешь в эту... страну... найди моего мальчика... сына.

Перед его мысленным взором смутные призраки - графиня Z. и старуха Ница - передавали что-то друг дружке. Отдай мне сына, женщина... Забирай, графинюшка, забирай...

И между ними был он – совершенно одинокий.

- А знаете, почему я поругался со священником? – спросил он, вздохнув так тяжело, словно поднимался из глубокого колодца.

- Нет, - сказал генерал-лейтенант.

- Из-за скелета, - сказал генерал. – У нас не хватает одного скелета ростом метр восемьдесят два.

- Велика беда, - хмыкнул генерал-лейтенант. Затем он поднял голову и глаза его блеснули.

- Метр восемьдесят два? А хотите, я вам продам как раз такой?

- Нет, - сказал генерал.

- Почему нет? У меня их навалом. Уступлю по дружбе за сотню долларов.

- Нет.

- Вы же сами сказали, что вам нужен скелет метр восемьдесят два? У меня таких полно. Есть даже метр девяносто два, если желаете. Даже два метра. Даже два метра десять. Наши солдаты были более рослыми, чем ваши. Хочешь?

- Нет, - сказал генерал. – Не хочу.

Генерал-лейтенант пожал плечами.

- Дело ваше, - сказал он. – Мое дело предложить.

Генерал встал и с трудом дошел до чемодана. Он открыл его и вытряхнул содержимое на пол. Списки, карты, протоколы и записи перемешались с полотенцами и рубашками. Он схватил кипу списков и нетвердой походкой вышел из комнаты.

- Куда это он отправился? – пробормотал генерал-лейтенант.

Генерал прошел несколько шагов по пустому коридору и остановился перед какой-то дверью.

Священник ночует тут, подумал он.

- Священник, - тихо позвал он, наклонившись к замочной скважине. – Священник, вы меня слышите? Это я. Хочу помириться с вами. Зря мы поругались из-за полковника. К чему нам ссориться из-за какого-то мешка? Мы можем уладить это дело, святой отец. Создадим полковника заново. Согласен? Соглашайся, священник! Это нам обоим на руку. Ты скажешь, какая же ты легкая, Бети. Хорошо. Скажи! Это твое личное дело. Тебе не хватает скелета! Вот он. Я принес списки, священник, ты меня слышишь? Вот он здесь у меня. У нас полно солдат ростом метр восемьдесят два. Вставайте, и выберем одного! Вот один из второй роты пулеметчиков. Вот еще один, танкист. Я и еще одного нашел. Вставайте, просмотрим все списки! Вот еще один. У него не хватает двух передних зубов. Но это ерунда, мы можем сделать их у дантиста. Вот и еще одного нашел. И еще двух. Вы меня слышите? И все метр восемьдесят два. Я не вру, священник. Метр восемьдесят два. Метр восемьдесят два. Что? А, подожди... мне кажется, что я и сам метр восемьдесят два...

Генерал долго еще бормотал, наклонившись к замочной скважине. И вдруг дверь с грохотом распахнулась. Толстая женщина в халате глядела на него с возмущением.

- Как вам не стыдно! Хотя бы с возрастом моим посчитались ...

Генерал вытаращил глаза. Дверь захлопнулась прямо у него перед носом, и он какое-то время стоял неподвижно. Потом наклонился и с трудом попытался собрать списки, рассыпавшиеся, пока он говорил.

На рассвете, когда принесли последнюю телеграмму, они все еще пили. Генерал вскрыл телеграмму, но не смог разобрать ни одной буквы. Он подержал ее в руке, то тараща глаза, то морща лоб, но все равно ничего в ней не понял. Телеграмма была похожа на полоску тумана, вырезанную из бледного бессмысленного неба. Он скомкал ее и, покачиваясь, подошел к окну.

- Не о-поз-нан, - воскликнул он и выбросил телеграмму на улицу.

Телеграмма падала вниз, покачиваясь в холодном полумраке.

ГЛАВА ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ

Рано утром к портье спустилась одна из уборщиц с четвертого этажа.

- Я нашла эти бумаги, - сказала женщина, протягивая портье кипу машинописных листков. - Не знаю, чьи это.

- Где ты их нашла?

- На третьем этаже, в коридоре. Несколько штук перед номером 429, несколько перед 403-им. Кто-то выронил их ночью.

Портье посмотрел на них с удивлением. Затем нахмурился, размышляя.

- Оставь тут, - сказал он. - Пусть тот, кто потерял, сам их ищет.

Листы напоминали списки имен, отпечатанных на машинке. Возле имен были десятки маленьких красных или синих крестиков и какие-то пометки, сделанные от руки, торопливым почерком.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

На чужую землю падал дождь вперемешку с дождем. Тяжелые мокрые хлопья снега таяли тут же, едва успев коснуться бетонной площадки перед зданием аэропорта. На голой земле снег лежал немного дольше, но не успевал и ее покрыть хотя бы тонким белым слоем, потому что дождь уничтожал своего союзника, как только они оба касались земли.

Генерал, в парадной форме, наблюдал за мимолетной жизнью падающего снега. Время от времени он смотрел вверх, на небо. А оно, не обращая внимания на то, что происходило на земле с его детьми, продолжало посылать на смерть тысячи новых снежных хлопьев.

- Холодно, - проговорил вышедший их провожать албанец-депутат

- Да, холодно, - ответил генерал.

Они уже с некоторым нетерпением смотрели на приближавшийся к ним самолет, в то время как по радио женский голос просил опаздывающих пассажиров поторопиться. И в самом деле, через несколько мгновений рев самолета настолько заполнил все собой, что они могли просто говорить одно и то же: холодно, и в самом деле, холодно, действительно, холодно, не боясь повториться, потому что все равно ничего не было слышно. И вот так, с облачками пара изо рта, скрывавшими неизвестно какие слова, они подошли к трапу самолета.

Ветер дул не переставая.

Тирана, 1962-1966